

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи.
(КАТКОВЪ и К^о.)
1865.

Дозволено цензурой. Москва 17-го февраля 1865 года.

I.

Не задолго до французской революціи, родился я: ужасы о ней разказываемые поражали даже ребяческій слухъ мой, ибо граница единственной земли, въ которой повторялось ея безразсудное эхо, находилась только въ тридцати верстахъ отъ мѣста гдѣ я выросалъ. Исполненный вѣрнопопдадничскаго чувства отецъ, благочестивая, православная мать и честный Нѣмецъ прежнихъ временъ, другъ порядка и законовъ, первые внушили мнѣ омерзѣніе къ ея неистовствамъ. Въ аристократическомъ домѣ два Француза-легитимиста довершили ими начатое. Ослѣпленный предрассудками, отъ которыхъ и понынѣ еще не красѣю, я не только раздѣлять, но даже понимать не могъ восторговъ при имени перваго консула республики. Она въ глазахъ моихъ была продолжительнымъ преступленіемъ, а онъ былъ сынъ ея, и долго—ея подпора, ея слава. Скоро всѣ начали думать и говорить согласно съ моимъ образомъ мыслей, скоро похвалы ему превратились въ укоризненную брань, и именно тогда какъ возстановилъ онъ монархическую власть и всѣ ея формы. Вольнолюбивые видѣли въ немъ тирана, истребителя свободы; царелюбцы называли его хищникомъ престола; Англія, которая тогда безпрепятственно давала направленіе политическимъ мнѣніямъ въ Россіи, распространяла въ ней ненависть къ нему. Вѣнецъ и порфира казались мнѣ запачканными его полуплебейскимъ прикосновеніемъ. Въ консулѣ, равно какъ и въ императорѣ, видѣлъ я все-таки еще революцію; она сокрушала царства, низвергала царей, она сожгла Москву. Когда человѣкъ заберетъ себѣ что-нибудь въ голову, то трудно доказать ему ошибку его.

Весь этот волшебный миръ, который столь яркими красками описывали мнѣ старые Французы, съ коими имѣлъ я сношенія, исчезъ въ ужасной безднѣ, подобно городамъ поглощеннымъ землею или волнами, Помпей, Геркулану или Винетъ. Все это дореволюціонное блаженство, которое не суждено мнѣ было видѣть, и которое зналъ я по однимъ лишь преданіямъ, оставалось моею любимѣйшею мечтой; но не оставалось ни малѣйшей надежды, чтобъ этотъ золотой вѣкъ могъ когда-либо возвратиться. И вдругъ, крутой переворотъ и быстро за нимъ послѣдовавшія происшествія воскресили бывшее, навсегда казавшееся погибшимъ.

Когда, къ неописанной радости моей, громкими молитвами православнаго духовенства, оскверненная цареубійствомъ площадь была очищена и освящена; когда потомокъ святаго Лудовика, принявъ его наслѣдіе, на заблужденія, на злодѣянія минувшихъ лѣтъ набросилъ мантию его милосердія, я думалъ что все кончено. Ни мало: два человѣка, одинъ возстановитель законнаго порядка, другой, именовъ его возстановленный,—оба движимые различными чувствами, начали создавать нѣчто новое, съ духомъ времени болѣе согласное. Оба надѣялись, свисходительностью и благодушіемъ истребить силу и затмить славу сверженнаго Наполеона. Возвратившійся Лудовикъ XVIII, на радостяхъ, народу своему пожаловалъ хартію. Съ высоты трона, добровольно изливая свободу, онъ могъ надѣяться что подданные будутъ въ немъ видѣть источникъ вѣчныхъ благъ. Долженъ повиниться въ тогдашнемъ невѣжествѣ своемъ: не обративъ должнаго вниманія на хартію сію, я почиталъ ее новымъ образованіемъ, утверждающимъ королевскую власть. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ камерахъ, вездѣ преимущественно стали показываться Ноальи и Граммоны, Монморанси и Роганы, Ларошфуко и Бофремоны, и я былъ предоволенъ. Но не прошло года, и Франція доказала что желѣзный скипетръ и мечъ Наполеона предпочитаетъ она всѣмъ хартіямъ.

Графъ Прованскій, иначе Мосье, не имѣлъ во нравѣ ничего схожаго съ двумя добродушными братьями своими, старшимъ благочестивымъ и меньшимъ — въ молодости вѣтреннымъ шалуномъ. Онъ былъ настоящій Французъ восемнадцатаго вѣка, слегка философъ, волтеріанецъ, слегка англоманъ. Не насъ однихъ можно упрекать въ страсти къ

подражанію; этой слабости кажется подвержена большая часть человечества. За нѣсколько лѣтъ до революціи, у Французовъ, точно также какъ нынѣ у насъ, вошло въ обычай поносить все отечественное, ругаться надъ нимъ и восхищаться однимъ только иноземнымъ, то-есть англійскимъ. Слѣдуя общему движенію, королевскій братъ углубился въ разсмотрѣніе образованій всѣхъ государствъ, но преимущественно съ прилежаніемъ сталъ изучать чудный механизмъ великобританской правительственной машины, верхъ совершенства между изобрѣтеніями людей. Небо Франціи омрачилось, грозило королевской власти, и можетъ быть тайно надѣялся онъ возстановить ее въ своей особѣ, посредствомъ своихъ новыхъ теорій. Онъ былъ начитанъ, много писалъ, любилъ поавторствовать, и родясь на ступеняхъ трона, подходилъ однакоже на нынѣшнихъ профессоровъ и адвокатовъ! Но онъ былъ скромень, осторожень, и подобно родственнику своему, развратному герцогу Орлеанскому, не вступалъ въ явную оппозицію. Первые взрывы революціи не испугали его, и когда, послѣ взятія Бастиліи, графъ д'Артуа покинулъ отечество, около двухъ лѣтъ оставался онъ еще спокойнымъ зрителемъ народныхъ бурь. Послѣ долгихъ странствованій послѣднее убѣжище нашель онъ въ Англій, и тамъ вблизи могъ любоваться устройствомъ ея. На гостепріимное лоно любимой имъ земли, казалось, навсегда склонилъ онъ отягоченныя тучностію тѣло и думами главу. Въ уединеніи своемъ не переставалъ онъ мечтать объ устройствѣ, которое далъ бы онъ Франціи еслибъ она соблаговолила призвать его. Возвращаясь въ нее, онъ несъ въ рукахъ любимое чадо свое— плодъ долгодѣльныхъ досуговъ, въ тишинѣ Гартвела имъ взлѣблянное. Оно и спасло Францію отъ вторженія Наполеона, и скорѣе открыло ему путь въ нее, но родительская любовь никогда не позволила ему разстаться съ нимъ.

Высокая ученость почти всегда отдѣляетъ людей отъ дѣйствительности жизни. Вѣнчанная мудрость въ бархатныхъ сапогахъ совсѣмъ не постигла народный духъ Французовъ. Лудовикъ XVIII полагалъ, что, подобно Англій, самые жаркіе споры въ его камерахъ будутъ исполнены достоинства, сопровождаемы приличіемъ. Напрасно: у этого народа словопреніе тотчасъ обращается въ безчинство, ругательство, а оппозиція не что иное какъ постоянный мятежъ.

Важную ошибку на вѣнскомъ конгрессѣ вижу я въ непризнаніи австрійскаго императора попрежнему римскимъ и главою Германіи. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе сдѣлано вслѣдствіе дружелюбнаго угожденія Пруссіи, которая давно домогается взять первенство между нѣмецкими государствами и повѣлывать ими. При Оттонахъ, которые по примѣру Карла Великаго приняли титулъ римскихъ императоровъ, Германія дѣйствительно заняла первое мѣсто въ Европѣ: Италія то возставала на нее, то покорялась ей. Крупныя и мелкія части, на кои была она раздроблена, время переплело въ одинъ большой форматъ, и на заглавномъ листѣ стояло имя избраннаго императора, болѣе или менѣе сильнаго. Порядокъ сей, существовавшій нѣсколько столѣтій, былъ нарушенъ Наполеономъ, который самъ себя насильственно поставилъ на мѣсто законныхъ императоровъ. Зачѣмъ же, посявъ паденія его, не возстановить было прежній порядокъ? Всѣ эти владѣнія нажалованныхъ имъ королей и великихъ герцоговъ сдѣлались летучими листками (*feuilles volantes*), на живую нитку пришитыми къ Франкфуртскому сейму. Одни уступили раньше, другіе позже, и началась не сильная, но постоянная борьба. Нигдѣ не было единства, ни откуда не было главнаго надзора, ни могущаго вліянія. Австрія, единственная твердая блюстительница общенароднаго спокойствія, довольствовалась сохраненіемъ его у себя дома: еслибы дано ей было болѣе власти и правъ, она конечно водворила бы его и въ другихъ германскихъ странахъ. Непокколебимая въ системѣ управления своего, Австрія сдѣлалась для всей почти Германіи предметомъ ненависти и презрѣнія, совсѣмъ не ужаса, и съ каждымъ годомъ становилась ей болѣе чуждою. Императорскій титулъ присвоенный одному небольшому герцогству, около котораго наизапы разнонародныя королевства, гораздо обширнѣе и многочисленнѣе его, казался несообразностью. Въ столь неопредѣленномъ положеніи, мудрено ли что Нѣмцы, среди продолжительнаго мира, пользуясь всѣми плодами его, величайшимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, все еще недовольны, желаютъ лучшаго, и разьединенные вѣнскимъ конгрессомъ, ищутъ опять единства? Они волнуются, тоскуютъ, дерзко говорятъ и пишутъ, и замышляютъ что-то недоброе.

Но какъ назвать возстановленіе свободной Польши само-

держцемъ всероссійскимъ? Неизвѣстно кто въ малолѣтствѣ еще успѣлъ увѣрить Александра, будто возвращеніе Россіи отторженныхъ отъ нея западныхъ ея областей должно почитаться преступленіемъ его бабки. Привязанность къ нему польскихъ его подданныхъ Полякомъ Чарторыйскимъ представлена была ему какъ невольное сердечное влеченіе, а русская добродушная преданность казалась ему простымъ исполненіемъ обязанности. Когда на пути въ Берлинъ, въ 1805 году, проѣзжалъ онъ черезъ Варшаву, то съ трудомъ могъ скрыться отъ нескромныхъ изъявленій энтузіазма ея жителей. Ничто не могло изгладить сихъ воспоминаній: ни вражда Поляковъ съ новою силою обнаружившаяся противъ Россіи, слѣдственно противъ него, еслибы по долгу своему онъ не захотѣлъ отдѣлять себя отъ нея, ни ужасы и опустошенія, которыя ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ произвели они въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Онъ старался увѣрить себя, что будучи внукомъ Екатерины, онъ обязанъ загладить ея несправедливость.

Никто въ Петербургѣ, ни даже настоящіе или мнимые друзья свободы, никто не скрывалъ неодобренія и прискорбія при видѣ сихъ новыхъ опасностей, которыя добровольно создавались для Россіи.

II.

Поговоривъ о царяхъ, о важныхъ политическихъ интересахъ Европы, я долженъ теперь обратиться къ малозначущей особѣ своей, для которой въ семь 1816 году пришла эпоха жизни болѣе дѣятельной, не совсѣмъ бесполезной, какъ было дотолѣ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, однимъ утромъ, графъ Ламбертъ прислалъ пригласить меня къ себѣ въ канцелярію. Въ объясненіяхъ, которыя мы имѣли, увидѣлъ я чистосердечное желаніе быть мнѣ полезнымъ. „Вы теперь ничего не дѣлаете, не хотите ли чѣмъ-нибудь заняться? представляется къ тому случай,“ сказалъ онъ мнѣ. „Слышали ли вы о генералѣ Бетанкурѣ? онъ въ большой довѣренности у государя и по части механики можно почитать его европейскою знаменитостію.“

Число фальшивых ассигнацій умножилось; надобно перемѣнить ихъ форму; для того хотятъ устроить особую фабрику, и государю угодно было дѣло это поручить Бетанкуру. Черезъ это поставленъ онъ въ близкія сношенія съ министромъ финансовъ, вовлеченъ въ частую переписку съ нимъ и другими вѣдомствами, а ни языка русскаго, ни русскихъ формъ вовсе не знаетъ. Ему нуженъ чиновникъ, который бы хорошо зналъ французскій и русскій языки, и на котораго бы могъ совершенно положиться. Онъ просилъ меня о приисканіи ему такового: я былъ коротко съ нимъ знакомъ въ Мадридѣ, когда я находился тамъ секретаремъ посольства: я ему назвалъ васъ, но не смѣлъ обѣщать ему вашего согласія. Сегодня вечеромъ поѣдемте къ нему вмѣстѣ; во всякомъ случаѣ это будетъ для васъ пріятное знакомство. Первоначальныя занятія ваши при немъ не будутъ имѣть для васъ ничего обязательнаго, вы будете трудиться почти частнымъ образомъ: пройдетъ недѣли двѣ, три, не болѣе, и вы увидите полюбились ли вы другъ другу; тогда, продолжая оставаться въ министерствѣ, можете вы официально быть къ нему откомандированы, и изъ суммъ назначенныхъ на заведеніе и устройство ассигнаціонной фабрики можно будетъ удовлетворять васъ приличнымъ содержаніемъ. Впрочемъ, это ни мало не измѣняетъ нашихъ прежнихъ условій; мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и славною квартирой, при службѣ не весьма утомительной, которое предложилъ я вамъ къ комиссіи погашенія долговъ, откроется вмѣстѣ съ нею не ближе какъ въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Оно васъ ожидаетъ, и до тѣхъ поръ пройдетъ довольно времени, чтобы вамъ на что-нибудь рѣшиться“.

Мы нашли Бетанкура одного въ обширномъ кабинетѣ. Оно усадилъ насъ вокругъ письменнаго стола своего, разговаривая, и знакомство съ нимъ сдѣлалось у меня скоро. Старикъ показался мнѣ живымъ, веселымъ, но не менѣе того почтеннымъ.

Согласно сдѣланнымъ наканунѣ предварительнымъ условіямъ, на слѣдующее утро, явился я опять къ нему въ тотъ же кабинетъ. Онъ самъ вынулъ мнѣ небольшую кипу бумагъ, прося меня привести ихъ въ порядокъ. Я разобралъ ихъ и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что дѣла у меня будутъ немного. Затруднительно было только каждую бумагу писать

вдвойнѣ: Бетанкуръ не хотѣлъ подписывать того чего не понимаетъ, а казенныя мѣста не обязаны были знать по-французски. И для того, на перегнутомъ пополамъ листѣ, на одной половинѣ французское подписывалъ Бетанкуръ, а на другой русское скрѣплялъ я. Надобно было написать сперва бумагу, потомъ перевести ее, переписать и, наконецъ, занести ее подъ номеромъ въ особую тетрадь. Новый начальникъ мой дивился геніяльности моего проворства. Малое количество, самое содержаніе и краткость сихъ бумагъ одни дѣлали трудъ сей неважнымъ.

Долго суждено мнѣ было находиться при этомъ человѣкѣ. По многимъ отношеніямъ онъ былъ лицо весьма примѣчательное, особенно же какъ выраженіе духа времени, смѣшенія аристократическихъ предразсудковъ съ плебейскими промышленными склонностями. Вотъ почему его самого, семейство его, все что мнѣ извѣстно о его жизни, хочу я изобразить здѣсь съ нѣкоторою подробностью.

Не подалеку отъ Лилля, во французской Фландріи, и нынѣ можно найти городокъ или селеніе Бетанкуръ. Предки русскаго генерала были его владѣтелями и сохранили его названіе. Извѣстно что за люди были эти *сирь*. Когда, при герцогахъ бургундскихъ, вся эта страна начала процвѣтать и прива-ты были сильныя мѣры для безопасности жителей ея богатыхъ, торговыхъ и промышленныхъ городовъ, то владѣтели замковъ, лишившись средствъ, стали вооруженною рукой дѣлать поборы на большихъ дорогахъ, и даже грабительство свое, по соседству, перенесли на другую свободную стихію. Услугами сихъ пиратовъ воспользовалось правительство небольшого Португальскаго королевства, которое, будучи прижато къ Атлантическому океану, на него безпрестанно устремляло взоры свои и на его пространства единственно искало себѣ чести и прибыли. Оно не обманулось: еще до Христофора Колумба и Васко - де-Гама, смѣлыми португальскими мореплавателями обрѣтены острова Зеленаго Мыса, Мадера и Азорскія острова и розданы имъ. Морякъ Бетанкуръ одинъ изъ сихъ острововъ съ графскимъ титуломъ получилъ въ свое владѣніе; иные говорятъ—даже Мадеру, но я за это не ручаюсь. Только потомки его, видно, лишились своего острова, ибо сдѣлались гишпанскими подданными и жителями Канарскихъ острововъ; и нашъ Бетанкуръ родился на счастли-

вомъ Tenerивскомъ Пикѣ, въ счастливые для Гиспаніи дни короля Карла III.

Есть искусство во время родиться и во время умирать: въ числѣ другихъ Бетанкуръ имѣлъ и это искусство. Что было бы съ нимъ, еслибы родился онъ равнѣе? Изъ рукъ самой природы вышелъ онъ механикомъ. Заботясь о благѣ государства своего, Карлъ III устраивалъ тогда славныя, покойныя дороги, строилъ мосты, рылъ каналы и чистилъ Гвадалквивиръ, однимъ словомъ, создавалъ въ Гиспаніи все то чего ей недоставало. Ему нужны были инженеры и архитекторы, для нихъ заводилъ онъ школы и, подобно Петру Великому, подданныхъ своихъ посылалъ учиться за границу. Отправленный имъ въ Англію, Бетанкуръ провелъ тамъ молодость свою. Когда Годой, князь постыднаго мира, ввелъ Бурбона Карла IV въ дружественныя сношенія и союзъ съ французскою республикой, и гиспанскимъ подданнымъ открылся свободный путь въ Парижъ, то Бетанкуръ воспользовался тѣмъ чтобы посѣтить сей городъ, гдѣ послѣ революціи искусственная часть во всѣхъ отрасляхъ промышленности стала достигать совершенства. Возвратясь въ отечество, сдѣлался онъ нѣчто въ родѣ начальника сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній, полагать должно, не выше того что у насъ директоры департаментовъ.

Съ нимъ въ Мадридѣ коротко былъ знакомъ посланникъ нашъ Муравьевъ-Апостолъ, и желая угодить государю, который имѣлъ одинаковые вкусы съ Карломъ III, старался подговорить его пріѣхать въ Россію; но онъ никакъ не могъ рѣшиться. Замѣтивъ, однакоже, что Наполеонъ отечество его съ каждымъ годомъ болѣе подбираетъ въ мощныя когти свои, и предвидя бѣду неминуемую, самъ наконецъ предложилъ себя. За условленную цѣну, по контракту заключенному съ нимъ какъ съ знаменитымъ художникомъ, не болѣе, пріѣхалъ онъ въ Петербургъ осенью 1807 года. Сумма по условію ему назначенная, была не маловажная; двадцать-четыре тысячи рублей ассигнаціями, что нынѣ составило бы около девяноста тысячъ. Танцовщицы и пѣвицы, на которыхъ деньги сыпать нынѣ безъ счета, едва ли столько получаютъ, а онъ тоже нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ къ разряду артистовъ: гиспанскому Гранду столько бы не дали. На его бѣду, въ самое время пріѣзда его, курсъ на серебро

началъ возвышаться, а на ассигнаціи быстро упадать. Увидѣвъ, что черезъ это лишается онъ болѣе двухъ третей ожидаемаго, сталъ онъ громко роптать: безпрестанно умножая содержаніе его, довели его, наконецъ, до шестидесяти тысячъ рублей. Онъ этимъ не остался совершенно доволенъ: замѣтивъ что въ землѣ куда онъ пріѣхалъ чинъ и военный мундиръ преважное дѣло, сталъ требовать того и другаго, и его приняли въ службу генераль-майоромъ по арміи. Тогда притворился онъ обиженнымъ, утверждая что чинъ сей слишкомъ малъ для человѣка, который въ отечествѣ своемъ былъ министромъ; не вдругъ, но черезъ два года произвели его генераль-лейтенантомъ. Не помню за что государь пожаловалъ ему Аннинскую ленту; онъ отослалъ ее назадъ, утверждая что ему, кавалеру св. Іакова Компостельскаго, неприлично принять орденъ ниже его, и наоборотъ государь прислалъ ему Александровскую ленту. Кто не знаетъ, что орденъ св. Іакова равно какъ и ордена Ависа, Алкантары, Калатравы, Монтеза суть военно-манашескія братства, разсѣянные по Португаліи и Гиспаніи, и что Мальтійскій почитается гораздо выше ихъ? Но его ничѣмъ не хотѣли оскорбить.

Я не виню его: по понятіямъ, которыя имѣютъ на югѣ и на западѣ Европы, въ землѣ сѣверныхъ варваровъ иностранцы ничего не могутъ выиграть скромностію, а все могутъ брать смѣлостію, наглостію. Съ такимъ содержаніемъ, въ такомъ чинѣ, нетрудно было потомку владѣтельныхъ графовъ Мадеры и его семейству приписаться къ нашей аристократіи. Въ нее такъ и врѣзалась, такъ и засѣла въ ней жена его, Анна, которой особа имѣла краткость сего имени и совершенно форму небольшой ступки или иготи. Она была католичка, Англичанка съ французскимъ прозваніемъ, урожденная Жорданъ, какъ она подписывалась, не знаю для чего: кому была до того какая нужда, и чѣмъ могло это умножить ея достоинство. Надобно полагать, что съ молодю была она красива собою; безъ того, кто бы велѣлъ Беганкуру жениться на ней, когда она была низкаго состоянія? А свѣсива была она такъ, что не приведи Богъ.

Къ счастью, дочери ни съ какой стороны не походили на Анну Ивановну, а скорѣе на родителя, Августина Августиновича. Когда онѣ пріѣхали въ Петербургъ, старшая, Каро-

лина, еще молодая, начинала уже дуряѣть и старѣть, вторая, Аделина, поразила всѣхъ своею красотой, а меньшая, Матильда, была еще ребенкомъ. Жаль было смотрѣть на этихъ милѣйшихъ дѣвицъ, когда переступали онѣ за двадцать лѣтъ. Цвѣтъ лица ихъ вдругъ начиналъ портиться, становиться багровымъ, кожа начинала грубѣть и покрываться угрями. Жаръ въ крови вырывающійся наружу, былъ у нихъ наслѣдствомъ отъ отца, котораго лице въ старости безобразилъ густо малиновый цвѣтъ. Когда я началъ ихъ знать, одна только пятнадцати-лѣтняя Матильда плѣняла наружностію; а двѣ старшія давно уже перешли за краткій срокъ, который жестокая къ нимъ природа дала ихъ прелестямъ. Но было имъ чемъ замѣнить эту великую потерю: каждое слово ихъ выражало грацію ума и сердца; съ восхищеніемъ можно было слушать ихъ, когда играли на арфѣ и на фортепіано, съ восхищеніемъ любоваться ихъ рисунками и ихъ народною пляской фанданго и болеро; о качучѣ тогда еще помина не было. Можно ли было удивляться безпредѣльной нѣжности къ нимъ отца, и кто бы не былъ ими счастливъ?

Въ жилахъ у старика пылалъ еще жаръ раскаленнаго неба, подъ которымъ онъ родился, и какъ всѣ вспыльчивые люди имѣлъ онъ доброе сердце и веселый нравъ. Ума было у него пропасть, и разговоръ его былъ занимателенъ. Аристократическое чувство, правда, никогда не покидало его даже за станкомъ, за которымъ всегда трудился онъ когда не было у него другаго дѣла; но онъ принадлежалъ къ восемнадцатому столѣтію, въ которомъ общею поговоркой было: *poli somme un grand seigneur*, — учтивъ какъ великій баринъ. Читатель, съ которымъ какъ можно короче старался я познакомить себя, не удивится, узнавъ что съ такимъ человекомъ мы скоро и близко сошлись.

Да какая же была его настоящая должность? можно спросить, и вѣдь не самъ же онъ дѣлалъ машины? Для того чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно за нѣсколько лѣтъ воротиться назадъ и вкратцѣ разказать исторію одной изъ важныхъ отраслей государственнаго управленія. При Екатеринѣ учреждена экспедиція водяныхъ коммуникацій и поставлена на ряду съ коллегіями. При ней весьма благоразумно и успѣшно управлялъ этою частью одинъ гражданскій чиновникъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Ся-

версъ. Въ первыхъ частяхъ сихъ записокъ сказалъ уже я, что при учрежденіи министерствъ поступила она въ вѣдомство министра коммерціи, и что въ 1809 году, преобразованная въ особое министерство, подъ названіемъ главной дирекціи путей сообщенія, находилась подъ управленіемъ принца Георгія Ольденбургскаго. Тамъ же упомянулъ я объ образованіи особаго корпуса гражданскихъ инженеровъ, коимъ для поощренія даны были военные чины и мундиры. Для пополненія великаго недостатка въ сихъ инженерахъ, начали набирать въ новый корпусъ людей кое-откуда, по большей части изъ гражданского вѣдомства.

Дабы на будущее время не нуждаться въ нихъ, учреждено для нихъ особое высшее училище, подъ названіемъ института инженеровъ путей сообщенія. Для помѣщенія сего новаго заведенія, купленъ былъ за бездѣлицу, за триста тысячъ рублей ассигнаціями, великолѣпный домъ или скорѣе дворецъ князя Юсупова, на Фонтанкѣ, у Обухова моста. Продавецъ построилъ его на славу, по образцу отелей Сень-Жерменскаго предмѣстія, между дворомъ и садомъ, съ тою только разницей, что на пространствѣ имъ занимаемомъ можно было бы построить три или четыре парижскіе отеля. Всѣ ученики были своекоштные, и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ жительства въ институтѣ, ни даже права заглядывать въ обширный садъ, ему принадлежащій. Всѣмъ пользовались завѣдывающіе имъ иностранцы. Онъ состоялъ подъ управленіемъ особаго директора, надъ которымъ были еще принцъ Ольденбургскій, въ видѣ попечителя или покровителя, и генералъ Бетанкуръ, подъ названіемъ главнаго начальника института. Занимаясь разными проектами и планами, сперва потѣшалъ онъ ими только императора, но тутъ, по учрежденіи института, коего былъ онъ настоящимъ основателемъ, можно сказать, приобрѣлъ онъ осядлость. Онъ занималъ большую, лучшую часть зданія, которую, находясь при немъ, я посѣщалъ ежедневно. Онъ не принадлежалъ къ корпусу инженеровъ, не носилъ ихъ мундиръ, числился въ свитѣ государя и почиталъ себя зависящимъ единственно отъ него. Онъ признавалъ однакоже передъ собою первенство принца, пока тотъ былъ живъ; но послѣ кончины его сдѣлался совершенно независимымъ отъ преемника его, инженеръ-генерала Франца Павловича де-Волава. Зданіе института со всѣ-

ми его принадлежностями было какъ бы отдѣльное царство, въ которомъ господствовалъ онъ самовластно.

Я опять вступилъ въ миръ, мнѣ дотолѣ совсѣмъ неизвѣстный. Подчиненные Бетанкура, коихъ число было небольшое, составляли свиту, штатъ и общество его. Я никакихъ сношеній не имѣлъ съ ними по службѣ, но, каждодневно встрѣчаясь, скоро свелъ съ ними знакомство, котораго не искалъ и не избѣгалъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ я не умолчу, ибо почитаю ихъ лицами весьма примѣчательными.

Старый Французъ Сенноверъ, который, вступивъ въ нашу службу, офиціально нареченъ Степаномъ Игнатьевичемъ, былъ директоромъ института. Принадлежа къ одной изъ благороднѣйшихъ фамилій въ Лангедокѣ, и находясь въ королевской службѣ капитаномъ, сдѣлался онъ бѣшеннымъ революціонеромъ и санкюлотомъ. Этого бы никакъ нельзя было подозревать смотря на его спокойный видъ, внимая его безпрестаннымъ шуточкамъ, иногда довольно смѣлымъ, но никогда не переходящимъ за предѣлы благопристойности. Какъ во всѣхъ любезникахъ школы Волтеровской, нечестіе и безбожіе были въ немъ щеголеваты; но онъ тогда не хвастался ими. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть, худъ лицомъ, но полонъ тѣломъ; страждущія отъ подагры ноги его еще болѣе изнемогали отъ тяжести его туловища: онъ съ трудомъ могъ ходить. Я находилъ его не столько пріятнымъ какъ забавнымъ, и во время веселыхъ съ нимъ разговоровъ мнѣ всегда приходилъ на мысль Скарронъ и все повѣствуемое о немъ. О якобинствѣ его я умолчалъ бы и слышанное мною о томъ охотно счелъ бы клеветою, еслибъ онъ самъ, увлеченный воспоминаніями о прошедшемъ, какъ объ удалствѣ своей молодости, не разказывалъ мнѣ иногда о тѣсной дружбѣ своей съ Маратомъ. Мнѣ любопытно было слушать о роскошномъ, раздушенномъ и эпикурейскомъ житіи этого ужаснаго челоуѣка во внутреннихъ комнатахъ его, и какъ, выходя съ Сенноверомъ, переодѣвались они въ запачканныя, оборванные блузы, чтобы на улицѣ болѣе угодить простому народу и заслужить имя друзей его.

Когда Шарлотта Корде лишила его друга, и терроризмъ началъ пожирать самъ себя, Сенноверу удалось бѣжать изъ Франціи. Когда потомъ изъ Англіи попалъ онъ въ Россію, этого я не знаю; извѣстно только, что въ продолженіе нѣсколькихъ

лѣтъ торговалъ онъ въ Петербургѣ выписываемымъ французскимъ табакомъ. Играя изрядно на скрипкѣ, онъ былъ иногда приглашаемъ на вечеринки къ достаточнымъ молодымъ меломанамъ, между прочимъ, къ одному г. Маничарову. По прїѣздѣ изъ-за границы, въ собственномъ домѣ послѣдняго остановился Бетанкуръ, ни съ кѣмъ еще не знакомый; первыми знакомыми его были хозяинъ дома и черезъ него Сенноверъ. Старики полюбились другъ другу, можетъ-быть, самою противоположною характеровъ; оба были веселаго нрава, но одинъ весь такъ и кипѣлъ, а въ другомъ страсти совершенно погасли.

Когда нужно было избрать директора для института путей сообщенія, Бетанкуръ предложилъ Сенновера. Какъ это возможно? Королевской службы капитана, котораго къ намъ можно принять не болѣе какъ поручикомъ? Бетанкуръ объявилъ что достойнѣе его не знаетъ, и что безъ него и самъ онъ не приметъ главнаго начальства. Чтò было дѣлать? Опредѣлили Сенновера исправляющимъ должность директора, а черезъ шесть мѣсяцевъ утвердили въ семъ званіи съ чиномъ генераль-майора. Нарушеніе формъ въ Россіи было какъ будто торжествомъ, услажденіемъ для Бетанкура. Новый успѣхъ скоро долженъ былъ образовать Сенновера; на преступныя его заблужденія накинута не мантия, а крестъ Св. Лудовика. По возвращеніи Бурбоновъ, этотъ орденъ данъ всѣмъ тѣмъ, кои до революціи имѣли военные офицерскіе чины во французской арміи, а ему, не знаю какъ-то, удалось выдать себя за эмигранта. Впрочемъ, въ правилахъ его не оставалось и тѣни республиканизма. Вообще, слово свобода для большей части ея мнимыхъ поклонниковъ есть ломъ, которымъ пробиваютъ, раскалываютъ они преграды, загораживающія имъ путь къ быстрому возвышенію, и который, по достиженіи желаемаго, бросаютъ они.

Поговоривъ о Сенноверѣ, нельзя же не сказать ни слова о его семействѣ. Также какъ Бетанкуръ, въ Великобританіи нашелъ онъ себѣ подругу, только Англичанку англичанку, бабу смирную, которая прилепалась къ Бетанкуршѣ въ видѣ всепокорнѣйшей собесѣдницы. Я никогда не слыхалъ ея голоса, и въ гостиной у мужа она казалась домашнею утварью, которую забыли вынести. Единственная же дочь ихъ, Стефанія, въ тринадцать лѣтъ изумляла уже живостію и смѣло-

стію ума и развивающимся кокетствомъ. Можно было предвидѣть, что она пойдетъ далеко, что она будетъ чѣмъ-то, чему тогда не было еще имени. Ожиданія сбылись, сень-симонизмъ и всѣ богопротивныя секты видѣли ее сильною своею поборницей.

По открытіи института, начальствовавшіе въ немъ Гшпанецъ и Французъ не должны были забыть сводчика своего Маничарова. Онъ былъ изъ Армянь; люди этой націи въ русскихъ столицахъ обыкновенно бываютъ ювелиры, или торгуютъ шаями, персидскими и индѣйскими товарами; разбогатѣвъ, объявляютъ себя дворянами такой земли, гдѣ ихъ никогда не бывало. Отецъ г. Маничарова до того былъ богатъ, что сыновьямъ его нужно было много времени для разстройства оставленнаго имъ состоянія. Въ старшемъ изъ нихъ, любезномъ моемъ Петрѣ Макаровичѣ, было много оригинальнаго. Главною странностію его, среди завистливаго, себялюбиваго міра сего, почитать можно неистощимую доброту его сердца. Онъ любилъ всѣхъ людей, обожалъ всѣхъ женщинъ, наслаждался всѣми безвредными для чести удовольствіями. Въ шумныхъ, холостыхъ обществахъ, кои предпочтительно посѣщалъ онъ, умѣлъ онъ быть пристоемъ и тихо весель, ласковъ и учтивъ безъ приторности. Онъ былъ добрымъ товарищемъ всѣхъ любителей разгульной жизни, но не имѣлъ душевныхъ друзей, за то и не имѣлъ ни единого врага. Его душевное спокойствіе, слегка тревожимое желаніями, безъ труда удовлетворяемыми, сохранили ему молодость ума и, конечно, продлятъ его дни. Сколько поколѣній встрѣтилъ онъ на дорогѣ юности и проводилъ изъ нея, самъ никогда ея не покидая. Никогда въ голову не приходила ему служба, какъ вдругъ хозяйственныя дѣла его, пришедши въ упадокъ, не отъ мотовства, а отъ безпечности, заставили его подумать о томъ. Уже былъ онъ лѣтъ сорока, когда черезъ покровительство Бетанкура, не имѣя никакого чина, онъ былъ опредѣленъ въ институтъ, разумѣется, не воспитанникомъ, а экономомъ онаго, прямо съ чиномъ инженеръ-капитана. Ну что уже и была это за экономія! Изъ всѣхъ новыхъ лицъ, съ которыми тутъ свела меня судьба, онъ болѣе всѣхъ полюбился мнѣ своею привѣтливостію и ровностію своего характера.

Образованіе института было довольно странное; воспитан-

ники носили шляпу съ перомъ и офицерскій мундиръ съ шитьемъ, только безъ эполетовъ; произведенные же въ офицеры, прапорщики, подпоручики, надѣвъ эполеты, продолжали оставаться въ институтѣ до поручичьяго чина. Въ немъ сперва были только четыре профессора или преподавателя наукъ. Ими ссудилъ насъ Наполеонъ, приславъ Александру четырехъ лучшихъ учениковъ Политехнической Школы: Базена, Потье, Фабра и Дестрема. Это было, какъ изволите видѣть, совершенно французское училище. Самые первые ученики, коими оно наполнилось, были все молодые графы да князья, также и сыновья французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ ремесленниковъ, садовниковъ, машинистовъ, портныхъ и тому подобныхъ; однимъ словомъ, все то что управляющимъ пришельцамъ казалось цвѣтомъ петербургскаго юношества. Въ 1812 году четыре Француза объявили что не могутъ служить правительству, которое находится въ войнѣ съ ихъ отечествомъ, и требовали чтобъ ихъ отпустили: имъ отвѣчали ссылкою. Ученіе на время должно было приостановиться: дабы по возможности помочь этой бѣдѣ, дали мундиръ и штабъ-офицерскіе эполеты мусью Резимону, учителю въ частномъ домѣ, довольно свѣдущему въ математическихъ наукахъ; да какъ другаго иностранца на первый случай не встрѣтилось, то по неволѣ должны были взять Русскаго, недавно произведеннаго въ офицеры Севастьянова, который въ познаніяхъ догналъ и едва ли не перегналъ иностранныхъ наставниковъ своихъ. Послѣ общаго замиренія въ 1814 году, удаленные Французы воротились къ своимъ должностямъ; во все время войны сохраняли они жалованье свое и чины: Базень — подполковника, а трое другихъ оставались майорами. Двое изъ нихъ, Фабръ и Дестремъ, вскорѣ, согласно желанію своему, получили мѣста въ округахъ путей сообщенія, въ институтѣ же остались только Базень и Потье. О нихъ да позволено будетъ сказать мнѣ нѣсколько словъ.

Уживчивѣе Петра Петровича Базена ни одного человѣка не случалось мнѣ видѣть. Онъ родился въ самомъ центрѣ Парижа отъ бѣдныхъ мѣщанъ, и не совсѣмъ будучи уже ребенкомъ, видѣлъ всѣ ужасы революціи. Съ одной стороны, это научило его осторожности въ изъявленіи своихъ мнѣній, съ другой—породило въ немъ омерзѣніе къ отвратительной гру-

бости развратной парижской черни. Изъ разговоровъ своихъ старался онъ изгнать все то что могло напомнить о навыкахъ его первой молодости, и говорилъ всегда отборными словами. Не только не позволялъ себѣ кого-нибудь порицать, но обовсемъ и обо всѣхъ находилъ средство говорить съ похвалою. Въ душевномъ умиленіи онъ готовъ былъ пасть на колѣна при имени святаго Лудовика XVI, умѣлъ извинять кровожадныхъ Робеспьера и Дантона, приписывая ихъ злодѣянія добрымъ намѣреніямъ, въ Лафайетѣ видѣлъ самого Вашингтона, приходилъ въ непритворный восторгъ, когда называли Наполеона, дивился мудрости Лудовика XVIII и благородству, рыцарскому духу меньшаго брата его. Онъ имѣлъ удивительный даръ не только со всѣми соглашаться, но каждаго порознь увѣрить, что онъ совершенно одинаковаго съ нимъ мнѣнія. Я не думаю, чтобъ онъ кого-нибудь обманывалъ: не возможно было льстить цѣлому свѣту; но для борьбы съ заблужденіями его онъ не чувствовалъ въ себѣ довольно убѣжденія, и желая оставаться въ покоѣ, никакого мнѣнія преимущественно не поддерживалъ. Его всѣ чрезвычайно любили, начиная съ меня. Легко было предвидѣть, что по службѣ будетъ онъ имѣть большія успѣхи въ этой Россіи, которую онъ искренно или притворно любилъ и уважалъ.

Манеры друга его, сотоварища и нѣкогда соученика, Потье, были въ совершенной противоположности съ его тонкою образованностію. Въ немъ виденъ былъ мужикъ сѣверной Франціи; то же просторвчіе и вмѣсто учтивости добродушіе не безъ лукавства.

Петербургъ какъ фирмаментъ: множество большихъ свѣтилъ движется въ немъ; они одни видимы только простыми глазами, тогда какъ небольшія планеты, около нихъ совершающія путь свой, остаются невѣдомы жителямъ другихъ планетныхъ системъ. Перелетая изъ одной въ другую, въ семь совершенно новомъ для меня мірѣ, съ вышеноименованными мною лицами, мнѣ было бы не худо, но, какъ уже выше я сказалъ, кромѣ довольно пріятнаго знакомства другихъ сношеній я съ ними имѣть не могъ. Тотъ же, съ которымъ служба нѣкоторымъ образомъ связывала меня, какъ объясню я ниже, былъ для меня совсѣмъ не находка.

Для заведенія новой ассигнаціонной фабрики купленъ былъ

большой домъ откупщика Чоблокова на Фонтанкѣ, близъ Каликина моста. Надобно было заказать нѣсколько машинъ, другія выписать изъ Англїи, да сверхъ того нужно было растянуть фасадъ по улицѣ и возвести нѣсколько новыхъ строеній внутри двора. Для того опредѣлено было, начиная съ 1-го марта 1816 года, въ продолженіе двухъ лѣтъ, изъ казначейства отпускать ежемѣсячно по шестидесяти тысячъ рублей ассигнаціями въ полное распоряженіе Бетанкура, который брался все устроить экономическимъ образомъ. Если бы мнѣ предложено было храненіе сихъ суммъ и отчетная часть по нимъ, я бы рѣшительно отказался; но былъ другой человекъ, который принялъ на себя эту обязанность, тотъ же самый, которому вмѣстѣ съ тѣмъ и поручено бы смотрѣніе за производствомъ работъ.

Во время проѣзда государя черезъ Брухсаль, вдовствующая маркграфиня Баденская, теща его, рекомендовала ему одного неимущаго баденскаго дворянина, который, по словамъ ея, былъ весьма искусенъ по механической части. Изъ уваженія къ такой рекомендаціи, государь на казенный счетъ велѣлъ отправить искусника къ Бетанкуру, съ тѣмъ чтобы сей послѣдній сдѣлалъ изъ него употребленіе, какое заблагоразсудитъ. Когда Нѣмецъ захочетъ угодить начальнику, никто лучше его не сумѣетъ эгого сдѣлать. Т. совершенно вѣлся въ довѣренность къ Бетанкуру. Онъ поселился въ Чоблоковомъ домѣ и началъ заниматься перестройкой его, не дождавшись еще высочайшаго утвержденія. Оно не замедило, и онъ принялъ въ службу прямо инженеръ-майоромъ.

Трудно бываетъ говорить объ иныхъ людяхъ. Обыкновенные пороки легко осмѣять; для изъявленія негодованія, которое производитъ въ душѣ сотворенное зло, всегда сыщутся выраженія; но какъ быть, когда нельзя ни подняться до ужаса, ни спуститься до смѣха? Дотолѣ зналъ я однихъ только честныхъ Нѣмцевъ; но видно эта нація совсѣмъ переродилась, и Т. былъ первымъ изъ тѣхъ безчисленныхъ примѣровъ, которые наконецъ заставили меня перемѣнить свое мнѣніе насчетъ его соотечественниковъ.

Впрочемъ, что касается до меня лично, я не имѣлъ никакой причины быть имъ недовольнымъ. Не знаю какъ обьяснялся онъ съ подрядчиками, только мнѣ сообщалъ онъ

дурно, съ ошибками по-французски написанныя, заключенныя съ ними условія, и учтиво просилъ меня, по волю Бетанкура переведа ихъ, облечь въ законную форму, на узаконенной гербовой бумагѣ. Я же изъ собственныхъ денегъ долженъ былъ для того нанимать переписчика. Взаимная наша антипатія была неодолима. Быть не только подчиненнымъ его, ни даже начальникомъ, я ни за что бы не согласился, но отказаться имѣть съ нимъ дѣло мнѣ было невозможно. То же самое что и я чувствовали къ нему Французы, и самъ Базень съ нимъ однимъ только былъ вовсе нелюбезенъ. Если былъ онъ на руку нечистъ, то и на руку былъ онъ дерзокъ; у себя дома съ подчиненными бѣдными солдатами былъ онъ настоящій палачъ; да и въ институтѣ къ русскимъ служителямъ придирался онъ, чтобы безъ всякой причины и безъ всякаго права ихъ поколотить. За нихъ вступились Французы, и изъ того одинъ разъ чуть было не вышелъ у него поединокъ съ Базеномъ. Тутъ въ первый разъ могъ я замѣтить разницу въ расположеніи къ намъ Нѣмцевъ и Французовъ: первые ненавидятъ насъ какъ возмужалыхъ и непокорныхъ учениковъ, которыхъ надѣялись они вѣчно держать въ опеку; послѣдніе видятъ въ насъ побѣдившихъ, но прежде того побѣжденныхъ ими великодушныхъ противниковъ.

Мнѣ такъ надоѣло возиться съ Т., что я готовъ былъ, не говоря ни слова, воротиться опять въ министерство финансовъ; одно новое обстоятельство понудило меня пріостановиться.

Счастливо окончивъ всѣ войны, государь захотѣлъ предаться вновь нѣкоторымъ изъ прерванныхъ любимыхъ своихъ мирныхъ занятій. Петербургъ захотѣлось ему сдѣлать красивѣе всѣхъ посвѣщенныхъ имъ столицъ Европы. Для того придумалъ онъ учредить особый архитектурный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Бетанкура. Ни законность правъ на владѣніе домами, ни прочность строенія казенныхъ и частныхъ зданій не должны были входить въ число занятій сего комитета: онъ долженъ былъ просто разсматривать проекты новыхъ плановъ, утверждать ихъ, отвергать или измѣнять, также заниматься регулированіемъ улицъ и площадей, проектированіемъ каналовъ, мостовъ и лучшимъ устройствомъ отдаленныхъ частей города, однимъ словомъ, — одною только наружною его красотой. Членами въ него назначены инженеры и архитекторы.

Почти въ то же время, графъ Ламбертъ, увѣдомляя меня, что штатъ комиссіи погашенія долговъ утвержденъ, и что она скоро имѣеть быть открыта, требуетъ извѣщенія сохраняю ли я желаніе быть однимъ изъ ея директоровъ, ибо только въ противномъ случаѣ будетъ онъ почитать себя въ правѣ располагать мѣстомъ, на которое есть много просящихъ. Прежде чѣмъ дать ему отвѣтъ, я объяснилъ Бетанкуру, что въ настоящемъ не видя ничего положительнаго твердаго, я не могу отказаться отъ мѣста почетнаго, спокойнаго и выгоднаго. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что новому комитету, который скоро долженъ будетъ открыть свои засѣданія, нужны канцелярія и чертежная, что онъ поручаетъ мнѣ составить первую и штатъ для обѣихъ, что себѣ какъ правителю этой канцеляріи могу я назначить жалованья сколько мнѣ угодно, что онъ все это поднесетъ императору, и знаетъ напередъ что все будетъ утверждено. Онъ совѣтовалъ мнѣ не быть слишкомъ скромнымъ, также не забыть достаточной суммы для найма квартиры комитету, въ которой и я могъ бы имѣть удобное помѣщеніе.

Я разчелъ, что этотъ комитетъ не что иное какъ забава, что, повидимому, дѣла будетъ въ немъ немного, и что въ небольшомъ участкѣ, службою мнѣ отмежеванномъ, буду я полный господинъ. Къ тому же я всегда былъ немного суевѣренъ: рескриптъ на имя Бетанкура объ учрежденіи комитета былъ подписанъ государемъ 3-го мая, день именинъ и рожденія моей матери, и я видѣлъ въ этомъ счастливое для себя предзнаменованіе. Итакъ, я поѣхалъ къ Ламберту благодарить его за двойныя обо мнѣ попеченія, и объявить что отъ добра добра не ищутъ, и что я остаюсь доволенъ тѣмъ положеніемъ, въ которое по его же рекомендаціи я поставленъ.

Безъ этого проклятаго комитета сколько бы провелъ я спокойныхъ годовъ! Винить мнѣ некого, кромѣ самого себя. Другіе свои промахи и неудачи всегда любятъ взваливать на людей и на обстоятельства: этому всеобщему пороку по крайней мѣрѣ не былъ я подверженъ. Но какъ избѣгнуть своего предопредѣленія? У меня видно на роду было написано увидѣть вблизи всѣ состоянія: неужели для того чтобъ изобразить ихъ въ сихъ запискахъ? Коли такъ, то въ слѣдующей главѣ постараюсь представить художниковъ, съ коими пришлось мнѣ коротко ознакомиться.

III.

Все прежнее поколѣніе архитекторовъ, которые въ концѣ Екатеринина вѣка, при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра, украшали Петербургъ: Гваренги, Захаровъ, Старовъ, Воронихинъ, Бренна, Камеронъ, Томонъ, отошли въ вѣчность, иные не достигнувъ еще старости; оставался одинъ только Руско, и тотъ за ними скоро послѣдовалъ. Возникли новыя строительныя знаменитости, которыя, по мнѣнію знатоковъ, въ искусствѣ далеко отъ первыхъ отстали. Изъ нихъ четверо посажены членами въ комитетъ для строеній и гидравлическихъ работъ, какъ я самовольно назвалъ его. Если не портреты съ нихъ, то по крайней мѣрѣ абрисы, кроки хочется мнѣ снять.

Старшій по чину и первый по вкусу и таланту между ними былъ Карлъ Ивановичъ Росси, иностранецъ родившійся въ Россіи. Всякій зналъ родительницу его, нѣкогда первую танцовщицу на Петербургскомъ театрѣ. Въ лѣтописяхъ хореграфіи прославленное ею имя Росси согласилась она промѣнять не иначе какъ на столь же знаменитое имя Ле Пика, которое въ царствованіе Екатерины громко доходило до отдаленнѣйшихъ отъ столицы провинцій. Въ Кіевѣ съ благоговѣніемъ произносилъ его танцовальный мой учитель Пото, и я затвердилъ его; но мнѣ не удалось восхищаться этою четой: вслѣдъ за смертію Екатерины и она куда-то закатилась. Слава ея однакоже не вдругъ исчезла, и мнѣ не въ первой молодости неоднократно случалось читать на афишкѣ: „балетъ сочиненія балетмейстера Ле Пика.“ Дочь госпожи Росси, отъ втораго брака, хотя не поступила на сцену, но и не выступила изъ круга дѣятельности своихъ родителей. Она вышла за Огюста, брата сирены Шевалье. Этотъ Огюстъ долго, очень долго танцовалъ и леталъ передъ нами зефиромъ, пока время, снабдивъ его чрезмѣрною дебелостію не заставило его, отпустивъ бороду, надѣтъ нашъ простой крестьянскій кафтанъ и пуститься очень хорошо плясать по-русски.

Для Росси такой сценической знатности было мало: онъ пожелалъ быть артистомъ еще болѣе благороднаго разряда. Слѣдуя внутреннему призванію, онъ сдѣлался архитекторомъ и на семь избранномъ имъ пути нажилъ деньги, получилъ чины и кресты. Судьба однакоже не вдругъ отдѣлила его отъ родины, отъ мѣста, гдѣ онъ началъ жить и возрастать. Первымъ произведеніемъ его искусства былъ прекрасный деревянный театръ въ Москвѣ, на Арбатской площади, который сгорѣлъ въ большомъ пожарѣ 1812 года. Онъ былъ еще красивъ и молодъ, когда его отправили въ Москву; къ тому же онъ былъ артистъ съ иностраннымъ прозваніемъ. Половины сихъ преимуществъ достаточно, чтобы пользующіеся ими въ Москвѣ обрѣтали рай. Кто знаетъ московскія общества, тому извѣстно, съ какою жадностію воспринимается въ нихъ молодость людей разныхъ состояній. Успѣхи Росси въ сихъ обществахъ были превыше силъ его. Когда онъ воротился въ Петербургъ, друзья съ трудомъ могли его узнать, до того измѣнился онъ въ лицѣ, до того истощенъ былъ онъ наслажденіями, можетъ-быть душевными. Никогда силы къ нему не возвращались, но сіе было тѣмъ полезнѣе для его генія; при изнеможеніи тѣлесномъ замѣчено, что почти всегда изощряется воображеніе. Взамѣнивъ здоровья, котораго лишился онъ въ барскихъ домахъ, приобрѣлъ онъ большой навыкъ въ свѣтскомъ обхожденіи. Онъ былъ привѣтливъ, любезенъ и съ нимъ пріятно было имѣть дѣло.

За то, первый послѣ него, Василій Петровичъ Стасовъ былъ совершеннымъ его контрастомъ. Онъ, кажется, былъ человѣкъ не злой, но всегда угрюмый, какъ будто недовольный. Суровость его, которая едва смягчалась въ сношеніяхъ съ начальствомъ, была слѣдствіемъ, какъ мнѣ сдается, чрезмѣрнаго и неудовлетвореннаго самолюбія. Онъ хотѣлъ быть законодательною властію комитета и все предлагалъ правила, правда, стѣснительныя для владѣльцевъ, за то весьма полезныя въ разсужденіи предосторожности отъ пожаровъ.

Третій членъ, Андрей Алексѣевичъ Михайловъ, былъ настоящій добрякъ; другаго названія ему дать не умѣю. Маленькій, веселый, простой, эготъ человѣкъ былъ воспитанъ въ академіи художествъ, и никогда потомъ съ нею не разставался, ни въ званіи академика, ни въ званіи профессора.

Онъ никакъ не гнался за геніяльностію, ничего не умѣлъ выдумывать, слѣдовалъ рабски за славными образцами, но подражая имъ, умѣлъ однакоже изъ произведеній ихъ выбирать всегда лучшее.

Всѣ трое были зодчіе домашняго издѣлія; одинъ только четвертый былъ иноземный, хотя и не выписной. Прежде чѣмъ пріѣхать въ Россію, г. Антоанъ Модюи посѣтилъ развалины Греціи; въ ихъ священномъ прахѣ искалъ онъ артистическихъ вдохновеній, и какъ мнѣ казалось, мало привезъ ихъ къ намъ съ собою. Какъ объ архитекторѣ, объ немъ говорить почти нечего; но пребываніе многогвѣчиваго Парижанина въ классической землѣ Эхила и Демосфена усилило въ немъ даръ краснорѣчія, и онъ сдѣлался ораторомъ нашего комитета. Скоро открылъ я въ немъ новый талантъ: подобно Перро, онъ былъ и стихотворецъ. Онъ подарилъ мнѣ небольшую тетрадь, по-французски напечатанную въ Петербургѣ, подъ названіемъ: *Циркуль и Лира, le Compas et la Lyre*, содержащую въ себѣ его стихотворенія. И что это такое! Ни одинъ ученикъ теперь во Франціи не позволитъ себѣ писать такіе стихи; между прочимъ, я помню слѣдующіе:

Caulaincourt, ce mortel dont la reconnaissance
A jamais dans mon coeur grava le souvenir,
En parla près du trône et m'y fit parvenir.

То-есть: „благодарность Коленкура, который возвелъ его на престолъ,“ скажетъ тотъ, кто знаетъ по-французски. Дѣло состоитъ въ томъ, что онъ явился здѣсь во время тѣснаго союза Наполеона съ Александромъ, когда Коленкуръ игралъ у насъ такую большую роль и былъ довольно силенъ, чтобъ и этого шута представить самому государю. Онъ былъ права совсѣмъ невеселаго, но вообще былъ добрый малый, и какъ Французъ, болтливъ и легкомысленъ.

Болѣе или менѣе всѣ эти великіе наши строители принадлежали къ старой школѣ. Для нихъ Витрувій былъ то же что Аристотель для литераторовъ и особенно для драматическихъ писателей. Какъ послѣдніе три единства на сценѣ почитали непреложнымъ для себя закономъ, такъ первые вѣтъ четырехъ орденовъ, Дорическаго, Ионическаго, Тосканскаго и Коринтскаго, видѣли беззаконіе, нарушеніе священнѣйшихъ обязанностей, и Композитный орденъ едва только допускали въ

своихъ планахъ. Французская революція все ниспровергла, почти все поставила вверхъ дномъ; но, во дни владычества ужасныхъ и смѣшныхъ подражателей древней Греціи и Рима, классицизмъ въ художествахъ, въ наукахъ, во всемъ устоялъ и даже еще болѣе усилился. Въ императорѣ Александрѣ былъ вкусъ артиста, но въ то же время и пристрастіе военнаго начальника къ точности размѣровъ, къ правильности линий; и дабы регулярному Петербургу дать еще болѣе однообразія, утомительнаго для глазъ, учредилъ онъ этотъ комитетъ. Члены добросовѣстно выполняли его намѣренія; планъ всякаго новостроящагося домика на Пескахъ или на Петербургской сторонѣ, представленный ихъ разсмотрѣнію, подвергался строгимъ правиламъ архитектуры. Одинъ только Бетанкуръ вздыхалъ, видя невозможность въ этомъ случаѣ не сообразоваться съ волею царя. Мальчикомъ любовался онъ прелестями Аламбры и фантастическими украшеніями мавриганскихъ зданій въ Севиллѣ и всегда оставался поборникомъ кудрявой пестроты.

Три инженера участвовали въ засѣданіяхъ комитета. Одинъ неизбѣжный для меня Т., другой, данный мнѣ въ утѣшеніе, вновь произведенный полковникъ Базень. Третій былъ весьма молодой майоръ Андрей Даниловичъ Готманъ, благородной наружности и пріятнаго обхожденія, болѣе всѣхъ отличившійся въ наукахъ воспитанникъ инженернаго института, Нѣмецъ, но католикъ, преимущественно знающій одинъ только французскій языкъ, сынъ садовника, но ультралегитимистъ, благодаря стараніямъ воспитавшихъ его, архитектора Т., а еще болѣе его жены.

Кромѣ одного Росси, никто изъ нашихъ членовъ не могъ тогда назвать публичнаго памятника, который былъ бы созданіемъ его творческой мысли. Другіе занимались дотолѣ одними частными строеніями, которыя, доставляя имъ небольшую прибыль, мало умножали ихъ извѣстность. Только Модюи, получая отъ казны жалованье, рѣшительно ничего не дѣлалъ и обидѣлся, когда ему предложили совершенную перестройку придворныхъ конюшенъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ нынѣ находятся: Стасовъ не поспѣсивилъ и хорошо сдѣлалъ. Модюи же отвѣчалъ, что можетъ принять на себя возведеніе только тѣхъ зданій, которыя должны увѣковѣчить славу Александра, сдѣлать ихъ обоихъ бессмертными. Онъ нашелъ однакоже средство быть дѣйствительно

полезнымъ: этимъ же лѣтомъ приваялся онъ за составленіе проектовъ для новаго устройства внутреннихъ, населеннѣйшихъ частей города. Въ нихъ было еще много пустырей, обширныхъ кварталовъ, одними садами и огородами занятыхъ; черезъ нихъ сталъ онъ проводить линіи и этимъ способомъ умножать сообщенія и сблизать разстоянія. Всѣ его планы были одобрены, но, увы, не ему было поручено ихъ исполненіе. Напримѣръ, по его указаніямъ, по его рисункамъ на мѣстѣ грязнаго двора, передъ Анничковскимъ дворцомъ, устроена большая площадь со скверомъ, съ Александринскимъ театромъ и съ высокими вокругъ него зданіями и пробита улица вплоть до Чернышева моста. По его же проекту съ Невскаго проспекта отъ городской башни открыта новая Михайловская улица, ведущая къ новой площади, въ глубинѣ которой долженъ былъ возвыситься Михайловскій дворецъ, и которой однообразныя большія строенія должны были служить рамой. Все это начато и окончено безъ него и даже послѣ него.

Самоважнѣйшее дѣло, коимъ въ продолженіе перваго лѣта, по высочайшей волѣ, занимался комитетъ, было постановленіе о троттуарахъ, которыхъ прежде не было въ Петербургѣ. Предметъ, конечно, важный, учрежденіе благотѣльное для пѣшеходцевъ, но и теперь безъ смѣху не могу я вспомнить сильныя пренія, которыя порождалъ сей вопросъ, важность, съ которою его обсуживали. Казалось, что дѣло идетъ объ узаконеніи, отъ котораго зависитъ благосостояніе государства.

Не помню въ іюнѣ или въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года пріѣхалъ изъ Парижа одинъ челоуѣкъ, котораго появленіе осталось вовсе незамѣченнымъ нашими главными архитекторами, но котораго успѣху сдѣлалось скоро постояннымъ предметомъ ихъ досады и зависти. Въ одно утро, нашелъ я у Бетанкура бѣлобрысаго Французика, лѣтъ тридцати не болѣе, разодѣтаго по послѣдней модѣ, который привезъ ему рекомендательное письмо отъ друга его, часовщика Брегета. Когда онъ вышелъ, спросилъ я объ немъ, кто онъ таковъ. „Право не знаю“, отвѣчалъ Бетанкуръ: „какой-то рисовальщикъ, зовутъ его Монферранъ; Брегетъ проситъ меня, впрочемъ, не слишкомъ убѣдительно, найти ему занятіе, а на какую онъ можетъ быть потребу?“ Для черезъ три позвалъ онъ меня въ комнату, которая была за кабинетомъ его, и указы-

вая на большую вызолоченную раму, спросилъ, что я думаю о томъ что она содержитъ въ себѣ? „Да, это просто чудо,“ воскликнулъ я. — „Это работа маленькаго рисовальщика,“ сказалъ онъ мнѣ. Въ огромномъ рисункѣ подъ стекломъ собраны были все достопримѣчательныя древности Рима, Троянова колонна, конная статуя Марка Аврелія, триумфальная арка Септима Севера, обелиски, бронзовая волчица и проч., и такъ искусно сгруппированы, что составляли нѣчто цѣлое, чрезвычайно пріятное для глазъ. Всему этому придавало цѣну совершенство отдѣлки, которому подобнаго я никогда не видывалъ. „Не правда ли“, сказалъ мнѣ Бетанкуръ, „что этого человека никакъ не должны мы выпускать изъ Россіи?“ — „Да какъ съ этимъ быть?“ отвѣчалъ я. — „Вотъ что мнѣ пришло въ голову“, сказалъ онъ:—мнѣ хочется помѣстить его на фарфоровый заводъ, тамъ будетъ онъ сочинять формы для вазъ, съ его вкусомъ это будетъ удобно; да сверхъ того можетъ онъ рисовать и на самомъ фарфорѣ.“ Онъ предложилъ это министру финансовъ, Гурьеву, управляющему въ то же время и кабинетомъ, въ вѣдѣніи коего находился заводъ. Монферранъ требовалъ три тысячи рублей ассигнаціями, а Гурьевъ давалъ только двѣ тысячи пять сотъ: отъ того дѣло и разошлось. Между тѣмъ онъ все становился со мною любезнѣе, до того что я рѣшился посѣтить его и мадамъ Монферранъ, почти на чердакѣ, въ небольшой комнатѣ, въ которую надобно было проходить черезъ швальню портнаго Люлье. Онъ же дѣлалъ для меня прекрасныя маленькіе рисунки, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, я ни одного у себя не оставилъ, а все раздарилъ въ альбомы знакомымъ дамамъ. За то и я затѣвалъ для него выгодное мѣсто, которымъ долженъ былъ онъ остаться доволенъ. Но пока оставимъ его, чтобы возвратиться къ комитету.

Я чрезвычайно ошибся, полагая что дѣла въ немъ мнѣ будетъ очень мало. Надобно было составлять журналы за сѣданій его; они сначала были не длинны, и это бы еще не бѣда. Но по примѣру Бетанкура захотѣлъ Модюи, чтобы они писаны были на двухъ языкахъ, къ нему присталъ Т., который также не зналъ по-русски, и Бетанкуръ потребовалъ, чтобы я удовлетворилъ ихъ желаніе. Скоро Модюи принялся витійствовать и подавать нескончаемыя мнѣнія, которыя цѣликомъ долженъ былъ я вносить въ журналъ,

переводя ихъ на русскій языкъ. Съ другой стороны, Стасовъ началъ представлять свои мнѣнія, варварскимъ языкомъ писанныя, и ихъ также осужденъ былъ переводить на французскій.

Пусть сыщутъ другую землю, врагами не покоренную, гдѣ иностранцы имѣли бы право требовать, чтобы внутри государства, по ихъ прихоти, дѣла производились не на одномъ отечественномъ языкѣ. Пристрастіе къ тому, что называемъ мы европейскимъ просвѣщеніемъ, народное самолюбіе наше осуждаетъ на непрерывныя пожертвованія; безпрестанно подавляя, оно наконецъ совсѣмъ можетъ истребить его: что изъ насъ выйдетъ тогда? Россія какъ трупъ будетъ тѣло безъ души. Если я вполне не почувствовалъ тогда сколь это унижительно для нея, то виню свое себялюбіе или эгоизмъ. Прежде чѣмъ о ней, подумалъ я о себѣ и находилъ обиднымъ, что архитекторы такъ самовольно могутъ располагать моими занятіями, и на этотъ счетъ объяснился съ Бетанкурромъ. „Пожалуста, не смотрите на нихъ, а знайте меня одного“, отвѣчалъ онъ; и дѣйствительно иногда случалось мнѣ въ его отсутствіе именемъ его объявлять имъ свою волю. Даже въ напрасномъ обремененіи этомъ видѣлъ я полезное для себя умноженіе труда: мнѣ хотѣлось настоящую жизнь свою, такъ-сказать, оторвать отъ прошедшаго своего бездѣйствія, закалить себя въ работѣ; съ остервененіемъ вооружился я противъ своей лѣни и съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ сталъ переводить съ языка на языкъ и французскую болтовню Модюи, и русское вранье Стасова.

Первые мѣсяца полтора составлялъ я одинъ всю канцелярію комитета, и несмотря на все рвеніе мое, мнѣ приходилось не въ мочь. Бетанкуръ все твердилъ мнѣ: „да зачѣмъ не наберете вы канцелярію? вы имѣете на то полную власть.“ Это легко было сказать; въ надеждѣ на будущее жалованье заманить людей, которые бы, по крайней мѣрѣ, умѣли переписывать по-французски, было дѣло весьма трудное; однакоже и это не знаю какъ-то удалось мнѣ.

Въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ служилъ столоначальникомъ нѣкто Николай Яковлевичъ Нодевъ. Не знаю, легковѣріе ли его, или довѣрчивость, которую чистосердечіе мое внушало всѣмъ людямъ, а можетъ-быть и слабая надежда сколько-нибудь умножить средства къ содержанію бѣднаго семейства, понудили его принять мое предложеніе, только

онъ согласился, не покидая настоящаго мѣста служенія, приходить ко мнѣ на помощь. Онъ былъ воспитанъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ мать его, Француженка, вдова танцмейстера той же націи, была инспектрисою при малолѣтнихъ кадетахъ. Въ немъ не было достаточно ни способностей, ни познаній, чтобы когда-либо занять какое-нибудь высокое мѣсто, но въ канцеляріяхъ такіе люди кладь: онъ былъ точенъ и неутомимъ. Не столько живости, сколько веселости было у него не въ умѣ, а въ характерѣ, и необыкновенная кротость въ душѣ; сердиться онъ никогда не умѣлъ, а только иногда морщиться, и за такого помощника, право, мнѣ можно было благодарить Бога.

Я не замедлилъ составленный мною штатъ представить на усмотрѣніе Бетанкура. Ни предсѣдателю, ни членамъ никакого жалованья въ немъ не полагалось. Правителю же канцеляріи, то-есть самому себѣ, назначилъ я по двѣ тысячи пяти сотъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія, секретарю по тысячи пяти сотъ, а двумъ помощникамъ его только по тысячи. Да сверхъ того, начальнику чертежей то же самое что правителю канцеляріи, и двѣнадцати чертежникамъ отъ пяти сотъ до тысячи рублей ежегодно. Служащимъ въ канцеляріи комитета выговорилъ я право занимать другія должности въ иныхъ вѣдомствахъ, и Нодену, не отнимая его у департамента горныхъ дѣлъ, предназначилъ высокій титулъ секретаря. Мнѣ удалось завербовать ему и двухъ помощниковъ: въ ожиданіи будущихъ благъ, молодой человекъ Прудниковъ, служащій въ канцеляріи министра финансовъ и старшій братъ члена Готмана, учитель въ частномъ домѣ, но числящійся въ какомъ-то вѣдомствѣ, согласились нѣкоторое время трудиться при мнѣ безвозмездно.

Должность начальника чертежной берегъ я для Монферрана и чрезвычайно удивился, когда на сдѣланное мною о томъ предложеніе отъ Бетанкура получилъ отказъ. „Онъ для такой должности еще слишкомъ молодъ“, отвѣчалъ онъ. Я, однакоже, не отступился и выторговалъ ему, по крайней мѣрѣ, названіе старшаго чертежника, правда, безъ жалованья, но съ квартирою и съ суммою, равною жалованью, въ видѣ награжденія или пособія ему, отъ комитета выдаваемою. Я долженъ былъ объяснить это Монферрану, который все съ благодарностію готовъ былъ тогда принять, какъ будто предвидя, что все это скоро должно перемѣниться. Первый на-

боръ чертежниковъ, изъ воспитанниковъ академіи художествъ, сдѣланный съ помощію члена Михайлова, послѣдовавшій, однакоже, не прежде какъ черезъ семь мѣсяцевъ послѣ открытія комитета, былъ также весьма удаченъ. Въ числѣ ихъ находились нынѣ извѣстные архитекторы: Брюловъ, Тонъ, Штакеншнейдеръ и Щедринъ.

Переписывались мы болѣе всего съ главнокомандующимъ въ Петербургѣ, Вязмитиновымъ, но въ сношеніяхъ съ нимъ Бетанкуръ, чрезвычайно любимый царемъ, умѣлъ, однакоже, сохранять совершенное равенство: съ переменною обстоятельствомъ въ послѣдствіи сіе должно было измѣниться. Съ другой стороны и я, въ частыхъ сношеніяхъ съ двумя правителями канцеляріи его, никакъ не хотѣлъ признавать ихъ передъ собою первенства. Обоихъ громко обвиняли въ издоумствѣ, но я такъ уже привыкъ это слышать, что смотрѣлъ на нихъ безъ малѣйшаго отвращенія. Одинъ изъ нихъ имѣлъ притязанія на образованность и пріятность формъ, другой былъ веселый и ласковый плутъ; тотъ и другой, по видимому, старались быть мнѣ угодными.

Не выходя изъ скромной роли своей, Монферранъ, между тѣмъ, тайкомъ трудился надъ чѣмъ-то важнымъ. На словахъ государь просилъ Бетанкура поручить кому-нибудь составить проектъ перестройки Исакиевского собора, такъ чтобы сохраняя все прежнее зданіе, развѣ съ небольшою только прибавкою, дать видъ болѣе великолѣпный и благообразный сему великому памятнику. Бетанкуру пришло въ голову для пробы занять этимъ Монферрана, выдавъ ему планъ церкви и всѣ архитектурныя книги изъ институтской бібліотеки. Что же онъ сдѣлалъ? Выбирая все лучшее, усердно принялся списывать находящіяся въ нихъ изображенія храмовъ, приваравливая ихъ къ величинѣ и пропорціямъ нашего Исакиевского собора. Такимъ образомъ составилъ онъ разомъ двадцать четыре проекта или, лучше сказать, начертилъ двадцать четыре прекраснѣйшихъ миниатюрныхъ рисунка и сдѣлалъ изъ нихъ въ переплетѣ красивый альбомъ. Тутъ все можно было найдти: китайскій, индѣйскій, готическій вкусъ, византійскій стиль и стиль возрожденія и, разумѣется, чисто греческую архитектуру древнѣйшихъ и новѣйшихъ памятниковъ.

Въ это время начались ежегодныя, продолжительныя, безпрерывныя путешествія государя внутри Россіи. Не

знаю, до какой степени знакомил он его съ духомъ его народа и выгодами его государства. По возвращеніи его, въ глухую осень, изъ перваго такого путешествія, Бетанкуръ представилъ ему Монферрановскій альбомъ, прося одинъ изъ рисунковъ удостоить своимъ выборомъ: вѣрный вкусъ его величества будетъ служить потомъ руководствомъ для исполнителей его воли. Нельзя было не восхищаться искусствомъ рисовальщика, и государь на время оставилъ у себя альбомъ.

На другой день Бетанкуръ, съ какимъ-то таинственнымъ видомъ, позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и наединѣ въ полголоса сказалъ мнѣ:

— Напишите указъ придворной конторѣ объ опредѣленіи Монферрана императорскимъ архитекторомъ, съ тремя тысячами рублей ассигнаціями жалованья изъ суммъ кабинета.

Я изумился и не могъ удержаться чтобы не сказать:

— Да какой же онъ архитекторъ, онъ отъ роду ничего не строилъ, и вы сами едва признаете его чертежникомъ.

— Ну, ну, отвѣчалъ онъ, — такъ и быть, пожалуста помодичте о томъ и напишите указъ.

Я собственноручно написалъ его, а государь подписалъ.

Утвержденіе нашего штата, несмотря на возвращеніе императора, все еще день ото дня откладывалось. Наконецъ, только въ декабрѣ вышло вдругъ милостивое рѣшеніе: на содержаніе комитета выдать изъ уѣзднаго казначейства всю сумму сполна за весь истекающій годъ, а чиновникамъ — жалованіе съ 3-го мая, со дня подписанія рескрипта Бетанкуру. Сей послѣдній все еще упрямлся и несмотря на великолѣпный титулъ, имъ доставленный Монферрану, опредѣлилъ его къ намъ только что старшимъ чертежникомъ. Онъ же, какъ мнѣ кажется, съ умысломъ ежился и гнулся передъ нимъ, увѣряя его, что во всѣхъ большихъ постройкахъ настоящимъ архитекторомъ, великимъ строителемъ будетъ онъ самъ Бетанкуръ, а онъ по возможности будетъ стараться облекать въ формы гениальныя его идеи.

Дабы кончить разказъ о рѣшительномъ устройствѣ пресловутаго комитета, необходимо долженъ я выступить за предѣлы 1816 года: въ январѣ 1817 нанялъ я для него равно какъ и для себя удобную и помѣстительную квартиру, въ домѣ Шмидта, у Семеновскаго моста, на углу Фонтанки и Апраксинскаго переулка. Поселившись въ этомъ пріютѣ, ко-

торый, по предчувствіямъ моимъ, столько лѣтъ долженъ былъ я занимать, и который, не превышая скудныхъ средства мои, какъ могъ старался я лучше прибрать, ощутилъ я необычайную отраду. Мнѣ уже исполнилось тридцать лѣтъ, и тщетно усиливался я дотола найти постоянное мѣсто и прочную службу; вездѣ встрѣчалъ неудачи; оттого-то самая жизнь моя въ Петербургѣ была всегда кочевая; съ одной небольшой квартиркой часто переѣзжалъ я на другую малую. Тутъ было нѣчто похожее на оскѣдность, и это единственный домъ, мимо котораго и доселѣ не могу я равнодушно пройти или проѣхать. Мнѣ сожителемъ Моисейерманъ, и сосѣдствомъ его я оставался доволенъ.

IV.

Не цѣлую главу, а нѣсколько страницъ въ каждой части сихъ записокъ посвящаю я обыкновенно описанію современнаго состоянія русскаго театра. Здѣсь достаточно мнѣ будетъ на то нѣсколько строкъ, ибо въ предыдущей части довольно говорилъ я объ немъ, и остается только назвать нѣсколько новыхъ молодыхъ талантовъ, тогда показавшихся, изъ коихъ нѣкоторые и понынѣ украшаютъ нашу сцену.

Особенно примѣчательны были два актера, Сосницкій въ комедіяхъ и Рамазановъ въ водевиляхъ. Первому, въ двѣтущія лѣта, удалось попасть въ общество образованныхъ людей: а какъ сверхъ того имѣлъ онъ врожденное чувство свѣтской пристойности, то и явилъ въ себѣ на сценѣ молодого человѣка, котораго можно пустить въ лучшую гостиную. Другой, Рамазановъ, былъ живчикъ, который пѣлъ пріятнымъ голосомъ и весьма естественно игралъ не въ шутовскихъ, а въ веселыхъ и забавныхъ роляхъ.

Главною актрисой въ комедіяхъ была Валберхова, не весьма еще старая и красивая, но не совсѣмъ однакоже и молодая дѣва, дочь посредственнаго танцовщика Лѣсогорова, который перевелъ себя на нѣмецкій языкъ, дабы внушить зрителямъ болѣе къ себѣ уваженія. Она была, какъ увѣряли, примѣрной нравственности, скромна, добродѣтельна и отказалась отъ брака, для того чтобы прилежно заниматься воспитаніемъ сиротъ, меньшихъ братьевъ и сестеръ. Такія почтенныя свойства вредили однакоже ея таланту, когда приходилось ей играть вѣтреныхъ кокетокъ. Прикованный не

любовію, а сожитіемъ, привычкою и общими выгодами къ другой актрисѣ, Шаховской тщетно, говорятъ, вздыхаль у ногъ ея. Екатерина Ивановна Ежова (мадамъ Жегова, какъ называли ее французскіе актеры) была женщина хитрая и смѣлая. Она держала Шаховскаго, какъ говорится, въ ежевыхъ рукавицахъ. Въ роляхъ сердитыхъ барынь на сценѣ заступила она мѣсто Рахмановой, которая по старости отошла на покой. Къ тому же и самый характеръ новаго рода крикуньевъ мало походилъ на тотъ, который такъ искусно изображала Рахманова.

Также и въ трагедіяхъ играла Валберхова и казалась бы гораздо превосходнѣе, еслибы только какой-либо второстепенный талантъ могъ бы выдержать сравненіе съ совершенствомъ игры Семеновой. Ни въ Россіи, ни за границей въ трагедіи я никого выше ее не видалъ: на театрѣ она казалась царицей среди подвластныхъ ей рабовъ, и по моему мнѣнію у насъ не умѣли ей довольно дивиться. Старѣющая Каратыгина иногда дерзала также показываться подлѣ Семеновой; неблагодарная публика, которая прежде, не видавъ лучшаго, столько плѣнялась ею, смотрѣла уже на нее съ отвращеніемъ. Ей обѣщано было новое, живѣйшее удовольствіе: Гнѣдичъ и другъ его, Лобановъ, возвѣстили ей, что въ трагедіи переведенной послѣднимъ будетъ она изумлена игрой молоденькой актрисы Степановой, въ ролѣ Ифигеніи. Я видѣлъ это первое представленіе и заодно съ публикой не ощутилъ и не изъяслялъ восторговъ.

Въ отсутствіе французской труппы не одни мелкіе чиновники и гостинодворцы посѣщали русскій театръ, но и лучшее общество. Дабы видѣть и слышать Семенову, общество это соглашалось выносить неистоваго Яковлева, нашего простонароднаго Лекеня, который многія лѣта продолжалъ еще хрипѣть и ревѣть передъ зрителями. Для молодыхъ ролей, за неимѣніемъ лучшаго, былъ нѣкто Щениковъ: совѣмъ не помню когда онъ исчезъ и куда онъ дѣвался. Еще одинъ молодой купчикъ, Брянскій, пошелъ въ трагическіе актеры; онъ былъ не безъ дарованій, говорилъ стихи очень внятно и рѣчисто и могъ бы, заступивъ мѣсто Яковлева, избавить насъ отъ него, но, къ сожалѣнію, былъ чрезвычайно холоденъ. Въ это время болѣе десяти лѣтъ уже находился онъ на сценѣ и о сию пору, кажется, не покидалъ ее; послѣ женился

онъ на вышереченной Степановой, и она, благодаря сему союзу, и понынѣ еще въ числѣ подставныхъ актрисъ.

Примадонной въ оперѣ все оставалась меньшая Семенова, со столь же пышною красотой и со столь же тощимъ голосомъ. Первый теноръ былъ все тотъ же славный Самойловъ; второй теноръ былъ молодой человекъ Климовскій, какъ увѣряли, изъ малороссійскихъ дворянъ, воспитанный въ придворной пѣвческой школѣ; голосъ у него былъ слабѣ чѣмъ у Самойлова, но еще пріятнѣе, и музыку зналъ онъ лучше. Послѣ большаго пожара старая Сандунова изъ Москвы бѣжала въ Петербургъ и въ немъ осталась, ибо не было надежды чтобы въ старой столицѣ театръ могъ скоро быть восстановленъ. Она согласилась играть роли старухъ, однакоже по нуждѣ заставляли ее выполнять ролю Весталки и другія, въ которыхъ былъ необходимъ ея уже не свѣжій, но еще сильный и чистый голосъ. Партію баса пѣлъ весьма не худо Зловъ, также въ одно время съ нею изъ Москвы пріѣхавшій пѣвецъ.

Танцовальныя зрѣлища лишились Дюпора, вмѣстѣ съ Жоржъ уѣхавшаго во Францію. Неизмѣнная чета Дидло опять осталась тогда одна, чтобы владычествовать въ балетахъ. Двое молодыхъ мальчиковъ, Люстихъ и Шемаевъ, обѣщали было сравняться съ Дюпоромъ, но не сдержали обѣщаннаго; поджилки скоро отказались имъ служить. Члены у русскихъ бываютъ гибки только въ первой молодости; до старости всегда готовы они и бываютъ въ состояніи пахать и ратовать, но однимъ Французамъ отъ природы дана привилегія до могилы ловко прыгать и вертѣться. Доказательствомъ тому можетъ служить мусью Андре, котораго въ 1803 году видѣли мы довольно пожилымъ французскимъ актеромъ и который, дабы не разставаться со сценою, въ это время неутомимо продолжалъ плясать на ней, что двадцать лѣтъ спустя дѣлаетъ онъ и понынѣ. Именной списокъ тогдашнихъ русскихъ артистовъ заключу я названіемъ искусной танцовщицы и извѣстной красавицы, дѣвицы Истоминой, которая въ продолженіе многихъ лѣтъ плѣняла зрителей и сводила съ ума молодыхъ офицеровъ. Она была причиною нѣсколькихъ поединковъ между ими и даже смерти одного изъ нихъ.

Въ самомъ главномъ управленіи театральномъ произошла тогда большая переменна. Вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ

при Павлѣ удаленъ былъ въ Москву другой камергеръ, находившійся при наследникѣ, князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ, и вмѣстѣ съ нимъ былъ вызванъ по воцареніи Александра. Какъ въ характерахъ обоихъ князей камергеровъ, такъ и въ степени довѣренности къ нимъ государя была великая разница. Голицынъ былъ человекъ добродушный, отменно веселый, но степенный и съ молода склонный къ набожности. Тюфякинъ былъ скученъ, несносенъ, своеправенъ и мало понималъ другія наслажденія кромѣ чувственныхъ. Видя себя обманутымъ въ надеждѣ сдѣлаться любимцемъ царя, онъ съ досады поселился въ Парижъ и выѣзжалъ изъ него только во время разрыва Наполеона съ Россіей, впрочемъ, не возвращаясь въ нее. Въ началѣ 1812 года для Русскихъ и въ Европѣ уже не было мѣста; во вниманіи къ прежней, если не службѣ, то преданности, государь наградилъ воротившагося въ отечество Тюфякина званіемъ гофмейстера при дворѣ и вице-директора театральнаго зрѣлища. Въ концѣ 1813 года Александръ Львовичъ Нарышкинъ долженъ былъ сопровождать императрицу Елизавету Алексѣевну во время заграничнаго ея путешествія, и находя что безъ французской труппы ему нечего дѣлать, но сохраняя, впрочемъ, званіе главнаго директора, все управление свое передалъ въ руки Тюфякина, а тотъ изъ нихъ его болѣе уже не выпускалъ.

При такомъ начальникъ власть Шаховскаго должна была умножиться. Ежова каждый вечеръ принимала у себя актрисъ, танцовщицъ и воспитанницъ театральной школы; преимущественно же послѣднихъ, дабы дать имъ болѣе довки вѣ обращеніи. Нѣсколько пожилыхъ и большая часть молодыхъ людей Петербурга добивались чести быть принятыми въ ея салонѣ. Изъ всѣхъ ежедневныхъ посѣтителей сихъ составлялись дружины хлопунцовъ, съ которыми авторъ-хозяинъ всегда могъ быть увѣренъ въ побѣдѣ. Если литературная слава его чрезъ это нѣсколько увеличивалась, за то честь его жестоко страдала отъ того. Эти сначала столь послушные посѣтители, видяо приобрѣтая большія права, сдѣлались вдругъ смѣлы и взыскательны. Часто доставалось отъ нихъ бѣдной Ежовой, говорятъ даже самому Шаховскому, до того что они принуждены были, наконецъ, прекратить свое гостепріимство. Вотъ до чего иногда доводитъ сила страстей, даже самыхъ дозволенныхъ, повидимому самыхъ полезныхъ просвѣщенію. И теперь безъ душевнаго сожалѣнія не могу

вспомнить объ этой эпохѣ жизни слабаго, добраго князя, котораго послѣ пришлось мнѣ такъ много любить.

Пока неуваженіе свѣга и даже знакомыхъ постигало его, избранный имъ спокойный и безответный противникъ его, Жуковскій, все болѣе возвышался въ общемъ мнѣніи. Ему, отставному титулярному совѣтнику, какъ пѣвцу славы русскаго воинства, по возвращеніи своемъ, государь пожаловалъ богатый брилліантовый перстень съ своимъ вензелемъ и четыре тысячи рублей ассигнаціями пенсіона. Такую блестящую награду сочла Бесѣда, не знаю почему, для себя обидною, а Арзамасъ, признаться должно, имѣлъ слабость видѣть въ этомъ свое торжество.

Другое сильнѣйшее горе ожидало Бесѣду. Въ началѣ 1816 года, Карамзинъ, не бывавшій въ Петербургѣ болѣе двадцати пяти лѣтъ, пріѣхалъ въ сопровожденіи Вяземскаго и Василья Львовича Пушкина. Самъ государь принималъ его отлично, можно сказать дружелюбно. На изданіе уже написанныхъ имъ восьми томовъ *Исторіи Государства Россійскаго* велѣлъ отпущить ему шестьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями, да сверхъ того съ чиномъ статскаго совѣтника далъ ему прямо Аннинскую ленту. Петербургъ—городъ придворный, казенный; примѣръ царя сильно дѣйствуетъ въ немъ на людей; тутъ подражать было не трудно; подъ предлогомъ уваженія къ личнымъ достоинствамъ Карамзина, удивленія къ его талантамъ, всѣ наперерывъ стали оказывать ему почтительныя ласки. Твореніе свое хотѣлъ онъ печатать въ Петербургѣ, и для того, на время возвратясь въ Москву, слѣдующею осенью прібылъ онъ со всемъ семействомъ своимъ и остался въ немъ.

Въ этой главѣ хочется мнѣ кстати досказать повѣсть о Бесѣдѣ и Арзамасѣ, хотя для того и долженъ буду выступить за предѣлы 1816 года. Одно будетъ весьма недлиною: Бесѣда въ этомъ году какъ будто исчезла, совсѣмъ пропала безъ вѣсти. Единственное засѣданіе ея, на коемъ я присутствовалъ, было едва ли не послѣднее; если потомъ и были они, то не публичныя и вѣрно очень рѣдко, ибо о нихъ и слуху не было. Единственный свѣтъ, ее озарявшій, слабѣлъ и тихо угасъ на берегахъ Волхова; лѣтомъ Державинъ заснулъ вѣчнымъ сномъ въ деревнѣ своей Званкѣ, неволью осудивъ на то и Бесѣду. Божество отлетѣло, и двери во храмъ его навсегда затворились.

Когда старуха Бесѣда въ изнеможеніи силъ близилась къ концу, въ то же самое время молодой соперникъ ея все болѣе крѣпнѣ и мужалъ. Въкѣ его былъ также коротокъ, но онъ оставилъ по себѣ долгія воспоминанія. Новыхъ членовъ, коими онъ обогащался, да позволено мнѣ будетъ называть здѣсь по порядку, а неизвѣстныхъ читателю познакомить съ нимъ.

Первые имъ воспріятыя были прибывшіе изъ-за границы два дипломата. По лѣтамъ своимъ Петръ Ивановичъ Полетика могъ нѣкоторымъ образомъ почитаться намъ ровесникомъ, но онъ всегда былъ старообразенъ, ему не было еще сорока лѣтъ, а казалось гораздо за сорокъ и потому онъ не совсѣмъ подходилъ подъ стать къ людямъ, изъ коихъ составлялась не академія, а общество довольно молодыхъ еще пристойныхъ весельчаковъ. Онъ родомъ происходилъ отъ одного изъ греческихъ семействъ, поселенныхъ въ Нѣжинѣ: отецъ его или дѣдъ, если не ошибаюсь, былъ послѣднимъ архіатеремъ, то-есть, тѣмъ что мы нынѣ называемъ генераль-штабъ-докторомъ. Онъ воспитанъ былъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ при графѣ Ангальтѣ, который такъ много заботился не столько объ умственномъ, какъ о свѣтскомъ образованіи выпускаемыхъ изъ него юношей. Они знали иностранные языки, всего повемногу, хорошо были выучены верховой ѣздѣ, танцованью, и все это было не худо; по крайней мѣрѣ имъ преподаны средства, при нѣкоторыхъ способностяхъ, самимъ послѣ дѣлать пріобрѣтенія въ области наукъ, тогда какъ нынѣ въ казармахъ, именуемыхъ корпусами, кадеты, отъ коихъ требуется знаніе одной фронтовой службы, сихъ средствъ съ малолѣтства навсегда лишены.

Нашъ Полетика не безъ пользы употребилъ небольшой запасъ познаній, полученныхъ имъ въ корпусѣ: не знаю хорошенько поступалъ ли онъ въ военную службу, только навѣрное не долго въ ней оставался. Семейство его находилось подъ особымъ покровительствомъ императрицы Маріи Теодоровны: старшій братъ его нѣсколько времени былъ секретаремъ ея величества; изъ сестеръ, воспитанныхъ въ Смольномъ монастырѣ, одна попала во фрейлины и жила во дворцѣ. Съ такою опорой рано могъ онъ выбратъ на хорошую дорогу, но на ней успѣхами своими обязанъ былъ уже собственному уму. Служа въ иностранной коллегіи, состо-

ялъ онъ при разныхъ миссіяхъ и избѣдилъ почти весь свѣтъ. Мѣсто совѣтника посольства въ Мадридѣ было послѣднее, которое занималъ онъ съ 1813 года; оттуда, послѣ вторичнаго паденія Наполеона, вызванъ былъ въ Парижъ, и по заключеніи мира, причисленный къ дѣламъ коллегіи, прибылъ въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы получить новое назначеніе. Онъ былъ собою не видѣвъ, но умныя черты лица и всегда изысканная опрятность дѣлали наружность его довольно пріятною. Исполненный чести и прямодушія онъ соединялъ ихъ съ тонкостію, свойственною людямъ его происхожденія и роду службы его; откровенность его совѣмъ не притворная была однакоже не безъ разчета; онъ такъ искусно, шутливо, необходимо умѣлъ говорить величайшія истины людямъ сильнымъ, что ихъ самихъ заставлялъ улыбаться. Онъ не имѣлъ глубокихъ познаній, но въ дѣлахъ службы и въ разговорахъ всегда видѣвъ былъ въ немъ свѣдущій человекъ. Не зная вовсе спѣси, со всѣми былъ онъ обходителемъ, а никто не рѣшился бы забыть передъ нимъ. Всѣми былъ онъ любимъ и уважаемъ, и самъ ни къ кому не чувствовалъ ненависти; если же и чуждался запятанныхъ людей, то старался и имъ не оказывать явнаго презрѣнія. Къ сожалѣнію моему, онъ одержимъ былъ сильною англоманіей, и этотъ недостатокъ въ глазахъ моихъ, дѣлая его нѣсколько похожимъ на методиста или квакера, придавалъ ему однакоже много забавно почтенной оригинальности. Вообще я нахожу, что благоразуміе его никто еще не умѣлъ распорядиться жизнію; онъ умѣлъ сдѣлать ее полезною и пріятною какъ для себя, такъ и для знакомыхъ. Изъ-за морей иногда показывался онъ въ Петербургѣ и потомъ вдругъ исчезалъ изъ него; во время сихъ быстрыхъ появленій онъ коротко познакомился съ сослуживцами своими, Дашковымъ и Блудовымъ; мнѣ также не разъ случалось съ нимъ встрѣчаться и разговаривать. Лишь только узнали о его пріѣздѣ, единогласно, громогласно призвали его въ наше общество. Онъ мало занимался русскою литературой, хотя довольно хорошо зналъ ее; но, я повторяю, не одни литераторы намъ были нужны. Его слѣдовало бы принять почетнымъ членомъ: тогда ихъ у насъ еще не было, все были одни дѣйствительные, и нареченный Очарованнымъ Челномъ, не знаю какъ-то, ускользнулъ онъ отъ обязанности произнести вступительную рѣчь. Не долго насладились мы его обществомъ; слѣдующею

весной онъ назначенъ былъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ.

Вмѣстѣ съ нимъ изъ Мадрида и Парижа пріѣхалъ одинъ юноша, впрочемъ лѣтъ двадцати пяти, пріятель Дашкова. Отецъ Димитрія Петровича Северина, Петръ Ивановичъ, служилъ когда-то капитаномъ гвардіи Семеновскаго полка въ одно время съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитриевымъ. Во дни добродушной старины нашей достаточно было товарищества по службѣ, чтобы составить дружественныя связи между людьми, совершенно разныхъ свойствъ. Съ помощію Дмитриева молодой Северинъ былъ опредѣленъ въ иностранную коллегію и получилъ мѣсто въ Испаніи, откуда воротился съ Полетикой. Онъ былъ совоспитанникъ Вяземскаго, товарища по службѣ Дашкова, пріятель обоихъ, и потому двери Арзамаса открылись предъ нимъ настежь.

Сейчасъ только что назвалъ я Вяземскаго, а онъ тутъ и является. Онъ и Пушкинъ, какъ сказалъ я выше, пріѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ и мѣсяца черезъ два съ нимъ же воротились опять въ Москву. Въ сіе короткое время одинъ усладилъ, а другой потѣшилъ Арзамасъ своимъ соприсутствіемъ. Весело и совѣстно вспомнить нынѣ проказы людей, хотя еще молодыхъ, но уже совсѣмъ не мальчиковъ: кто изъ тридцатилѣтнихъ теперь позволитъ себѣ такъ дурачиться? Въ первой части говорилъ уже я о первой встрѣчѣ моей съ Васильемъ Львовичемъ Пушкинымъ, о метромании его, о его чрезмѣрномъ легковѣріи; здѣсь нужно прибавить, въ похвалу его сердца, что онъ всегда вѣрилъ еще болѣе доброму чѣмъ худому. Знакомые, пріятели употребляли во зло его довѣрчивость: кому-то изъ насъ вздумалось, по случаю вступленія его въ наше общество, снова подшутить надъ нимъ. Эта мысль сдѣлалась общимъ желаніемъ и совокупными силами приступлено къ составленію страннаго, смѣшнаго и торжественнаго церемоніяла принятія его въ Арзамасъ. Разумѣется, что Жуковскій былъ въ этомъ дѣлѣ главнымъ изобрѣтателемъ; и сіе самое доказываетъ, что въ этой, можно сказать, семейной шуткѣ не было никакого дурнаго умысла, ничего слишкомъ обиднаго для всѣми любимаго Пушкина.

Ему возвѣстили, что непосвященные въ таинства нашего общества не иначе въ него могутъ быть приняты какъ послѣ довольно трудныхъ испытаній, и онъ согласился под-

вергнуть имъ себя. Вяземскій успѣлъ увѣрить его, что они совсѣмъ не бездѣлица, и что самъ онъ весьма утомился пройдя черезъ всѣ эти мытарства. Жилище Уварова, просторное и богато убранное, могло одно быть удобнымъ для представленія затѣваемыхъ комическихъ сценъ. Какъ странствующаго въ мѣрѣ семь безъ цѣли, нарядили его въ хитонъ съ раковинами, надѣли ему на голову шляпу съ широкими полями и дали въ руку посохъ пилигрима. Въ этомъ нарядѣ, съ завязанными глазами, изъ парадныхъ комнатъ по задней узкой и крутой лѣстницѣ, свели его въ нижній этажъ, гдѣ ожидали его съ руками полными хлопущекъ, которыя бросали ему подъ ноги. Церемонія потомъ начавшаяся продолжалась около часа: то обращались къ нему съ вопросами, которые тревожили его самолюбіе и принуждали морщиться; то вооружали его руку лукомъ и стрѣлою, которую онъ долженъ былъ пустить въ чучелу, съ огромнымъ парикомъ и съ безобразною маскою, имѣющую посреди груди написанный на бумагѣ извѣстный стихъ Тредьяковского,

Чудище обло, озорно, трезвено и лалй.

Сіе чудище, повергнутое послѣ выстрѣла его на полъ, и имъ будто побѣжденное, должно было изображать дурной вкусъ, или Шишкова. Потомъ заставили его, поддерживаемаго двумя аколитами, пронести на блюдѣ огромнаго замороженнаго гуся, а послѣ того... всего не припомню. Между всѣми этими предѣлками, членами произносимы ему были рѣчи назидательныя, ободрительныя или подзравительныя. Въ заключеніе, изъ темной комнаты, въ которой онъ находился, въ другую длинную, ярко освѣщенную, отдернулась огненнаго цвѣта занавѣсъ, ее скрывавшая, и онъ съ торжествомъ вступилъ въ собраніе и сказалъ рѣчь весьма затѣливую и приличную. Когда послѣ я спросилъ его, не досадовалъ ли онъ, не скучалъ ли онъ сими продолжительными испытаніями? Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ, *s'étaient d'aimables allégories*. Подите же послѣ того, родятся же люди какъ будто для того, чтобы трунили надъ ними.

Въ протоколѣ, который прочиталъ потомъ секретарь Жуковскій, прописанъ былъ весь этотъ обрядъ, яко бы совершенный надъ Вяземскимъ въ предыдущемъ засѣданіи. При этомъ всѣ члены, исключая новопринятаго, приступили съ требованіемъ на будущее время отмѣнить его, какъ тягостный для вступающихъ, такъ и довольно убыточный для

вступившихъ. Недоставало балладъ, чтобы давать ихъ названія новымъ членамъ; довольствовались тѣмъ, чтобы для того брать изъ нихъ примѣчательныя имена и слова: вотъ почему въ это же, кажется, засѣданіе Вяземскій наречень Асмодемъ, Пушкинъ сталъ называться Вотъ, а Северинъ удачно прозванъ Рѣзвымъ Котомъ.

Въ слѣдующее засѣданіе приглашены были нѣкоторые, болѣе или менѣе знаменитыя, лица, а именно: Карамзинъ, князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ, Михаилъ Александровичъ Салтыковъ—извѣстные моему читателю, и наконецъ Юрій Александровичъ Нелединскій-Меледкій. Всѣ они, вмѣстѣ съ отсутствующимъ Дмитріевымъ, единогласно выбраны почетными членами, или почетными гусями: титулъ сей, разумѣется, предложенъ былъ Жуковскимъ. Въ это время только удалось мнѣ видѣть Нелединскаго, невысокаго роста, умнаго, веселаго, толстенькаго старичка, написавшаго немного прелестныхъ стиховъ и, къ сожалѣнію, такъ много nepотpeбныхъ.

Въ этотъ же день потѣшили и Пушкина. Нѣкогда пріятель и почти ровесникъ Карамзина и Дмитріева, онъ сдѣлался товарищемъ людей, по меньшей мѣрѣ, пятнадцатую годами его моложе. Надобно имъ было чѣмъ-нибудь отличить его, признать какое-нибудь первенство его передъ собою. И въ этомъ дѣлѣ помогъ Жуковскій, придумавъ для него званіе старосты Арзамаса, съ коимъ сопряжены были нѣкоторыя преимущества. Изъ нихъ нѣкоторыя были умерительныя и остались у меня въ памяти, на примѣръ: мѣсто старосты, когда онъ на лицо, подлѣ предсѣдателя общества, во дни же отсутствія—въ сердцахъ друзей его; онъ подписываетъ протоколъ—съ приличною размашкой; галось его въ нашемъ собраніи—имѣеть силу трубы и пріятность флейты, и тому подобный вздоръ.

Я полагаю, что еслибъ это общество могло ограничиться небольшимъ числомъ членовъ, то оно жило бы согласнѣе и могло бы долѣе продлить свое веселое существованіе; но Жуковскій безпрестанно вербовалъ новыхъ: необходимо ихъ представить здѣсь.

Перваго назову я Дмитрія Александровича Кавелина. Гораздо старѣе Жуковскаго, онъ однакожъ учился съ нимъ вмѣстѣ въ Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ, который оставилъ онъ нѣсколько годовъ прежде его. Онъ принадлежалъ къ партіи Сперанскаго, находился подъ покровомъ

вительствомъ и въ тѣсной дружбѣ съ Магницкимъ. Онъ никогда не былъ выскочкою, держалъ себя тихо, скромно, удалялся отъ общества, оттого, можетъ-быть, не увлеченъ былъ ихъ паденіемъ и сохранялъ значительное мѣсто директора медицинскаго департамента. Но безъ нихъ онъ какъ бы осиротѣлъ и, какъ кажется, желалъ составить новыя связи, пристать къ чему-нибудь, къ кому-нибудь. Придравшись къ прежнему соученичеству, онъ очень ласкался къ Жуковскому и предложилъ ему печатать его сочиненія въ типографіи своего департамента. Онъ былъ человѣкъ весьма не глупый, съ познаніями, что-то написалъ, казался весьма благоразумнымъ, ко всѣмъ былъ привѣтливъ, а, не знаю, какъ-то ни у кого сердце не лежало къ нему. Дѣйствующее лицо безъ рѣчей, онъ почти всегда молчалъ, неохотно улыбался и между нами былъ совершенно лишній. Жуковскій наименовалъ его Пустынникомъ.....

Одного только члена, предложеннаго Жуковскимъ, неохотно приняли: не знаю, какія предубѣжденія можно было имѣть противъ Александра Федоровича Воейкова. Я гдѣ-то сказалъ уже, что нашъ поэтъ воспитывался въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ семействѣ Буниныхъ. Катерина Анастасьевна Бунина, по мужу Протасова, имѣла двухъ дочерей, которыя, выростая съ нимъ, любили его какъ брата; говорятъ, онѣ были очаровательны. Меньшая выдана за сосѣда, молодого помѣщика Воейкова, который также писалъ стихи, и оттого-то у двухъ поэтовъ составилось болѣе чѣмъ пріязнь почти родство. Совершенная разница въ наружности, чувствахъ, обхожденіи супруговъ, конечно, бросилась въ глаза: онъ былъ мужиковать, аляповать, неблагороденъ; она же настоящая сальфида, ундица, существо не земное, какъ увѣряли меня, ибо я только вскользь видѣлъ ее. Неужели это ему ставили въ вину? Да какое неуклюжество не простилъ бы я, кажется, за умъ, а въ немъ было его очень много. Въ душѣ его не было ничего поэтическаго и стихи, столь отчетливо, столь правильно имъ написанные, не произвели никакого впечатлѣнія, не оставили никакой памяти даже въ литературномъ мірѣ. Лучшее произведеніе его былъ переводъ *Делиллевыхъ Садовъ*. Какъ сатирикъ онъ имѣлъ истинный талантъ; всѣ еще знаютъ его *Домъ Сужасмедихъ*, въ который помѣстилъ онъ друзей и недруговъ: надъ первыми смѣялся очень забавно, а послѣднихъ казнилъ безъ пощады.

Онъ былъ вольнопрактикующій литераторъ, не принадлежалъ ни къ какой партіи, ни къ какому разряду, и потому-то мнѣ не случилось доселѣ упомянуть о немъ. Никто, можетъ-быть, такъ хорошо не зналъ русскую словесность; доказательствомъ любви его къ ней служить принятіе званія профессора ея въ Дерптскомъ университетѣ. Это всѣхъ удивило и многимъ не понравилось: наши дворяне, и особенно старинные какъ онъ, гнушались тогда всѣмъ что походило на учительство: они не были современниками Гизо и Шевырева. Воейковъ никакъ не обидѣлся даннымъ ему у насъ названіемъ Дымной Печурки.

Еще одного деревенскаго сосѣда, но вмѣстѣ съ тѣмъ Парижанина въ рѣчахъ и манерахъ, поставилъ Жуковскій въ Арзамасъ. Въ первой молодости, представленный въ большой свѣтъ, Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ плѣнилъ его необыкновеннымъ искусствомъ подражать голосу, пріемамъ и походкѣ знакомыхъ людей, особенно же мастерски умѣлъ онъ кривляться и передразнивать уѣздныхъ помѣщиковъ и ихъ жёнъ. Съ такою способностію нетрудно было ему перенять у Французовъ ихъ поговорки, всѣ ихъ манеры; и сіе дѣлалъ онъ уже не въ шутку, такъ что съ перваго взгляда нельзя было принять его за Русскаго.

Онъ былъ женатъ на дочери фельдмаршала графа Ивана Григорьевича Чернышева..... Молодые супруги удалились въ Орловскую губернію. Въ сельское убѣжище свое перенесли они часть столичныхъ забавъ, къ которымъ приучена была знать: сюрпризамъ, домашнимъ спектаклямъ, *fêtes champêtres*, маскарадамъ конца не было. Плещеевъ былъ отъ природы славный актеръ, самъ игралъ на сценѣ и другихъ училъ: находили, что это чрезвычайно способствовало просвѣщенію того края. Только брачныя узы забавнику, какъ говорятъ, не всегда казались забавны, онъ былъ блестящій и столь же тяжкія для него оковы. Графиня не забывала своего титула и была чрезвычайно взыскательна съ мужемъ-дворяниномъ. Деревня ихъ находилась въ сосѣдствѣ съ Бѣловымъ, а сверхъ того и госпожа Протасова по мужу приходилась теткой Плещееву, почему и Жуковскій всегда участвовалъ въ сихъ празднествахъ. Когда, овдовѣвъ, Плещеевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Жуковскій возвѣстилъ намъ о немъ какъ о неизчерпаемомъ источникѣ веселій, а намъ то и надо было. Сначала дѣйствительно онъ всѣхъ

насмѣшилъ. По смуглому цвѣту лица, всеобщій креститель нашъ назвалъ его Чернымъ Враномъ. Намъ наскучило наконецъ слушать этого ворона, когда онъ каркалъ только затверженое, а своего уже ровно у него ничего не было. Ему было повезло: онъ попалъ въ чтецы къ императрицѣ Маріи, сдѣлавъ камергеромъ и членомъ театральнаго дирекціи.

По заочности были приняты еще два члена, Батюшковъ, какъ уже сказалъ я, подъ именемъ Ахилла, и партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, подъ именемъ Армянина. Первый слѣдующею осенью обрадовалъ насъ своимъ прїѣздомъ, а послѣдняго никогда мы не видали. Онъ находился въ Москвѣ: тамъ вмѣстѣ съ Вяземскимъ и Пушкинымъ составили они отдѣленіе Арзамаса, и засѣданія ихъ посѣщали Карамзинъ и Дмитриевъ. Новыхъ членовъ они не набирали безъ согласія горняго Арзамаса, не имѣя на то права.

Я все откладывалъ говорить о нѣкоторыхъ членахъ, вступившихъ въ Арзамасъ, какъ нынѣ полагать должно, съ дурными замыслами. Тяжко мнѣ изображать людей, возбужденныхъ во мнѣ прїязнь и уваженіе и послѣ прославившихъ себя преступными заблужденіями, но коихъ память, несмотря на то, все еще осталась мнѣ любезна.

Не стану здѣсь повторять того что говорилъ я о двухъ братьяхъ Тургеневыхъ, Андрѣ и Александрѣ, — объ одномъ погибшемъ во цвѣтѣ лѣтъ, а о другомъ, погубившемъ въ себѣ способности и знанія чрезмѣрною лестью ума и дѣятельностію тщеславія. У нихъ былъ еще третій братъ Николай, нѣсколькими годами моложе Александра. Искаженная вѣра, мартинизмъ, вольнолюбіе возсѣдали у колыбели сихъ братьевъ, баюкали ихъ младенчество. Честолюбіе между тѣмъ въ каждомъ изъ нихъ развивалось съ лѣтами въ разныхъ видахъ и въ разныхъ степеняхъ. Опредѣленный въ службу по иностранной коллегіи, Николай Тургеневъ получилъ безсрочный отпускъ и отправился въ Геттингенъ, когда всѣ Нѣмцы кипѣли справедливымъ, но тайнымъ гнѣвомъ на истребителя не только независимости ихъ, но и самаго названія Германіи. Подъ именемъ Рейнскаго Союза, составленнаго изъ подданныхъ корольковъ, она не простиралась даже до Одера, а весь сѣверъ ея до Любека присоединенъ былъ къ Франціи. Воспрянуть было невозможно; цвѣтъ юности, всѣ жизненные силы государства искуснымъ Наполеономъ отрываемы

были отъ родины, и мужество ихъ только болѣе умножало поработеніе ихъ отечества. Въ университетахъ сильнѣе другихъ профессоры и студенты томилась жаждою свободы и горѣли желаніемъ мести. Среди тайныхъ заговоровъ созрѣлъ и возмужалъ нашъ Тургеневъ, присталъ къ извѣстному либералу барону Штейну, и въ 1812 году пріѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ. Съ нимъ опять поѣхалъ онъ въ Германію, чтобы жителей возбудить къ возстанію, что было весьма нетрудно, но опять, повторю, не знаю, было ли это необходимо нужно. Онъ слѣдовалъ за нашею арміею, употребленъ былъ для разныхъ порученій и въ 1816 году окончательно воротился въ Россію.

Онъ не имѣлъ высокихъ дарованій старшаго брата своего, Андрея, а замѣнялъ ихъ постояннымъ трудолюбіемъ. Врожденное чувство любви къ человѣчеству въ немъ было усилено правилами какой-то превысрпенней филантропіи, съ раннихъ лѣтъ ему преподаанными. Съ безчисленными теоріями къ намъ уже являлось множество иностранцевъ, совершенно не знавшихъ народнаго духа Россіи, ни пороковъ, ни доблестей ея жителей, ни доброй, ни худой ихъ стороны; не подозрѣвающихъ неодолимыхъ препятствій, которыя законодатель долженъ встрѣтить, еслибы дерзнулъ приступить къ совершенному ея преобразованію. Всѣ смотря на примѣръ Петра Великаго и полагаютъ, что у насъ стоить только приказать, дабы все измѣнилось: онъ остригъ только верхушки деревьевъ, а до корней и онъ не смѣлъ коснуться. Къ числу сихъ иноземныхъ можно приписать и Тургенева, который образовался за границею. Но онъ искренно, усердно любилъ Россію, уважалъ своихъ соотечественниковъ и въ разговорахъ со мною много разъ скорбѣлъ о томъ, что чужеземцы распоряжаются у насъ какъ дома. Хорошо еслибъ и другіе Русскіе, подобно ему, перенимали за границей у европейскихъ народовъ любовь ихъ къ отчизнѣ; но это дается только тѣмъ изъ насъ, кои по чувствамъ и по мыслямъ стоятъ гораздо выше толпы обыкновенныхъ путешественниковъ нашихъ.

Не знаю, случай или природа, сдѣлавъ его хромымъ, осудили его болѣе на сидячую и уединенную жизнь и отдалили отъ общества, гдѣ мнѣнія, встрѣчая сопротивленіе, нѣсколько умѣряются и смягчаются. Къ тому же онъ былъ одаренъ великою твердостію (обратившею послѣ въ ужасное упрям-

ство), а это людямъ почти всегда даетъ верхъ надъ другими. Старшій братъ его, Александръ, обратился и въ кадило, вѣчно передъ нимъ курящееся, и въ трубу, гремящую во всѣ концы хвалы его гениальности. А онъ, просто, былъ человѣкъ съ основательными познаніями, съ благими намѣреніями и несбыточными мечтами. Надобно, чтобы напередъ ты самъ себя увѣрилъ, что ты великій мужъ, потомъ смѣло возвѣсти о томъ; одни по разсѣянности, другіе по лѣни повѣрятъ тебѣ, а когда и очнутся, то дѣло уже сдѣлано, законность притязаній твоихъ всеми признана: такъ часто водится у насъ въ Россіи. Однакоже надобно признаться, что Тургеневъ имѣлъ въ себѣ нѣчто вселяющее къ нему почтительный страхъ и довѣренность; онъ былъ рожденъ чтобы властвовать надъ слабыми умами. Сколько разъ случалось мнѣ самому видѣть военныхъ и гражданскихъ юношей, какъ Додонскій лѣсъ посѣщающихъ его кабинетъ и съ подобострастнымъ вниманіемъ принимающихъ непонятныя для меня слова, которыя какъ оракулы падали изъ устъ новой Сивиллы. Все тѣшило тогда Тургенева, все улыбалось ему. Въ чинѣ надворнаго совѣтника назначенъ онъ на мѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника графа Ламберта начальникомъ отдѣленія канцеляріи министра финансовъ, * и въ то же время помощникомъ статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ. Все это, по мнѣнію его друзей, были только первые шаги, которые, несомнѣнно, немедленно должны были повести его къ званію министра, а ему было только что двадцать шесть лѣтъ отъ роду. Однакоже, хотя послѣ и получалъ онъ чины и кресты, выше сихъ должностей никогда другихъ не занималъ онъ; читая же изданное имъ въ Парижѣ сочиненіе, можно подумать, что онъ дѣйствительно управлялъ у насъ какимъ-нибудь министерствомъ.

По тѣснымъ связямъ Александра Тургенева съ другими членами, онъ былъ принятъ въ Арзамасъ какъ родной, и кажется, ему самому въ немъ полюбилось. Тутъ онъ нашелъ нѣчто похожее на нѣмецкую буршеншафтъ, людей уже довольно зрѣлыхъ, не забывающихъ студенческія привычки. Въ немъ не было ни спѣси, ни педантства; молодость и надежда еще оживляли его; и онъ былъ тогда у насъ славнымъ това-

* Это мѣсто было нѣкогда мнѣ предложено и обѣщано, когда я былъ еще моложе его и въ одинаковомъ съ нимъ чинѣ.

рищемъ и собесѣдникомъ. Въ душевной простотѣ своей, Жуковскій далъ Николаю Тургеневу имя Варвика. Онъ не скрывалъ своихъ желаній, и хотя ясно видѣлъ что ни одинъ изъ насъ серьезно не можетъ раздѣлять ихъ, однако не думалъ за то досадовать. Вскорѣ, движимый одинаковыми съ нимъ чувствами, вступившій къ намъ новый членъ былъ гораздо предприимчивѣе.

Въ первые годы царствованія Екатерины, престолъ ея тѣсно окружали пять братьевъ-младодцовъ, изъ коихъ особенно трое были и ея любимцами, и любимцами народа русскаго. Четверо изъ нихъ были женаты, но или не имѣли дѣтей, или законное ихъ потомство мужскаго пола въ первомъ поколѣнн прекратилось. Одинъ только, холостой Феодоръ, воспѣтый Державиннымъ орелъ

Изъ стаи той высокої,
Котора въ воздухѣ пыла,
Впереди Минервы свѣтлою,
Когда она съ Олимпа пла.

имѣлъ четырехъ сынозей, которые ростомъ и дородствомъ, мужествомъ и красотою могли равняться съ нимъ и съ братьями его. Я видѣлъ ихъ, когда самъ почти малолѣтнѣйшій посѣщалъ я малолѣтнихъ товарищей моихъ Голициныхъ въ пансіонѣ аббата Николая, гдѣ они вмѣстѣ съ ними воспитывались. Съ двумя меньшими, Григоріемъ и Феодоромъ, Орловыми тогда и послѣ я вовсе не былъ знакомъ; съ двумя старшими, Алексѣемъ и Михаиломъ, весьма мало, но случалось встрѣчать ихъ въ обществахъ и говорить съ ними. Всѣ четверо взялись за военное ремесло, всѣ четверо не съ большимъ двадцати лѣтъ украшены были Георгіевскимъ крестомъ; двое же меньшихъ, именно тѣ съ коими я не былъ знакомъ, остановлены были на пути славы ядрами, оторвавшими у каждаго по ногѣ; одинъ запропастился въ Россіи, а другой поселился, говорятъ, въ Италіи. Итакъ, мнѣ остается говорить лишь о старшихъ, или лучше сказать объ одномъ, и развѣ только коснуться другаго.

Завидна была ихъ участь въ юности: завиднѣе ея не находилъ я. Молоды, здоровы, красивы, храбры, богаты, но не расточительны, любимы и уважаемы въ первыхъ гвардейскихъ полкахъ, въ которыхъ служили, отлично приняты въ лучшихъ обществахъ, вездѣ встрѣчая нѣжныя улыбки жен-

щій, — не знаю, чего имъ не доставало. Судьба, къ нимъ столь щедрая, спасла ихъ даже отъ скуки, которую рождаетъ пресыщеніе: они всѣмъ вполне наслаждались. Имъ стоило бы только не искушать фортуны напрасными затѣями, а съ благодарностью принимать ея дары: старшій братъ, Алексѣй, это и дѣлалъ; между тѣмъ второму, Михаилу, исполненному доброты и благородства, казалось мало собственнаго благополучія, онъ безпрестанно мечталъ о счастіи согражданъ и задумалъ устроить его, не распознавъ на чемъ преимущественно оно можетъ быть основано.

Когда я гляжу на Алексѣя Феодоровича Орлова, нынѣ графа, мнѣ кажется я вижу раззолоченную, богатыми тканями изукрашенную ладью; зефиры надувають парусы ея, и она спокойно и весело плыветъ по теченію величественной рѣки между цвѣтущихъ береговъ; и она будетъ столь же безопасно плыть, я увѣренъ въ томъ, до того самаго предѣла, за которымъ исчезаетъ весь родъ человѣческой. Тамъ погрузится она только.

Au sein de ces mers inconnues,
Où tout s'abîme sans retour.

А бѣдный братъ его, какъ ладья, тяжелымъ грузомъ думъ обремененная, отважно пустился въ море предпріятій и разшибся о первый подводный камень.

Съ перваго взгляда, въ двухъ братьяхъ-силачахъ замѣтно было нѣчто общее, фамиліальное; но при малѣйшемъ вниманіи легко можно было разсмотрѣть во всѣмъ великую разницу между ними. Съ лицомъ амура и станомъ Аполлона Бельведерскаго, у Алексѣя примѣтны были мышцы Геркулесовы; какъ лучи постоянного счастія и успѣховъ играли румянецъ на щекахъ и вѣчная улыбка на устахъ его. Красота Михаила Орлова была строгаго стиля, болѣе мужественная, болѣе величественная. Одинъ былъ весь душа, другой весь плоть; гдѣ же былъ умъ? Я полагаю въ обоихъ. Только у Алексѣя былъ совершенно русскій умъ: много догадливости, смыслености, смѣтливости; онъ рожденъ былъ для одной Россіи, въ другой землѣ онъ не годился бы. Въ Михаилѣ почти все заимствовано было у Запада; въ конституціонномъ государствѣ онъ равно блисталъ бы на трибунѣ какъ и въ бояхъ; у насъ подъ конецъ былъ онъ только что сладкорѣчивымъ, пріятнымъ салоннымъ говорункомъ.

Однакожь и въ Россіи тогда уже былъ онъ хотя самымъ

молодымъ, но совѣмъ не рядовымъ генераломъ. Императоръ имѣлъ о немъ высокое мнѣніе и часто употреблялъ въ важныхъ дѣлахъ. Въ день Монмартрскаго сраженія онъ послалъ его въ Парижъ для заключенія условій о сдачѣ сей столицы. Послѣ того отправленъ былъ онъ къ датскому принцу Христиану, объявившему себя норвежскимъ королемъ, дабы уразумить его и заставить примириться со Швеціей и Бернадотомъ. И такой препрославленный человекъ пожелалъ быть съ нами! Съ восторгомъ приняли мы его. Не знаю почему, я думаю по плавнымъ рѣчамъ его, какъ чистыя струи Рейна, у насъ получилъ онъ названіе сей рѣки.

Я говорилъ и даже съ похвалою объ отсутствующемъ сынѣ Екатерины Федоровны Муравьевой, Никитѣ Михайловичѣ. Послѣ войны этотъ юноша воротился къ матери половъ радости и надеждъ. Въ званіи офицера генеральнаго штаба два или три года сряду сражался онъ за независимость Европы; тиранъ ее угнетавшій палъ, и все обѣщало въ непродолжительномъ времени ей и отечеству его окончательное освобожденіе отъ всякаго поноснаго ига. Бѣдный Муравьевъ! Какъ не быть иногда фаталистомъ, когда видишь людей, которыхъ судьба какъ будто насильно, взявъ за руку, влечетъ къ бѣдамъ и гибели. Добродѣтельный отецъ Муравьева былъ кроткій философъ и другъ свободы, котораго утопіи остались наслѣдіемъ его семейства; мать его была недовольна существующимъ порядкомъ и вѣчно роптала; наконецъ, нечестивый Магіеръ, котораго прощу вспомнить, съ младенчества старался якобиндизировать его. * Случай свелъ его въ Парижъ съ Сіэсомъ и съ Грегуаромъ. Французская революція точно также какъ исторія Рима и республикъ среднихъ вѣковъ читающему новому поколѣнію знакома была по книгамъ; всѣ дѣйствующіе въ ней лица унесены были кровавымъ ея потокомъ; изъ нихъ небольшое число ее пережившихъ молніеподобнымъ свѣтомъ, разлитымъ Наполеономъ, погружено было во мракъ, совершенно забыто. Встрѣча съ Брутомъ и Катилиной не болѣе бы поразила нашихъ русскихъ молодыхъ людей, чѣмъ появленіе сихъ историческихъ лицъ, какъ будто изъ гробовъ возставшихъ, дабы вѣщать имъ истину.

* Сіэ повтореніе мною сказаннаго считаю необходимымъ, дабы привести его на память читателю.

Все это сильно подвѣствовало на просвѣщенный наукою, но еще незрѣлый и неопытный, умъ Муравьева.

Въ началѣ 1817 года былъ весьма примѣчательный первый выпускъ воспитанниковъ изъ Царскосельскаго лицея; немногіе изъ нихъ остались послѣ въ безвѣстности. Вышли государственные люди, какъ на примѣръ баронъ Корфъ, поэты какъ баронъ Дельвицъ, военноученые какъ Вольховскій, политическіе преступники какъ Кюхельбекеръ. На выпускъ же молодаго Пушкина смотрѣли члены Арзамаса какъ на счастливое для нихъ происшествіе, какъ на торжество. Сами родители его не могли принимать въ немъ болѣе нѣжнаго участія: особенно же Жуковскій, воспріемникъ его въ Арзамасѣ, казался счастливъ, какъ будто бы самъ Богъ послалъ ему милое чадо. Чадо показалось мнѣ довольно шаловливо и необузданно, и мнѣ даже больно было смотрѣть какъ всѣ старшіе братья наперерывъ баловали маленькаго брата. Почти всегда со мною такъ было: тѣ, которыхъ предназначено мнѣ было горячо любить, на первыхъ порахъ знакомства нашего мнѣ казались противны. Я не спросилъ тогда, за что его назвали сверчкомъ; теперь нахожу это весьма кстати, ибо въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ лицея, прекрасными стихами уже подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ. Я здѣсь не буду болѣе говорить объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, глава эта и такъ уже слишкомъ растянута. О, еслибъ я могъ дописаться до счастливаго времени, въ которое удалось мнѣ узнать его короче! Его хвалили, бранили, превозносили, ругали! Жестоко нападая на проказы его молодости, сами завистники не смѣли отказывать ему въ талантѣ, другіе искренно дивились его чуднымъ стихамъ, но немногимъ открыто было то, что въ немъ было, если возможно, еще совершеннѣе, — его всепостигающій умъ и высокія чувства прекрасной души его.

Показалось Орлову, что свободная стихія достаточно наполняетъ Арзамасъ, чтобы сдѣлаться въ немъ преобладающею. Онъ задумалъ приступить къ его преобразованію и дать ему новое направленіе. Въ одинъ прекрасный весенній вечеръ собрались мы на дачѣ у Уварова; засѣданіе открыто было въ павильонѣ Штейна, какъ въ мѣстѣ особенно вдохновительномъ. Въ приготовленной имъ рѣчи, правильно по-русски написанной, Орловъ, осыпавъ всѣхъ насъ похвалами, съ горестію замѣтилъ, что превосходныя дарованія наши оста-

ются безъ всякаго полезнаго употребленія. Дабы дать занятіе уму каждаго, предложилъ онъ завести журналъ, коего статьи новостію и смѣлостію идей пробудили бы вниманіе читающей Россіи. Расширивъ такимъ образомъ кругъ дѣйствія общества, онъ находилъ необходимымъ умножить и число его членовъ; сверхъ того, предлагалъ каждому отсутствующему члену предоставить право въ мѣстѣ пребыванія его учреждать небольшія общества, которыя находились бы въ зависимости и подъ руководствомъ главнаго. Изумивъ сочленовъ своихъ неожиданностію предложеній, онъ надѣялся вырвать ихъ согласіе.

Не знаю какимъ образомъ о намѣреніи его заблаговременно предупрежденный, Блудовъ отвѣчалъ ему также приготовленною рѣчью. Учтивѣе, пристойнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительнѣе нельзя дѣлать опроверженій; онъ доказывалъ ему невозможность исполнить его желаніе, не измѣнивъ совершенно весь первобытный характеръ общества. Касаясь распространенія свѣта наукъ, о коемъ неоднократно упоминалъ Орловъ, замѣтилъ онъ ему, что сей свѣточъ въ рукахъ злонамѣренныхъ людей всегда обращается въ факель зажигательства; и сіе сравненіе послѣ того не разъ случалось мнѣ слышать отъ другихъ. Когда вспомнишь это преніе, кажется что будущій жребій сихъ людей былъ написанъ въ ихъ рѣчахъ.

Орловъ не показалъ ни малѣйшаго неудовольствія, вечеръ кончился весело и всѣ разъѣхались въ добромъ согласіи. Только съ этого времени замѣтенъ сталъ совершенный расколъ: неистощимая веселость скоро прискучила тѣмъ, у коихъ голова полна была замысловъ; тѣмъ же, кои шутя хотѣли заниматься литературой, странно показалось вдругъ перейти отъ нея къ чисто политическимъ вопросамъ. Два вѣка, одинъ кончающійся, другой нараждающійся, встрѣтились въ Арзамасъ: какъ при Вавилонскомъ столпотвореніи, люди перестали понимать другъ друга и скоро разсѣялись по лицу земли. И дѣйствительно, въ этомъ году, съ отлучкою многихъ членовъ, и самыхъ дѣятельныхъ, прекратились собранія, и Арзамасъ тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ. Но прежде кончины своей породилъ онъ чувство, рѣдко, никогда почти нынѣ не встрѣчаемое, — неизмѣнную, твердую дружбу между людей, которые, оказывая ве-

ликія услуги государству, въ вѣкъ обмана и златолюбія, служили примѣромъ чести и безкорыстія.

Полагать должно, что въ воздухѣ бывають и нравственныя повальныя болѣзни: даже меня самого въ это время такъ и тянуло все къ тайнымъ обществамъ. Арзамасскія таинства, совсѣмъ не Элевзинскія, были секретомъ комедіи: мнѣ было ихъ мало. Въ домѣ у Оленина встрѣчалъ я иногда родственника его, одного московскаго князька, Голицына, который стороной, обинякомъ, иносказательно, разъ заговорилъ со мною объ удовольствіяхъ, коими люди весьма разсудительныя наслаждаются вдали отъ свѣта. Я слушалъ его со вниманіемъ, и наконецъ онъ предложилъ мнѣ быть проводникомъ моимъ въ масонскую ложу. Я далъ ему отвезти себя въ большой домъ на Фонтанкѣ, близъ Анничкова моста; тамъ въ передней далъ завязать себѣ глаза и водить сверху внизъ и снизу вверхъ по комнатамъ. Не изъ опасенія казаться нескромнымъ или нарушить клятвенное обѣщаніе, мною данное, не буду я описывать здѣсь обряда, который совершается надъ вступающими въ масонство, а потому только, что всякій можетъ это найти въ печатныхъ книгахъ.

Хорошенько не знаю я исторію этого ордена; усердные масоны возводятъ начало его до жрецовъ Изиды. Послѣ многихъ столѣтій Рыцари Храма обрѣли въ Иерусалимѣ гаящійся его неугасаемый огонь и перенесли его въ Европу. Когда они были казнены — сожжены, слабыя ихъ остатки скрылись въ Шотландіи и опять, послѣ столѣтій, возродились подъ именемъ Братства Вольныхъ Каменьщиковъ. Происхождение это заслуживаетъ вѣроятія, ибо Іаковъ Моле между ними почитается главнымъ святымъ мученикомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальною цѣлію ихъ учрежденія были желаніе мести и ниспроверженіе власти католическихъ государей и папы. Пока власть сія была неограниченна, и они, закутанные въ аллегоріи, за непрокиаемыми завѣсами ковали и изощряли на нее орудія, ихъ орденъ былъ силенъ и опасенъ: самая цвѣтущая его эпоха предшествовала французской революціи. Къ намъ вошло масонство во второй половинѣ царствованія Екатерины, и завелись ложи даже въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, между прочимъ въ Пензѣ: вскорѣ послѣ начала революціи ихъ велѣно закрыть. Такъ много было еще тогда если не невинности, то невѣдѣнія, что масонство не оставило никакихъ вредныхъ послѣдствій, ни

даже памяти по себѣ. Нашихъ добрыхъ помѣщиковъ и чиновниковъ тѣшило фармазонство, и иногда замѣняло имъ камедь; они играли въ него какъ въ жмурки или въ фанты, прятались, рядились какъ о святкахъ и далѣе ничего не видѣли. Несовершеннолѣтніе народы, коихъ называютъ варварами, какъ дѣти и обезьяны все охотно перенимаютъ и все скоро забываютъ, пока не выростутъ и не родятся у нихъ собственный смыслъ, собственные страсти. На воспитателяхъ лежитъ, кажется, обязанность удалять отъ нихъ дурные примѣры.

Послѣ Тильзитскаго мира, въ концѣ 1808 года, прошелъ слухъ о новомъ появленіи у насъ масонства. Правительство, не поощряя его, не мѣшало однакожь его распространенію. Оно понравилось своею новизной: любопытство, духъ братства, произведенный тогдашними обстоятельствами и перешедшій къ намъ изъ Германіи, много людей привлекали къ нему. Въ Москву, въ провинціи сначала оно нескоро проникло; вся сила его сосредоточилась въ Петербургѣ. Въ немъ показались два Востока, или двѣ главныя ложи, одна Астрей, а другая просто называемая Провинціальною. Между ними было соперничество, и образовался какой-то схизмъ: не достигнувъ высшихъ степеней ордена, я не могу сказать, какіе догматы произвели ихъ несогласіе. Онѣ назывались также ложами-матерями, и каждая изъ нихъ народила много дочерей, — Русскихъ, Француженокъ, Нѣмокъ и даже Полекъ.

Я принятъ былъ въ ложу *des Amis du Nord*, французскую, какъ показываетъ имя ея, находившуюся въ зависимости отъ Провинціальной. Обряды совершались въ ней (то-есть работы производились) на французскомъ языкѣ. Великимъ мастеромъ въ ней былъ отсутствующій генераль-майоръ Александръ Александровичъ Жеребцовъ. Мѣсто его заступалъ служащій въ Пажескомъ корпусѣ полковникъ Оде де-Сіонъ, предобрѣйшій человекъ, который не имѣлъ ни нахаьства, ни буйства націи, къ которой принадлежалъ, а всю ея веселость и довольно ума чтобы въ пажахъ и масонахъ вмѣстѣ съ любовью вселять къ себѣ нѣкоторое уваженіе. Дабы дать понятіе о составѣ сей ложи, назову я главныхъ сановниковъ ея, двухъ надзирателей и обрядодержателей.

Прево де-Люмианъ, Иванъ Ивановичъ, уже старикъ, ко всеобщему удивленію, въ русской службѣ достигъ до чина генераль-майора, и что удивительнѣе, по артиллеріи, и что

еще удивительнѣе, при Екатеринѣ. Мужикъ добрый, не свѣсивый, онъ довольствовался мѣстомъ перваго надзира- теля, мѣсто же втораго занято было сыномъ графа Растопчина, Сергѣемъ. Тутъ свысока смотрѣлъ только Федоръ Федо- ровичъ, одинъ изъ пяти или шести братьевъ Гернгросовъ, о коихъ, кажется, я уже говорилъ. Онъ нажилъ довольно большое состояніе и сдѣлался ужаснымъ аристократомъ, во первыхъ потому, что не хотѣлъ посѣщать ни одного второстепеннаго дома въ Петербургѣ, оттого что Димитрій Львовичъ Нарышкинъ бралъ его иногда съ собою прогули- ваться, но болѣе всего потому, что онъ женился на люби- мцѣ и воспитанницѣ Марьи Антоновны, прелестнѣйшей Англичанкѣ, миссъ Салли, дочери какого-то столяра. Впро- чемъ, можетъ-быть, я и грѣшу, говоря о немъ всю правду, тогда какъ братъ его, находясь полковымъ командиромъ въ томъ полку гдѣ зять мой Алексѣевъ былъ шефомъ, жилъ съ нимъ очень дружно; тогда какъ мать моя другому брату его, во время бѣгства его изъ Смоленска, дала убѣжище и пріютъ у себя въ деревнѣ; наконецъ, тогда какъ самъ онъ за мною всегда чрезвычайно какъ ухаживалъ. Секретаремъ ложи былъ отставной актеръ Далмазъ; всѣ же прочіе члены въ этой фран- цузской ложѣ почти на двѣ трети состояли изъ Русскихъ и Поляковъ.

Главная Провинціальная ложа состояла изъ должностныхъ лицъ всѣхъ подчиненныхъ ей ложъ, да изъ нѣсколькихъ эме- ритовъ, всѣ степени ордена перешедшихъ и во всѣ сокро- венныя его таинства проникнувшихъ. Великимъ мастеромъ въ ней былъ графъ Михаилъ Віельгорскій, съ которымъ за годъ до того я познакомился, вторымъ же мастеромъ — Сергѣй Степановичъ Ланской. Оба они въ томъ же качествѣ пред- сѣдали въ подвѣдомственной ложѣ — Елизаветы къ Добро- дѣтели, въ которой, равно какъ и въ Провинціальной, работы производились по-русски. Она должна была служить нормою, образцомъ для всѣхъ другихъ сестеръ своихъ; всѣ узаконенія и установленныя обряды соблюдались въ ней съ величайшею строгостію. Въ первомъ изъ общихъ соб- раній, Віельгорскій не могъ скрыть удивленія и сожалѣ- нія своего, увидѣвъ меня принадлежащимъ къ обществу, ко- торое между потомками Храмовниковъ не пользовалось доб- рою славою; казалось, что нравственности моею грозитъ опасность. Никто изъ Сѣверныхъ Друзей не былъ проникнутъ

чувствомъ истиннаго, вольнаго Каменьщика: Сіонъ, Прево и всѣ прочіе были народъ веселый, гуляливый; съ трудомъ выдержавъ серьезный видъ во время представленія піесы, спѣвши они понатѣшиться, поѣсть, попить и преимущественно попить; всѣ материнскія увѣщанія Провинціальной ложи остались безуспѣшны. Но когда я разглядывалъ пристальнѣе Елизаветинскихъ масоновъ, то нашелъ, что они ничѣмъ не лучше: они также любили ликовать, пировать, только вдали отъ взоровъ свѣта, въ кругу самыхъ короткихъ. Исключая главы ихъ Віельгорскаго, я не встрѣтилъ между ними ни одного человѣка достойнаго уваженія; особенно противенъ мнѣ былъ святоша ихъ, оберъ-прокуроръ Петръ Яковлевичъ Титовъ.

Теперь трудно мнѣ будетъ вспомнить названія всѣхъ существовавшихъ тогда ложъ; постараюсь, однакоже, сіе сдѣлать. Подъ управленіемъ Провинціальной, или *Владимира къ Порядку*, состояли слѣдующія:

1-я *Елизаветы къ Добродѣтели* и 2-я *Сѣверныхъ Друзей*, мною уже названныя.

3-я *Дубовая Долина*, составленная изъ однихъ Нѣмцевъ разныхъ сословій, только не низшихъ. Они добросовѣстно, усердно занимались работами, а послѣ трудовъ отдыхали съ тою же важностію за кружками и бутылками и упивались какъ будто не теряя разсудка.

4-я *Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей*,—русская, подъ управленіемъ втораго и послѣдняго князя Лопухина, Павла Петровича, единственнаго сына князя Петра Васильевича. Одни только военные имѣли право быть въ нее приняты. Тутъ нашелъ я Никиту Муравьева, да еще столь извѣстныхъ послѣ кавалергардскаго Лунина и двухъ семеновскихъ офицеровъ, братьевъ Муравьевыхъ-Апостоловъ. Для одного только фракноса, великаго Николая Тургенева, отступлено было отъ общаго правила, и онъ тутъ также находился. Всѣ вышеназванныя мною скоро перестали посѣщать ложи: масонство имъ наскучило, надоѣло, и сіе самое, кажется, доказываетъ тогдашнюю его безвинность.

5-я *Александра къ Вѣнчанному Пеликану*, въ которой были ремесленники и всякая французская сволочь.

Были еще и другія ложи, но я ихъ или не зналъ, или не помню.

Подъ управленіемъ *Астреи* было болѣе тишины и согласія, болѣе сходства съ вѣкомъ Астреи. На семь Востоковъ

царствовалъ, но не господствовалъ, русскій вельможа, добрейшій человекъ, графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ; душею же его былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣберъ, коренной, старый Каменьщикъ, искусившійся въ дѣлахъ масонства, который умѣлъ сохранять дисциплину и порядокъ. Астрей была совершенная Нѣмка,ambo подвѣдомственные ей ложы, по большей части, состояли изъ Нѣмцевъ: изъ нихъ назову я только тѣ, коихъ помню имена: *Петра къ Истинъ, Михаила Избраннаго и Трехъ Добродѣтелей.*

Я не простилъ бы себѣ, еслибы ничего не сказалъ о великомъ мастерѣ первой, Егорѣ Егоровичѣ Эллизенѣ. Сей добродѣтельный и ученый врачъ одаренъ былъ вторымъ зрѣніемъ, съ перваго взгляда угадывалъ болѣзнь каждаго; оттого всѣ удачны его лѣченія. Въ Кіевѣ, во время малолѣтства моего, подружился онъ съ моимъ семействомъ и полюбилъ мое младенчество. Въ Петербургѣ потомъ болѣе двадцати лѣтъ былъ безвозмезднымъ моимъ цѣлителемъ: я смѣло могъ хворать, имѣя всегда готоваго спасителя, въ полдень, въ полночь, во всякое время дня. Не только когда я претерпѣвалъ крайнюю нужду, даже когда средства мои дозволяли мнѣ подносить ему дань благодарности, онъ всегда съ досадою отвергалъ ее. Послѣ наставниковъ къ добру, такихъ людей можно, кажется, почитать благодѣтелями своими.

На волненія въ Провинціальной ложѣ спокойно смотрѣла соперница ея, Астрей, и тайкомъ переманивала къ себѣ недовольныхъ ею. Сѣверные Друзья были весьма многочисленны и бурливы: что удивительнаго? между ними было много Французовъ и Поляковъ. Сперва послѣдніе взбунтовались и составили изъ себя особливую ложу, подъ именемъ *Благо Орла*; вскорѣ затѣмъ дурному ихъ примѣру послѣдовали и Русскіе, и основали ложу *Россійскаго Орла*. Я помаленьку отставалъ отъ масонства и не зналъ что въ немъ происходитъ, какъ въ одно утро пріѣхалъ ко мнѣ Гернигросъ, съ объявленіемъ, что большая часть французскихъ членовъ нашего союза готова отдѣлиться и перейти къ Астрей, и что онъ главою этого возстанія. Почитая оппозиціей небольшія шутки, которыя изрѣдка позволялъ я себѣ надъ педантствомъ Провинціальной ложы, предложилъ онъ мнѣ быть участникомъ въ этой французской революціи. Мнѣ это показалось довольно смѣшнымъ и забавнымъ; я согласился, и мы завели ложу подъ названіемъ:

des Amis réunis, *Соединенныхъ Друзей*, гдѣ и стаали масонствовать по-французски. Великимъ мастеромъ выбранъ Гернгротъ, а на меня взвалили многотрудную должность втораго надзирателя. Сначала это меня нѣкоторымъ образомъ заняло, но скоро наскучило, даже огадилось, и по просьбѣ получилъ я совершенное увольненіе отъ дѣлъ. Сямъ кончается исторія моего масонства, коего существованіе скоро прекратилось во всей Россіи, ибо нѣсколько лѣтъ спустя правительство приказало закрыть всѣ ложи.

Это многочисленное братство продолжаетъ существовать въ западныхъ государствахъ, безъ связи, безъ цѣли. Ложи ни что иное какъ трактиры, клубы, казино, и ихъ названія напечатаны вмѣстѣ въ *Штутгартскій Путеводитель по Европѣ* г. Рейхардта. Нѣкоторая таинственность, небольшія затрудненія при входѣ въ нихъ задорятъ любопытство; разнообразныя обряды и мнимое повышеніе нѣкоторое время бывають занимательны, и все оканчивается просто одною привычкою. У насъ въ Россіи разгнанная толпа масоновъ разсѣялась по клубамъ и кофейнымъ домамъ, размножила число ихъ, и тамъ, хотя не столь затѣйливо, предается прежнимъ обычнымъ забавамъ.

V.

Мнѣ, право, совѣстно, что въ послѣднихъ трехъ главахъ сряду говорилъ я все о себѣ и о приключавшемся со мною. Какъ быть! предыдущіе годы были гораздо обильнѣе предметами, болѣе чѣмъ я достойными вниманія читателей моихъ. Во всей Европѣ, какъ и въ Россіи, въ наступившіе годы было или казалось все тихо; у насъ это было дѣйствиельно успокоеніемъ умовъ, въ другихъ земляхъ слѣдствіемъ усталости. Самъ императоръ Александръ какъ будто отказался отъ прежней дѣятельности въ отношеніи къ внутреннимъ преобразованіямъ по гражданской части. Но по военной возникли новыя учрежденія....

Неизвѣстно, Аракчеевъ подаль ли государю мысль о военныхъ поселеніяхъ, или, усвоивъ ее себѣ, сдѣлался ревностнымъ ея исполнителемъ и черезъ то болѣе чѣмъ когда нужнымъ царю? Въ древности Римляне на берегахъ Рейна и въ Панноніи заводили вооруженныя колоніи, дабы защитить имперію отъ варварскихъ вторженій. Нынѣ въ Венгріи, вдоль по Дунаю, подъ именемъ военной границы поселены

храбрые сербскіе полки. Во дни порабоженія Россіи, ея безсилія и неустройствъ, на южныхъ предѣлахъ ея, безъ ея участія и вѣдома, сама собою встала живая стѣна, составленная изъ ратниковъ, которые удалствомъ своимъ долго изумляли окрестные края. То что мудрость человѣческая сдѣлала для охраненія Рима и не спасла его, Провидѣнію угодно было то сотворить для насъ. Отъ обоихъ береговъ Дняпра, отъ пороговъ его, и вдоль по тихому Дону, перстомъ Всевышняго проведена была блестящая черта; она должна была какъ межа означить будущія владѣнія возвеличенной имъ Россіи. Когда же онѣ достигли до этой грани, то черта сама собою, естественнымъ образомъ, стала передвигаться и тянуться на нескончаемое пространство. Мы находимъ ее на берегахъ Кубани и Терека, Урала и Иртыша и, наконецъ, ее видѣли на Амурѣ, до втока его въ Тихое море. Запасъ самимъ небомъ для насъ приготовленный, за который мы не можемъ достаточно возблагодарить его,—казацье войско сберегло намъ половину Украйны, помогло взять обратно другую и теперь въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ стоитъ вездѣ на стражѣ, какъ передовые ведеты силъ русскихъ. Его заслуги нечислимы.

Ничего съ нимъ общаго не могло имѣть аракчеевское созданіе. Для чего внутри государства нужны военныя поселенія, и отъ какихъ внутреннихъ враговъ могутъ они защитить его? вотъ вопросы, которые многіе дѣлали другъ другу. Надобно полагать, что государь во время послѣдняго пребыванія своего за границей, убѣдясь въ непокорномъ расположеніи западныхъ народовъ къ правительствамъ своимъ, и предвидя въ будущемъ новыя тамъ безпокойства, нашель необходимымъ для обузданія ихъ сохранить многочисленную армію, которая нужна ему была во время общей войны. Онъ думалъ о средствахъ сдѣлать сіе безъ обремененія государства, и несчастная мысль о военныхъ поселеніяхъ представилась ему. Вѣроятно, онъ открылся въ ней Аракчееву, который, бывъ избранъ главнымъ орудіемъ въ этомъ важномъ предпріятіи, не посмѣлъ, или, скорѣе думать надобно, не захотѣлъ ее оспаривать. Сначала, приступая къ дѣлу медленно, государь, какъ видно, имѣлъ намѣреніе колонизировать всю армію, которая, такимъ образомъ утроенная, сама бы себя содержала. Первый опытъ сдѣланъ надъ казенными у помѣщиковъ на сей предметъ скупленными крестьянами въ селеніяхъ Новгородской губерніи, находящихся по близости къ

владѣніямъ графа Аракчеева. Заведенный имъ въ достопамятномъ съ той поры селѣ его Грузинѣ ужасный порядокъ, превращающій людей въ безчувственные машины, сталъ распространяться на несчастныхъ хлѣбопашцевъ, въ окрестности живущихъ, и на воиновъ, посреди ихъ селимыхъ. Въ слѣдующихъ годахъ по этому образцу заведены военныя поселенія въ Бѣлоруссіи, потомъ на Бугѣ и наконецъ въ Харьковской губерніи, въ Чугуевѣ. Кажется, что будущая дешевизна содержанія войскъ въ настоящемъ обходилась чрезвычайно дорого и была раззорительна для казны. Сіе самое остановило распространеніе зла, коего несчастныя послѣдствія были бы неисчислимы.

Примѣръ казаковъ безъ всякаго пособія, безъ всякаго надзора образовавшихся, первоначально долженъ былъ породить мысль о семъ чудовищномъ учрежденіи. Искусство въ этомъ случаѣ, подражая природѣ, думало превзойти ее. Произведеніе ея, совокупно съ обстоятельствами,—казаки были какая-то особая стихія, въ составъ коей вошли всѣ другія. У нихъ все было свободно какъ степной воздухъ, коимъ они дышали, въ сердцахъ и взорахъ ихъ не угасалъ огонь отваги, движенія ихъ были быстры какъ теченіе рѣкъ, по коимъ они селились, и между тѣмъ какъ земля ихъ, покорная законамъ той же природы, и они непринужденно повиновались властямъ надъ ними поставленнымъ. А тутъ бѣдные поселенцы осуждены были на вѣчную каторгу. Два состоянія между собою различныя впряжены были подъ однимъ ярмомъ: хлѣбопаша приневолили взяться за ружье, а воина за соху. Русскій человекъ, трудолюбивый и безпечный вмѣстѣ, послѣ работы вмѣсто отдыха любитъ погулять на свободѣ. Что за дѣло, если изба его не слишкомъ чиста, лишь бы, по пословицѣ, она красна была пирогами. Отъ всего несчастные должны были отказаться: все было на нѣмецкій, на прусскій манеръ, все было счетомъ, все на вѣсъ, на мѣру. Измученный полевою работой, военный поселянинъ долженъ былъ вытягиваться во фронтъ и маршировать; а возвратясь домой, онъ не могъ находить успокоенія, его заставляли мыть и чистить избу свою и мести улицу. Онъ долженъ былъ объявлять о каждомъ яйдѣ, которое принесетъ его курица. Женщины не смѣли родить дома, и чувствуя приближеніе родовъ, онѣ должны были являться въ штабъ.

Жестокости Аракчеева не всѣмъ Русскимъ могли быть

понятны: его безсердіе было чисто-нѣмецкое. Онъ любилъ ломать безсильныя препятствія, неволить человѣческую натуру и все подводить подъ одинъ уровень. Всѣ выше мною означенныя подробности принадлежать ему исключительно, про многія изъ нихъ не вѣдалъ Царь. Терпѣніе, коимъ одарены Русскіе у военныхъ поселеній иногда лопалось: бывали сильныя возмущенія, за которыми слѣдовали кровавыя усмиренія ихъ.

Между происшествіями, въ мирное время, важное мѣсто занимаетъ всякая перемѣна министра, и я долгомъ считаю ихъ означить здѣсь.

Предсѣдателя государственнаго совѣта, фельдмаршала князя Салтыкова, несмотря на неудовольствіе, которое имѣли на него, не хотѣли тревожить, не трогали его съ мѣста, со дня на день все ожидала, что какъ ветхое зданіе онъ самъ собою разрушится: дѣйствительно, онъ не заставилъ долго ожидать кончины своей. На его мѣсто, въ концѣ 1816 года, назначенъ свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, умный человѣкъ, опытный и свѣдущій въ дѣлахъ, бывшій генераль-губернаторомъ, генераль-прокуроромъ и министромъ юстиціи, но состарѣвшійся и слабѣющій. Такой именно предсѣдатель и нуженъ былъ Аракчееву, который одинъ тогда входилъ съ докладами къ Александру, по совѣту и по комитету министровъ, и который во всѣ остальные годы его царствованія могъ почитаться первымъ министромъ.

Въ необычайное время, когда сношенія русскаго правительства съ иностранными державами превратились болѣе въ личные переговоры императора съ европейскими государями, нѣкоторымъ образомъ долженъ былъ измѣниться существовавшій по сей части порядокъ. Управление коллегіей иностранныхъ дѣлъ какъ будто отдѣлилось отъ чисто-дипломатической части, и пока старшій чиновникъ первой, Дивовъ, управлялъ ею, два статсъ-секретаря подъ личнымъ наблюденіемъ Александра въ Вѣнѣ и Парижѣ занимались послѣднею.

Я почти мимоходомъ упомянулъ о министрѣ Нессельроде: здѣсь кажется мѣсто сказать о немъ подробнѣе. Есть люди весьма обыкновенныя, коихъ имя случай дѣлаетъ всемірно извѣстнымъ, примѣшивая его ко всѣмъ важнымъ событіямъ исторіи ихъ времени.

Одинъ изъ членовъ младшей линіи, на берегахъ Рейна, знаменитѣйшаго дома Нессельроде Эрсгевенъ, графъ Виль-

гельмъ, вступилъ въ русскую службу при Екатеринѣ. Образованность и любезность его доставили ему много успѣховъ при ея дворѣ, и онъ отправленъ былъ ею чрезвычайнымъ посланникомъ въ Лиссабонъ. Не извѣстно, нужда ли, бѣдность, или любовь заставили его вступить въ бракъ съ дочерью франкфуртскаго банкира, еврея Гонтара. Только надобно полагать, что въ Россіи былъ онъ уже женатъ, ибо во время морскаго путешествія на англійскомъ кораблѣ, почти въ виду лиссабонскаго рейда, родился будущій министръ, Карлъ Васильевичъ, сынъ его.

Въ изъявленіе особеннаго благоволенія своего къ отцу, Екатерина новорожденнаго сына его пожаловала прямо мичманомъ. Какъ бы изъ волнъ морскихъ возникшій маленькій Тритонъ, Нессельроде, еще въ пеленкахъ, посвященъ былъ бурной стихіи, среди коей родился. Павелъ Первый былъ еще милостивѣе къ этому семейству, и почти малолѣтнаго мичмана взялъ къ себѣ флигель-адъютантомъ и перевелъ поручикомъ въ конную гвардію. Но скоро въ юношѣ оказалось совершенное отсутствіе воинственныхъ доблестей, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ; его произвели въ дѣйствительные камергеры, то-есть въ четвертый классъ. Тутъ начинается темная эпоха его жизни; объ немъ ничего не было слышно, какъ вдругъ послѣ Тильзитскаго мира является онъ совѣтникомъ посольства въ Парижѣ. Пробывъ тамъ не болѣе трехъ лѣтъ, предпочелъ онъ находиться въ канцеляріи графа Румянцева. Изъ разныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для хорошаго дипломата, не забылъ онъ усовершенствовать себя и по части познаній въ поваренномъ искусствѣ: познаніями въ семь искусствъ доходилъ онъ до изящества. Это сблизило его съ первымъ гастрономомъ въ Петербургѣ, министромъ финансовъ Гурьевымъ, на дочери котораго онъ и женился.

Зачѣмъ вскорѣ послѣ свадьбы онъ отправился въ армію къ Барклаю? На этотъ вопросъ буду отвѣчать какъ Малороссіане: „не скажу“, то-есть не знаю: вѣроятно по тѣмъ же предчувствіямъ, которыя влекли его въ Петербургъ. Въ предыдущей части я уже разказалъ какъ сама судьба всунула его въ руку побѣдоноснаго Александра, и какъ пригодился онъ ему въ Парижѣ, гдѣ передъ этимъ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ. Утверждаютъ, что по возвращеніи своемъ оттуда въ 1814 году, государь сказалъ Румянцеву: „Вы отка-

зались отъ службы, я не хотѣлъ вамъ дать преемника, самъ поступилъ на ваше мѣсто, а по дорогамъ беру съ собою только писца.“

Въ томъ полномоченныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ писецъ игралъ невидную роль. Нельзя было государю того не замѣтить, и онъ избралъ ему сотрудника, который превосходствомъ своимъ долженъ былъ въ тѣни оставить Нессельроде; но по странному стеченію благоприятныхъ для него обстоятельствъ и сей соперникъ былъ для него не опасенъ. По окончаніи послѣдней войны съ Наполеономъ, Нессельроде назначенъ управляющимъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ, какъ будто на мѣсто чиновника ея Дивова; заграничная же часть осталась въ рукахъ графа Каподистрія.

Этого человѣка лично я не зналъ, никогда его даже не видывалъ; не со многими онъ былъ коротко знакомъ, но отъ сихъ немногихъ много я объ немъ слышалъ. Боюсь какъ бы не соврать говоря о столь важномъ историческомъ лицѣ, но и умолчать о немъ не могу.

Послѣ паденія Венеціанской республики, принадлежавшіе ей Ионическіе острова поступили если не въ подданство, то подъ непосредственное покровительство Россіи, что одно и то же. Слава этого полезнаго приобрѣтенія принадлежитъ Павлу Первому. Но мои современники столь же равнодушно посмотрѣли на сіе достославное происшествіе его царствованія какъ и на уступку владычества надъ семи островами Франціи, сдѣланную сыномъ его при заключеніи Тильзитскаго мира: мнѣ не случилось слышать чтобы кто-нибудь пожалѣлъ о томъ. Мы еще были весьма не сильны въ исторіи и въ дѣлахъ внѣшней политики. Когда Англія, которая вскорѣ потомъ присвоила себѣ Ионическіе острова, съ тѣмъ чтобы никогда не возвращать намъ ихъ, — когда Англія, говорю я, хорошенько проучитъ насъ, тогда мы будемъ умнѣе и лучше будемъ понимать наши выгоды.

Извѣстно, что венеціанскіе нобили отвергали всякія титула, (каждый изъ нихъ почиталъ себя частицею догатаства или герцогства Венеціанскаго), и что они щедро раздавали графское достоинство подданнымъ республики, живущимъ вдоль Адриатическаго моря. * Уроженецъ изъ Корфу, неимуцій

* Мнѣ въ Петербургѣ давалъ уроки италіанскаго языка нѣкто Варука, который, вмѣсто того чтобы хвастать своимъ графскимъ

графъ Іоаннъ Каподистрія (у насъ Иванъ Антоновичъ) въ Болонскомъ университетѣ, говорятъ, сперва учился медицинѣ и едва ли не получилъ докторскаго диплома. Ему бы стоило отправиться въ Турцію и практиковать тамъ, чтобы нажить великое богатство, но онъ не имѣлъ склонности къ сему, впрочемъ, столь почтенному и полезному дѣлу. Высокій умъ соединялся въ немъ съ благородствомъ чувствъ и непримѣрнымъ безкорыстіемъ: онъ казался выходцемъ изъ древней Греціи и современникомъ Аристиды. Кажется, въ это время отечество его, освободясь отъ черствого ига все болѣе ниспадающей республики, познало надъ собою кровавительственную власть великой имперіи. Въ это время, всѣ восточные христіане, еще не обманутые въ своихъ надеждахъ, видѣли въ Россіи будущую свою спасительницу, а во всѣхъ Русскихъ милыхъ сердцу братьяхъ, которымъ одна необходимость препятствуетъ только дѣтвѣть къ нимъ на помощь. Каподистрія вступилъ въ русскую службу, не покидая Корфу.

Ни италіянское, ни французское, ни англійское владычество не приходилось по сердцу жителямъ Кефалоніи, Корфу и Заниге, кореннымъ Грекамъ. Имъ гораздо радостнѣе было съ сѣверными единовѣрцами своими, которые принесли имъ съ собою жизнь и упованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они, такъ же какъ и Каподистрія, подъ патронажемъ Россіи, видѣли въ себѣ починъ, зародышъ новой Греціи. Англія, которая, какъ жадный Ахеронъ, никогда изъ рукъ не выпускаетъ добычи своей, истребила въ нихъ всю надежду. Дабы увидѣть, по крайней мѣрѣ, тѣнь ея на берегахъ Невы, Каподистрія переселился въ Петербургъ. Онъ не показывался въ большихъ обществахъ, за то въ маломъ кругу, который посѣщалъ, возбуждалъ онъ энтузіазмъ. Онъ былъ еще молодъ; не столько красивыя и правильныя черты, сколько благородство ихъ выраженія дѣлали его примѣчательнымъ; высокая наука не пугала въ немъ, а нравилась. Канцлеръ Румянцевъ умѣлъ оцѣнить его достоинства и старался о скорѣйшемъ его повышеніи. Въ это время сблизился онъ съ семействомъ молдавскаго бояра Стурдзы, коего жена была Гречанка, а дѣти обоего пола имѣли столь много разнообраз-

титуломъ, совѣстился признаваться въ неоспоримыхъ правахъ, которыя на него имѣлъ, и сердился когда ему о томъ напоминали.

ныхъ познаній, что могли составить изъ себя семейную академію.

Тутъ прерываются свѣдѣнія мои о немъ: гдѣ былъ онъ употребленъ потомъ за границей, какія оказалъ услуги Россіи, мнѣ невѣдомо; знаю только, что въ концѣ 1813 года былъ онъ посланникомъ нашимъ въ Швейцаріи. При императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ находилась тогда за границею любимая фрейлина ея Александра Скарлатовна Стурдза, одна изъ умнѣйшихъ и любезнѣйшихъ женщинъ, которыхъ я знавалъ. Съ воображеніемъ пламеннымъ, она имѣла великую склонность къ мистицизму, и это сблизило ее въ Вѣнѣ съ самимъ Александромъ. По связямъ ея семейства съ Каподистрія, она втайнѣ прочла его себѣ мужемъ и рѣшилась говорить о немъ государю, который дотолѣ вовсе его не зналъ. По ея совѣту, для испытанія вызвалъ онъ его на конгрессъ, и оставилъ потомъ при себѣ вторымъ статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ.

Тогда же назначенъ онъ былъ бы министромъ, но къ сожалѣнію онъ не зналъ русскаго языка и, какъ выше я сказалъ, долженъ былъ съ Нессельроде раздѣлять управление сею частью. Они оба ходили вмѣстѣ съ докладомъ къ государю. Безпрестанно случая сихъ людей между собою, императоръ Александръ невольнымъ образомъ одному изъ нихъ оказывалъ явное предпочтеніе.

По военному министерству, коего настоящею главой продолжалъ быть начальникъ штаба князь Волконскій, послѣдовала небольшая перемѣна. Военный министръ графъ Ковуницынъ умеръ, и на его мѣсто назначенъ инспекторъ всей артиллеріи, баронъ Петръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельской, который вѣрно былъ добрый человекъ, ибо его никто не бранилъ.

Въ то же время министерство народнаго просвѣщенія наскучило богатому и гордому графу Разумовскому, который давно уже вздыхалъ о московскомъ дворцѣ своемъ и о подмосковномъ замкѣ и сталъ проситься въ отставку. Кого было дать ему преемникомъ? Свобода и христіанство были паролемъ и лозунгомъ того времени: одна должна была умѣряться другимъ. Дабы дать юношеству нѣкоторымъ образомъ духовное образованіе, избранъ былъ любимецъ государевъ, главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ

исповѣданій, князь Александръ Николаевичъ, который влѣзъ тогда по уши въ мистицизмъ.

Малое министерство, коимъ онъ управлялъ, оставлено ему было въ приданое и въ соединеніи съ большимъ составило министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, раздѣленное на два департамента. Директоромъ перваго назначенъ уже управлявшій сею частью Александръ Тургеневъ. Въ этомъ департаментѣ положено быть четыремъ отдѣленіямъ: 1-е для дѣлъ православныхъ, 2-е для римско-католическихъ, 3-е для протестантскихъ и 4-е для магометанскихъ и еврейскихъ. Итакъ, Голицыну съ Тургеновымъ удалось господствующую вѣру сравнять не только съ другими терпимыми, но даже съ нехристианскими: на негодваніе, на ропотъ нашего духовенства не обратили вниманія. До полученія званія министра, Голицынъ продолжалъ сохранять должность оберъ-прокурора святѣйшаго синода; тутъ на свое мѣсто избралъ онъ князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, нѣкоторымъ образомъ подчинивъ его департаменту духовныхъ дѣлъ. Должности у насъ такимъ образомъ часто подвергаются возвышенію и пониженію курса.

Въ департаментѣ народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ директоромъ Василій Михайловичъ Поповъ, кроткій и зувѣръ, смиренный, простой человекъ, котораго однакожь именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія. Забавно подумать (если можно только назвать сіе забавнымъ) что оба директора чуждались ввѣренныхъ имъ частей: Тургеневъ весь занятъ былъ обществомъ и происками, а Поповъ помышлялъ единственно о дѣлахъ религіозныхъ. Онъ былъ орудіемъ „Библейскаго Общества“, усердствуя соединенію вѣръ, о чемъ непрестанно молится наша церковь, сдѣлался скорѣе вмѣстѣ съ министромъ своимъ гонителемъ ихъ и покровителемъ всѣхъ сектъ. Размноженіе ихъ послѣдователей, во время управленія Голицына, было неумовѣрное.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, примѣру Разумовскаго послѣдовалъ другой украинець, Трощинскій: онъ былъ правъ. Въ первые полтъри года царствованія Александра, по гражданской части былъ онъ ближайшимъ къ нему человекомъ. Въ 1806 году вышелъ онъ въ отставку а въ 1814 опять вступилъ министромъ юстиціи. Но съ 1812 года, исключая двухъ или трехъ, министры никогда не видѣли царя; всѣ доклады ихъ шли черезъ Аракчеева. Никакая награда, никакое от-

личіе не ознаменовали тогда вниманія государя къ Троцинскому; онъ былъ старъ и богатъ, и можно сказать, бросилъ службу. Кому было поступить на его мѣсто если не человѣку, для котораго суетливость и нѣкоторый кредитъ при дворѣ были необходимостью. Старикъ, который никогда не бывалъ въ гражданской службѣ, во время послѣдней всеобщей войны занимавшійся только формированіемъ полковъ и послѣ того остававшійся безъ дѣла, Димитрій Ивановичъ Лобановъ, князь Тильзитскаго мира, по рекомендаціи Аракчеева назначенъ былъ министромъ юстиціи.

Въ эти годы одному удачному выбору, сдѣланному государемъ, съ радостію рукоплескали обѣ столицы, дворяне и войска. Нужно было въ примиренную съ нами Персію отправить посла, поручивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ главное управленіе въ Грузіи. Избранный по сему случаю представитель Россіи, однимъ видомъ, однимъ орлинымъ взглядомъ своимъ могъ уже дать высокое о ней понятіе, а простымъ обращеніемъ, вмѣстѣ со страхомъ, между Персіянами поселить къ ней довѣренность. Умъ и храбрость, добродушіе и твердость, высокія дарованія правителя и полководца, а паче всего неистощимая любовь къ отечеству, къ отечественному и къ соотечественникамъ, все это встрѣтилось въ одномъ Ермоловѣ. Говоря о семъ истинно-русскомъ человѣкѣ, нельзя не употребить простаго русскаго выраженія, онъ на все былъ гораздъ. При штурмѣ Праги мальчикомъ схватилъ онъ Георгіевскій крестъ, при Павлѣ не служилъ, а потомъ вездѣ гдѣ только Русскіе сражались съ Наполеономъ, вездѣ войска его громилъ онъ своими пушками. Его появленіемъ вдругъ озарился весь Закавказскій край, и десять лѣтъ сряду его одно только имя горѣло и гремѣло на цѣломъ Востокѣ. Его наружность и превосходныя качества изображать здѣсь не буду, въ надеждѣ сдѣлать сіе когда буду описывать время, въ которое осчастливленъ былъ его личнымъ знакомствомъ.

Желая что-нибудь предоставить Нессельроде, Каподистрія не хотѣлъ входить ни въ какія распоряженія при отправленіи посольства въ Персію. Имя Ермолова было весьма привлекательно, но онъ объявилъ, что возьметъ съ собою только тѣхъ дипломатовъ, которыхъ ему дадутъ, не участвуя въ ихъ выборѣ. Дашковъ пожелалъ быть совѣтникомъ этого посольства, и Нессельроде далъ было слово назначить его на сіе мѣсто; но потомъ началъ дѣлать затрудненія, представилъ къ

утвержденію совѣтникомъ одного г. Соколова, а ему велѣлъ сказать не хочетъ ли онъ быть секретаремъ посольства, зная что тотъ откажется. Черезъ полтора года графъ Каподистрія самъ предложилъ ему въ качествѣ совѣтника отправиться въ Константинополь.

Въ первый разъ послѣ пожара, осенью 1816 года, государь посѣтилъ Москву, которая изъ развалинъ начинала подыматься. Онъ оказалъ себя въ ней чрезвычайно милостивымъ и щедрымъ. Одинъ указъ имъ подписанный тамъ всѣхъ крайне удивилъ. Въ немъ было сказано, что по дошедшимъ невыгоднымъ слухамъ о Сперанскомъ и Магницкомъ, они были удалены отъ должностей, но дабы дать имъ возможность оправдать себя, назначаются они первый гражданскимъ губернаторомъ въ Пензу, а послѣдній вице-губернаторомъ въ Симбирскъ. Они были не только отставлены, они были сосланы, слѣдовательно наказаны: за что же? неужели по однимъ только подозрѣніямъ? это походило на право выслуги дарованное разжалованнымъ. вмѣсто того чтобъ объясниться, это дѣло стало еще темнѣе.

О Сперанскомъ совѣтѣмъ почти забыли, а когда вспомнили, то уже начали жалѣть о немъ. Не знаю, назвать ли это добродушіемъ Русскихъ или слабодушіемъ ихъ? Онъ два года прожилъ въ Перми, никѣмъ почти не посѣщаемый; но человѣкъ съ высокими думами удивленіе всегда предпочтетъ обществу необразованныхъ людей. Въ бездѣйствіи, въ уныніи, онъ обратился, говорить, къ Богу, къ подателю всѣхъ утѣшеній и занялся переводомъ *Подразжанія Иисусу Христу* Омы Кемпійскаго. Я стараюсь увѣрить себя, что тутъ не было лицемерія, желанія сблизиться вновь съ набожнымъ императоромъ. Онъ не нажилъ богатства; все имущество его состояло въ небольшой деревнѣ близъ Новгорода, въ которую, по ходатайству сосѣда Аракчеева, дозволено ему было переселиться. Оттуда, вѣроятно, пошли переговоры: изъ всѣхъ отдаленныхъ губерній мысль о Пензѣ его менѣе пугала; она находилась внѣ большихъ путевыхъ сообщеній; ея удивленіе, здоровый воздухъ ему нравились; тамъ же находилось преданное ему семейство Столыпиныхъ.

Вспоминая прошедшее, мнѣ какъ будто не вѣрилось. По извѣстіямъ изъ Пензы Сперанскій полюбился тамъ своею кроткою и умѣренною обходительностію. Управление ладью послѣ стонущаго корабля не могло казаться важнымъ

опытному моряку: оттого-то онъ мало входилъ въ дѣла, подобно предмѣстникамъ своимъ предоставляя большую власть Арфалову, въ которомъ помѣщики начинали уже видѣть неизбѣжную судьбину. Губернаторское мѣсто почиталъ Сперанскій почетною для себя ссылкой.

Возвращаясь къ Пензѣ, мнѣ самому передъ собой дѣлается совѣстно, ибо давно не говоря ни слова о моемъ семействѣ, я какъ будто совѣсть его забылъ. Въ это спокойное время никакихъ большихъ перемѣнъ въ немъ не послѣдовало, исключая одной, о которой буду говорить ниже. Братъ и вторая сестра моя съ мужемъ продолжали за границей пользоваться огромнымъ содержаніемъ, жили тамъ припѣваючи, свободно развѣзжались изъ Мобѣжа и Ретеля въ Парижъ и Брюссель, однимъ словомъ, катались по Франціи какъ сыръ въ маслѣ. Все болѣе старѣющая мать моя терпѣливѣе переносила вѣчную разлуку съ единственнымъ другомъ сердца своего. Старшая сестра моя, Елизавета, находясь при ней неотлучно, одна заботилась объ ея успокоеніи. Ей перешло гораздо за срокъ лѣтъ и она имѣла уже всѣ маленькія слабости старыхъ дѣвокъ, между коими маленькое тщеславіе занимало не послѣднее мѣсто. На публичныхъ балахъ, Сперанскій всегда открывалъ ихъ съ нею польскимъ, а у себя водилъ къ столу, какъ старшую въ чинѣ по матери. Это дѣлало ее совершенно счастливою, и она осталась понынѣ самою сильною защитницею незабвеннаго Михаила Михайловича.

Меньшая сестра моя, Александра, Москву и Петербургъ видѣла только мелькомъ и всю жизнь провела въ провинціи: въ ней было нѣсколько странностей, но и въ нихъ не было ничего столичнаго. Ей уже исполнилось двадцать пять лѣтъ, и я полагалъ, что ее ожидаетъ одинаковая участь съ старшею сестрой, однакожь она умѣла сыскать себѣ жениха въ Пензѣ.

Отъ времени до времени, не на показъ впрочемъ читателямъ, все вытаскиваю я пензенскихъ дворянъ и все не могу кончить, потому что я дѣлаю сіе только въ случаѣ крайней необходимости. Я не говорилъ еще о семействѣ Ю—хъ, состоящемъ изъ матери-вдовы, трехъ замужнихъ дочерей и трехъ сыновей. Старшій, Степанъ Ивановичъ, былъ женатъ, второй, Дмитрій, былъ сумашедшій и третій, Петръ, еще чрезвычайно молодъ. У нихъ, вмѣстѣ у матери съ дѣтьми, было болѣе полуторы тысячъ душъ въ Саратовской губер-

ни, гдѣ лѣтомъ жили они въ родовомъ селеніи Юматовкѣ, а на зиму пріѣзжали въ Пензу. Анна Дмитриевна Ю—ва была предобрѣйшая женщина, за то уже черезчуръ проста. Разъ случилось, что одинъ учитель изъ гимназіи, желая похвастаться ученостію, разказывалъ при ней какъ городъ Помпею завалило пепломъ изъ Везувія, и она нѣсколько ночей потомъ не могла заснуть въ безпокойствѣ, чтобы подобная бѣда не случилась съ Пензой. Никакого воспитанія дѣтямъ она не дала и не могла дать; только меньшей, семнадцатилѣтній мальчикъ, съ ополченіемъ ходилъ на войну, былъ въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ и Гамбургѣ, и между военными за границей немного понатерся. Возвратясь изъ похода, онъ сдѣлался первымъ пензенскимъ танцовщикомъ и франтомъ. Онъ какъ-то полюбился сестрѣ моей и предложилъ ей руку. Мать моя не хотѣла согласиться по многимъ причинамъ, тѣмъ болѣе что женихъ былъ четырьмя годами моложе невѣсты и имѣлъ только чинъ коллежскаго секретаря, а чинъ въ это время былъ еще прѣважное дѣло. У насъ пошла о томъ переписка, и я старался склонить мою мать на согласіе, представляя ей, что для дѣвицы, начинающей перезрѣвать, хорошій дворянинъ, добрый человекъ, имѣющій пять сотъ душъ, можетъ почитаться находкой. Въ іюль мѣсяцѣ 1816 года совершился сей бракъ.

VI.

Лѣто тысяча восемьсотъ семнадцатаго года ознаменовано было у насъ однимъ событіемъ, которое всѣ почитали тогда весьма обыкновеннымъ, но которое имѣло важныя послѣдствія для Россіи.

Въ началѣ 1814 года молоденькій великій князь Николай Павловичъ, съ меньшимъ братомъ проѣзжая черезъ Берлинъ, во время отсутствія короля, во дворцѣ его былъ угощаемъ его семействомъ. Тутъ первый разъ въ жизни влюбился онъ въ старшую дочь его и имѣлъ повраться сей только изъ ребячества выходявшей принцессѣ Шарлоттѣ. Дѣтская любовь сія не потухла, а скоро превратилась въ серіозную, въ настоящую. Дружественныя связи императора съ королемъ, брачный союзъ между ихъ семействами дѣлали возможнымъ, и въ 1816 году всѣ говорили о немъ какъ о дѣлѣ положенномъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ пріѣхала невѣста въ сопровожденіи брата своего, принца Вильгельма: 25 числа въ день рожденія жениха было обрученіе, муропомазаніе ея и нарѣченіе Александрой Θεодоровной, а 1 іюля, въ день ея рожденія, была свадьба.

Вскорѣ послѣ увеселеній по случаю сего брака, одинъ изъ общихъ друзей нашихъ, Жуковскій, опредѣленъ былъ преподавателемъ русскаго языка къ молодой великой княгинѣ. На сіе мѣсто императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ, и безъ того милостиво къ нему расположенной, рекомендованъ былъ онъ Карамзинымъ, который, съ семействомъ совсѣмъ переселясь въ Петербургъ, начиналъ уже имѣть великій вѣсъ у государя и у его матери. Жуковскій понравился новобрачной четѣ и сдѣлался близкимъ къ ней человѣкомъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, государь со всѣмъ семействомъ и со всѣмъ дворомъ своимъ на цѣлую зиму поѣхалъ въ Москву, дабы болѣе поднять послѣ раззоренія оживающую столицу. Жуковскій, невзначай придворный человѣкъ, отправился туда же, и съ его отъѣздомъ навсегда прекратились собранія Арзамаса.

Въ Москвѣ всю зиму веселились и пировали, въ Петербургѣ тоже не скучали, а для меня эта зима была совсѣмъ не забавна. Первый разъ въ жизни посѣтила меня серіозная хроническая болѣзнь. Я почувствовалъ жестокою, мучительную боль въ лѣвой ногѣ; днемъ она утихала, а ночью будила и съ крикомъ заставляла покидать ложе. Насчетъ сей болѣзни врачи были не согласны: одни въ ломотѣ видѣли сильный ревматизмъ, другіе полагали, что боль происходитъ отъ прилива къ одному мѣсту дурныхъ соковъ, которыхъ, право, кажется, во мнѣ не было. Но всѣ, не исключая Эллизина, находили, что зимою дѣлать нечего, и что я терпѣливо долженъ дожидаться весны, теплаго времени. Нѣкоторые посылали меня за Рейнъ въ Висбаденъ, утверждая, что тамъ только могу получить я исцѣленіе. Мысль о путешествіи за границу никогда не приходила мнѣ въ голову; для такого предпріятія гдѣ взять бы я денегъ? Тутъ все само собою такъ устроилось, что путешествіе сіе сдѣлалось для меня возможнымъ и пріятнымъ.

Постоянно всю зиму государь не оставался въ Москвѣ; на нѣкоторое время отлучался въ Варшаву и на нѣсколько дней въ январѣ пріѣзжалъ и въ Петербургъ. Его присутствіе

емъ воспользовался исполненный тогда ко мнѣ нѣжности Бетанкуръ, чтобъ испросить мнѣ полугодовой отпускъ съ сохраненіемъ жалованья, да сверхъ того съ пожалованіемъ единовременна, въ видѣ вспомошествованія, годоваго моего оклада. Государь велѣлъ сдѣлать представленіе черезъ комитетъ министровъ и въ мартѣ мѣсяцѣ утвердилъ его. Съ другой стороны, мать моя, узнавъ о тягостномъ положеніи моемъ, лишила себя четырехъ тысячъ рублей ассигнаціями, изъ числа сбереженныхъ ею денегъ, и ими снабдила меня на дорогу. Но все это было бы недостаточно, чтобы совершенно обезпечить меня на время сего дальняго (по тогдашнему) путешествія, еслибъ одинъ счастливый случай не пришелъ мнѣ на помощь.

Изъ всѣхъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Полетикъ и Блудову болѣе всѣхъ Каподистрія оказывалъ пріязнь и уваженіе; послѣдняго даже называлъ перломъ русскихъ дипломатовъ. Первый зимою изъ Лондона былъ имъ вызванъ въ Москву и, по его представленію, назначенъ тамъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Сѣверо-Американскихъ Штатахъ; Блудовъ же, также призванный въ Москву, на его мѣсто опредѣленъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ. Семейство его въ эти годы нѣсколько умножилось; при малолѣтнихъ дѣтяхъ нужны были няньки, кормилицы, что вмѣстѣ съ прислугой заставляло его взять лишній экипажъ. А какъ мнѣ купить таковой было не подъ силу, и я страшился ѣзды въ дилижансахъ, мнѣ незнакомыхъ, а онъ отправлялся не моремъ, а черезъ Германію и Францію, то и предложилъ онъ мнѣ одно мѣсто въ своемъ, съ тѣмъ чтобы счетъ издержкамъ на одну мою персону свети по окончаніи сей совместной поѣздки. Сколь ни выгодно было для меня предложеніе сіе, я не отъ всякаго бы принялъ его. Вышло на повѣрку, что дѣло обошлось для меня еще дешевле чѣмъ я ожидалъ, ибо когда пришлось мнѣ, окончивъ путь, разставаться съ Блудовымъ, онъ объявилъ мнѣ, что счета потеряны, и что не стоить спорить о такой бездѣлкѣ: какъ быть, вся деликатность поступка осталась на его сторонѣ. Однимъ словомъ, я прокатился даромъ.

VII.

Еще въ концѣ марта уступилъ я даровую, казенную квартиру мою помощнику моему Подену. За высокую для него цѣну, съ семействомъ, жилъ онъ дотолѣ въ наемной. И такъ, слава Богу, при этомъ случаѣ удалось и мнѣ кому-нибудь сдѣлать одолженіе. Я переселился къ Блудову въ тотъ самый верхній этажъ купленнаго имъ потомъ каменнаго дома на Невскомъ проспектѣ, гдѣ за одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ жилъ я такъ печально съ сестрой своею Алексѣевой. Вскорѣ пріѣхалъ изъ Москвы и Петръ Ивановичъ Полетика, и пользуясь также гостепріимствомъ хозяина моего, поселился со мной рядомъ. У всѣхъ у насъ апрѣль прошелъ въ сборахъ къ отъѣзду.

Наконецъ, 27-го числа началось второе мое, большое и любопытное путешествіе. Такъ же какъ и при описаніи перваго буду я говорить единственно о тѣхъ предметахъ, которые занимали *меня*, которые возбуждали во *мнѣ* вниманіе. Нынѣ размножилась порода туристовъ; изъ самыхъ отдаленныхъ степныхъ губерній нашихъ, провинціалки такъ и валятъ въ чужія края, и поѣздка за границу сдѣлалась столь обыкновеннымъ дѣломъ, скажу даже столь пошлымъ, что бывало въ старину поѣздка изъ Москвы къ Троицѣ или въ Ростовъ почиталась гораздо важнѣе. Слѣдственно соотечественникамъ разказывать подробно о томъ что они всѣ видѣли, а потомству о томъ что оно, вѣроятно, увидитъ, почитаю занятіемъ совсѣмъ излишнимъ.

Въ день выѣзда нашего погода была самая благоприятная, и я довольно радостно отправился въ путь. Такъ стояла она и слѣдующіе дни; несмотря на то множество затрудненій и неприятностей мы должны были сначала встрѣтить. Отбѣдавъ въ Петербургѣ, до Стрѣльны по гладкой дорогѣ доѣхали мы довольно шибко; на дворѣ было уже не рано, мы перемѣнили лошадей и намѣрены были ѣхать часть ночи. Шести верстъ не доѣзжая до станціи Кипени, подлѣ Ропши, подымаясь на небольшую гору, нашли мы ужасные сугробы снѣга, которые не успѣли еще стаять. Въ это время совершенно смерклось. Нельзя себѣ представить мучительнѣйшій вѣ-

ды въ лѣтнемъ экипажѣ по глубокому полурастаявшему снѣгу, въ которомъ каждое колесо пробиваетъ новую колею. Положеніе бѣдной Анны Андреевны было ужасное: она сидѣла съ малыми дѣтьми и женщинами въ большой, тяжелой, четверомѣстной каретѣ и каждую минуту видѣла опасность быть опрокинутою и расшибиться вмѣстѣ съ ними. Съ мужемъ ея слѣдовали мы въ открытой коляскѣ и также не весьма веселымъ образомъ качались со стороны на сторону; пѣшкомъ идти было тоже невозможно, ибо на каждомъ шагѣ надобно было проваливаться. Не менѣе трехъ часовъ подвергнуты мы были этой пыткѣ, и шагъ за шагомъ, уже за полночь узрѣли мы, какъ обѣтованную землю, красивый, чистый и хорошо прибранный станціонный домъ Кипени.

Мы спокойно переночевали и думали, что тутъ конецъ страданіямъ нашимъ. На слѣдующее утро, яркое солнце освѣтило передъ нами ужасную картину: на необозримомъ пространствѣ глубокой снѣгъ покрывалъ землю и ослѣпительно отражалъ лучи его. Намъ объявили, что придется намъ, по крайней мѣрѣ, семьдесятъ верстъ бороться съ нимъ. Для Блудова съ семействомъ сыскали пару саней, женщины помѣстились въ коляскѣ, а я поселился одинъ въ опустѣвшей каретѣ и вѣхалъ въ ней какъ въ ладѣ по бурнымъ волнамъ. Такимъ образомъ во все утро проѣхали мы одну станцію и въ обѣденное время, достигнувъ Каскова, расположились въ немъ немного отдохнуть. По глупой моей тогда привычкѣ, французить и қаламбурить, назвалъ я эту станцію cassesou; Блудовъ былъ въ дурномъ расположеніи духа и наморщился. Однакоже, чтобы не захватить ночи, должны мы были отправиться далѣе. Непонятно откуда взялось такое великое количество снѣга; вѣроятно зимой со всей Россіи нанесло его на сей несчастный пунктъ. А воздухъ, между тѣмъ, былъ чистъ и уладителенъ; смѣшеніе солнечнаго жара со студенными испареніями земли производило пріятную прохладу. Выѣхавшій черезъ недѣлю послѣ насъ изъ Петербурга и обогнавшій насъ въ Пруссіи, Полетика сказывалъ, что на этомъ пути не встрѣтилъ и слѣдовъ снѣга. Послѣ обѣда съ трудомъ могли мы сдѣлать еще одну станцію до Чирковицъ. Тутъ при вѣздѣ въ селеніе, не избѣгнувъ яцѣлый день грозящей мнѣ судьбины: карета упала на бокъ; какіе-то ларчики, дѣтскія игрушки полетѣли у меня мимо лица, мимо глазъ ничего не повредивъ, и вся бѣда кончилась для меня неболь-

шимъ испугомъ и великимъ затрудненіемъ вылезти изъ опрокинутой кареты. Я вхожу въ подробное описаніе неприяностей этого путешествія, потому что я испыталъ ихъ одинъ разъ, а другому можетъ-быть никогда не удастся.

На другой день, 29-го числа, отдохнувъ, отправились мы далѣе. Мы повстрѣчались съ однимъ весьма малоизвѣстнымъ, хотя и превосходительнымъ дипломатомъ, Крейдеманомъ, который возвращался изъ-за границы и проваливаясь шельпѣшкомъ за своей коляской. Съ трудомъ могли мы разъѣхаться и помѣняться извѣстіями о дорогѣ. Онъ обрадовалъ насъ, сказавъ что въ двухъ или трехъ верстахъ не найдемъ мы болѣе снѣгу, а мы принуждены были объявить ему, что онъ только вступаетъ въ снѣжную пустыню. И дѣйствительно, скоро стали показываться большіе потоки воды, потомъ грязь, а подѣзжая къ Ополю, нашли совсѣмъ сухую дорогу. Берегъ! берегъ! и на немъ въ умноженіе удовольствія нашего встрѣтила насъ веселая услужливая Нѣмка-трактирщица, которая славно насъ накормила и дешево взяла за обѣдъ. Не замѣшкавшись пустились мы впередъ; въ Ямбургѣ только что перемѣнили лошадей и оттуда какъ бы мигомъ прискакали въ Нарву. Дорога, кажется, была мнѣ знакомая, въ третій разъ проѣзжалъ я тутъ, но ничего не узнавалъ на ней кромѣ красивыхъ почтовыхъ домовъ. Почувствовавъ необычайную усталость, особенно женскій полъ между нами, рѣшили мы остатокъ дня провести въ Нарвѣ, и изъ этого города для меня было настоящее начало нашего путешествія.

Мы выѣхали въ Эстляндію, печальную страну, гдѣ родился отецъ мой, гдѣ природа и люди равно жестоки къ населяющей ее несчастной Чуди, гдѣ послѣдніе завоеватели не могутъ или не хотятъ защитить жителей отъ угнетеній прежнихъ завоевателей. Въмѣсто селеній вездѣ разбросанныя мызы, вездѣ бѣдность, неопрятность и недовольныя лица; кой-гдѣ покажется кирхшпиль, деревянная кирка съ пасторатскимъ строеніемъ. Въ замѣнъ врожденной смѣлости, природнаго смысла и тѣлесныхъ силъ, коими Богъ одарилъ русскихъ сосѣдей ихъ, бѣднымъ Чухонцамъ послалъ онъ христіанскую вѣру, которая, и въ обнаженномъ лютеранами видѣ своемъ, служитъ имъ утѣшеніемъ и даетъ надежду на лучший міръ, гдѣ будутъ они равны немилосердымъ баронамъ своимъ. Они всѣ грамотные, не такъ какъ наши пра-

вославные мужички, которые знают одни лишь церковные обряды и ихъ только исполняютъ. Чтò бы ни говорили, а эдакъ мнѣ кажется лучше. Со сжатымъ трудами и, по лѣнчиво обращающейся крови, тупымъ воображеніемъ Маймистовъ, они не умствуютъ: но у насъ, съ распространеніемъ грамотности, или родится безвѣріе, безнравственность, или размножатся расколы. Нужно только улучшить состояніе священниковъ и быть строже, осмотрительнѣе въ ихъ выборѣ, дабы гласъ Божій изъ устъ сихъ пастырей внятно гремѣлъ между нашими бойкими баранами и велъ ихъ къ благой цѣли. Вотъ меня куда занесло.

Съ дамами и дѣтьми ѣхать скоро невозможно. Прѣхавъ Вайвару, Леве, мѣста мнѣ знакомыя и на дѣлѣ и по слуху, сдѣлавъ не болѣе семидесяти верстъ, остановились мы ночевать въ Клейнъ-Пунгерѣ. На другой день, 1-го мая, подлѣ станціи Ненналь увидѣлъ я въ первый разъ отчизну снятковъ, Чудское озеро: громадныя льдины были еще прибиты къ берегамъ его и отъ нихъ несло несомнѣннѣе пріятною свѣжестію, а само озеро, отражая голубое небо, было красиво и чисто какъ стекло. Сдѣлавъ сто верстъ въ этотъ день, не довзжая Дерпта, на послѣдней къ нему станціи Игаферѣ, ночевали мы не весьма покойно. Съ званіемъ комиссара, то-есть, по нашему, станціоннаго смотрителя, находился тутъ одинъ молодой еще студентъ, котораго, помню, звали Крейцбергъ. Онъ угощалъ, близко отъ насъ, прѣхавшихъ изъ Дерпта товарищей; они курили, пили пиво, пѣли пѣсни, однимъ словомъ, предавались нѣмецкой швермереи. Хотя мы были очень далеко еще отъ Германіи, но все ее уже возвѣщало.

Рано по утру 2-го мая, прѣехали мы въ Дерптъ и остановились въ деревянномъ одноэтажномъ, чистенькомъ домѣ, который, кажется, назывался гостиница Аландъ. Связи съ Жуковскимъ не только сблизяють друзей его, но какъ будто роднятъ ихъ между собою. Въ Дерптѣ находилась часть семейства, въ которомъ былъ онъ воспитанъ. Александру Федоровичу Воейкову, женатому на меньшей Протасовой, пришла охота сдѣлаться профессоромъ русской литературы въ Дерптскомъ университетѣ: тамъ посѣтила его теща съ старшею дочерью, и онъ нашелъ средство просватать послѣднюю за профессора медицины Мойера; самъ же, видя что преподаваемою имъ наукой молодые Нѣмцы не хотятъ заниматься, вскорѣ уѣхалъ обратно въ Петербургъ. Какъ стра-

нень этотъ бракъ долженъ былъ казаться въ Орловской губерніи, откуда пріѣхали Протасовы; дворянская спѣсь русской барышнѣ прежде никакъ бы не дозволила выйти за профессора, за доктора; конечно, это предразсудки старины, но я тогда раздѣлялъ ихъ и полно не раздѣляю ли еще и нынѣ? По-заочности давно уже будучи знакомы, не помню, кто изъ насъ кого посѣтилъ первый, только помню, что въ этотъ же день я обѣдалъ уже у г. Мойера съ его женой и тещей, Катериной Аванасьевной, что подавали все нѣмецкое кушанье и что я, за три дня до того тонувшій въ сафру, сидѣлъ за столомъ въ садикѣ подъ распускающимися липами, *ins grüne*. Послѣ обѣда повелъ насъ г. Мойеръ осматривать городъ. Подъ именемъ Юрьева-Ливонскаго построенный Русскими, которые нигдѣ для частнаго употребленія кромѣ деревянныхъ домовъ не ставили, по близости къ границѣ, вѣроятно, часто разоряемый войною, онъ, подобно укрѣпленной Нарвѣ, не сохранилъ вида древности. Единственный остатокъ ея, католическая соборная церковь, въ которую входили мы, обращена уже была въ университетскую бібліотеку. Провели мы вечеръ и ужинали у тѣхъ же Мойеровъ. Тутъ случилась одна гостья, учтивая Нѣмка, которая желая потѣшить меня, сказала мнѣ, что и она была въ Россіи. „Мнѣ кажется вы и теперь въ ней“, отвѣчалъ я. Отъ этого простаго замѣчанія она смѣшалась и не знала что сказать.

Я не могу здѣсь умолчать о впечатлѣніи, которое сдѣлала на меня Марья Андреевна Мойеръ. Это совѣтъ не любовь; къ сему небесному чувству примѣшивается слишкомъ много земнаго; къ тому же, мимоѣздомъ, въ продолженіе немногихъ часовъ влюбиться, мнѣ кажется смѣшно и даже невозможно. Она была вовсе не красавица; разбирая черты ея, я находилъ даже, что она болѣе дурна; но во всемъ существѣ ея, въ голосѣ, во взглядѣ было нѣчто неизъяснимо обворожительное. Въ ея улыбкѣ не было ничего ни радостнаго, ни грустнаго, а что-то покорное. Съ большимъ умомъ и свѣдѣніями соединяла она необыкновенную скромность и смиреніе. Начиная съ ея имени все было въ ней просто, естественно и въ то же время восхитительно. Другихъ женщинъ, которыя врявятся, кажется такъ взялъ бы да и раздѣловалъ; а находясь съ такими какъ она, въ сердечномъ

умилени, все хочется пасть къ ногамъ ихъ. Ну точно она была какъ будто не отъ міра сего. „Какъ въ одинъ день все это могъ ты разсмотрѣть?“ скажутъ мнѣ. Я выгоднымъ образомъ былъ предупрежденъ насчетъ этой женщины; тутъ повѣряя я слышанное и нашелъ въ немъ не преувеличеніе, а ослабленіе истины.

И это совершенство сдѣлалось добычей дюжого Нѣмца, правда, добраго, честнаго и ученаго, который всемірно старался сдѣлать ее счастливой; но успѣвалъ ли? Въ этомъ позволю я себѣ сомнѣваться. Смотрѣть на сей неровный союзъ было мнѣ нестерпимо; эту кантату, эту элегію, никакъ не умѣлъ я приладить къ холодной диссертациі. Глядя на госпожу Мойеръ, такъ рассуждалъ я самъ съ собой, кто бы не былъ осчастливленъ ея рукой? И какъ ни одинъ изъ молодыхъ русскихъ дворянъ не искалъ ее? Впрочемъ, кто знаетъ, были вѣроятно какія-нибудь препятствія, и тутъ кроется, можетъ-быть, какой-нибудь трогательный романъ? Она не долго послѣ того жила на свѣтѣ: подобнымъ ей, видно на краткій срокъ дается сюда отпускъ изъ мѣста настоящаго жительства ихъ.

Разставшись на другой день съ Дерптомъ и Мойерами, дня три ѣхали мы до Риги, оттого что въ иныхъ мѣстахъ не было лошадей, а въ другихъ было много глубокаго песку. Мы первую ночь провели въ Гульбенѣ, другую въ Роопѣ, и видѣли небольшіе города Валкъ и Волмаръ, которые показались мнѣ замѣчательны въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ даже деревень. Примѣчательно, что въ странѣ, которая болѣе стала вновь принадлежить Россіи, начиная отъ Нарвы совсѣмъ уже не пахнетъ русскимъ духомъ, что въ ней не услышишь русскаго слова. Никто не думалъ у насъ о введеніи тутъ народнаго языка нашего сколько-нибудь въ употребленіе, тогда какъ нѣмецкіе владѣльцы, преданные отдаленному и раздробленному отечеству своему, всячески стараются сохранить и распространить языкъ его между населеніемъ, совершенно ему чуждымъ. Путешествія за границу въ старину почитались диковинкой, одни знатные господа позволяли ихъ себѣ: имъ удобно и пріятно казалось, выѣхавъ изъ петергофской заставы, находить тотчасъ преддверіе чужихъ краевъ. Я могу хорошо судить и смѣло говорить о томъ, ибо хотя отнюдь не принадлежалъ къ ихъ сословію,

имѣлъ, однакоже, многія изъ ихъ привычекъ и предразсудковъ. Долженъ покаяться въ томъ; мнѣ наскучило разѣзжать по Россіи изъ края въ край, и я почувствовалъ непозволительное удовольствіе, когда нѣкоторымъ образомъ переступилъ ея границу.

Прибывъ въ Ригу 5-го числа къ вечеру, съ трудомъ могли отыскать плохую квартиру въ плохой гостиницѣ, которая, однакоже, называлась отель де-Пари. Не было ни ярмарки, ни дворянскаго съѣзда, а во всѣхъ трактирахъ номера были заняты. Такъ бывало всегда, когда послѣ случалось мнѣ проѣзжать этотъ городъ: содержатели гостиницъ все еще трепещутъ передъ всемогуществомъ рыцарей и должны всегда держать про нихъ комнаты въ запасъ. На другой день пошелъ я гулять по городу; его узкія улицы и высокіе старые дома возбудили бы во мнѣ болѣе любопытства еслибъ я не видѣлъ Нарвы. Всѣ эти древніе города на Западѣ болѣе или менѣе между собою схожи; въ средніе вѣка всѣ они были укрѣплены: жители окрестныхъ мѣстъ, часто разоряемыхъ огнемъ и мечомъ, укрывались въ нихъ и тѣснились на небольшомъ пространствѣ подъ защитою каменныхъ стѣнъ и рвовъ, коими были они окружены. Пока я не приглядѣлся къ нимъ, они мнѣ очень не нравились: мнѣ все казалось, что я вижу запачканныхъ стариковъ въ морщинахъ, которые жмутся и всѣ на одинъ ладъ и покрой; я выросъ и возмужалъ среди простора Петербурга и русскихъ городовъ. Мнѣ хотѣлось видѣть что-нибудь примѣчанія достойное, и мнѣ указали на залу Черноголовыхъ или Шварцгейнтеровъ, Рижскій музеумъ. Я не очень помню въ чемъ состояли сокровища, тутъ собранныя, исключая сапоговъ Карла XII.* Долго оставаться тутъ намъ было не для чего, мы ни съ кѣмъ не были знакомы и 7-го числа отправились далѣе. Наканунѣ это было бы труднѣе, ибо въ этотъ день только навели пловучій мостъ черезъ Западную Двину.

Разстояніе между двумя столицами Лифляндіи и Курляндіи такъ не велико, что одна можетъ почитаться предметомъ другой. Въ нѣсколько часовъ изъ Риги пріѣхали мы въ

* Хотя бы по примѣру Ревеля, Нѣмцы держали тутъ изсохшій трупъ какого-нибудь герцога Круа, на показъ проѣзжимъ, для потѣхи своей, для прибыли! И какъ терпится такое безчеловѣчное ругательство надъ святостію могилъ!

Митаву, городъ уже новаго изданія, на осмотръ котораго нужно было посвятить еще нѣсколько часовъ. Вотъ что погубило насъ: какъ грозная тѣнь, возсталъ передъ нами умирающій фельдмаршалъ Барклай и цѣлую недѣлю заслонялъ намъ дорогу. Только вечеромъ узнали мы, что онъ находится въ Митавѣ, и что всѣ почтовые лошади взяты подъ многочисленную свиту его. Настоящимъ образомъ не зная въ какомъ состоянiи находится здоровье его, мы разочли, что намъ лучше пустить его впередъ, чтобы не имѣть болѣе затрудненій въ дорогѣ. На другой день выѣхалъ онъ или лучше сказать вывезли его не очень рано, и пока самъ Блудовъ, вооруженный казенною подорожной по экстренной надобности, ходилъ къ губернатору за приказаніемъ дать ему лошадей и получилъ его, пошелъ я къ подъѣзду фельдмаршала, котораго прежде не случалось мнѣ видѣть, и стоя въ толпѣ смотрѣлъ какъ полумертваго почти выносили его и клали въ карету. Нынѣ не даютъ людямъ спокойно умереть дома; тѣмъ, кои имѣютъ нѣкоторый достатокъ, сіе не дозволяется; по приказанію медиковъ (обыкновенно иностранцевъ), въ предсмертныхъ страданіяхъ должны они напередъ прокатиться по Европѣ.

Попрежнему отобѣдавъ, а по нынѣшнему позавтракавъ, смотря по времени, въ гостиницѣ г. Мореля, въ которой ночевали, отправились мы. Наканунѣ, въ удовлетвореніе любопытства своего, ходилъ я за городъ посмотреть на замокъ герцоговъ курляндскихъ, не ветхое, даже не старое, и совсѣмъ не древнее четверостороннее зданіе безъ укрѣпленій и башенъ, безъ парка и даже безъ сада, посреди чистаго поля, выстроенное не Кеттлерами, а Биронами, и доказывающее варварскій вкусъ этого послѣдняго семейства. Туда влекло меня не одно любопытство, но и желаніе поклониться убѣжищу Бурбоновъ, къ величію и несчастіямъ коихъ я тогда питалъ еще какое-то священное уваженіе. Въ этомъ дворцѣ помѣщено было тогда нѣсколько чиновниковъ, а главныя комнаты оставались пусты на случай пріѣзда тогдашняго генералъ-губернатора маркиза Паулуччи; теперь помѣщены тамъ всѣ присутственныя мѣста; о сохраненіи историческихъ памятниковъ у насъ немного заботятся. Уходя, сквозь желѣзную рѣшетку заглянулъ я въ подвалы замка, гдѣ находятся гробницы послѣднихъ герцоговъ.

Одного изъ нихъ, знаменитаго Эрнста Іоанна, не защити-

да рѣшетка отъ поруганія одной бѣшеной женщины: этотъ анекдотъ стѣбитъ, мнѣ кажется, чтобы найдти здѣсь мѣсто. При Павлѣ и сначала при Александрѣ, губернаторами въ Остзейскія провинціи опредѣляемы были все Русскіе. Курляндскимъ былъ нѣкто Николай Ивановичъ А—въ, чело-вѣкъ смирный, но жена его была совсѣмъ не смирна. Сошедъ въ подвалы, она велѣла открыть гробъ Бирона и плюнула ему въ лицо. Не знаю до какой степени можно осудить это бабье мщеніе; конечно оно гадко, но тутъ не было личности, а наследственное чувство ненависти ея соотечественниковъ. Она была женщина не злая, но тщеславная и взбалмошная. Послѣ представленія королевѣ, супругѣ Лудовика XVIII, она ожидала отъ нея посѣщенія, и узнавъ что она совсѣмъ не расположена сдѣлать его, прогнѣвалась. „Чѣмъ эта дура такъ гордится?“ сказала она. „Тѣмъ что она Бурбоньша? Да я сама X—ская.“ Тутъ видны безразсудность и невѣжество, но вмѣстѣ съ тѣмъ и народное самолюбіе, которое мнѣ не противно.

Отѣхавъ одну только станцію до Доблена, принадлежащаго вдовѣ послѣдняго герцога, мы опять должны были остановиться. Молодой комиссаръ, онъ же и содержатель гостиницы и управляющій имѣніемъ герцогини, малый очень учтивый и почтительный, показалъ намъ конюшни, въ которыхъ не оставалось ни одной лошади: не къ чему было такъ торопиться. Но по крайней мѣрѣ пріятности мѣста, гдѣ мы находились, дали намъ возможность терпѣливѣе перенести нашу невзгону. Почтовый домъ, въ которомъ мы весьма удобно помѣстились, отдѣленъ былъ отъ развалинъ древняго замка хорошо сохранившимся, глубокимъ оврагомъ, на днѣ котораго текъ ручей или малая рѣчка. Стараніями комиссара, разумѣется на деньги владѣлицы, все это пространство засажено было деревьями и устроено очень хорошенкій англійскій садъ. Для насъ была тутъ весьма пріятная прогулка, а для меня особенно занимательно и любопытно было въ первый разъ видѣть настоящія развалины, произведенныя не искусствомъ людей, а ихъ забвеніемъ и дѣйствіемъ времени.

Нашъ передовой, который не заготовлялъ намъ, а отнималъ у насъ лошадей, ѣхалъ сперва довольно поспѣшно. Цѣлыми сутками былъ онъ у насъ впереди, и оттого-то слѣдующіе два дни имѣли мы мало остановокъ. Мы же всегда

ночевали; первую ночь провели въ Дрогденѣ, другую въ Рутцау, почти на самой границѣ. Тутъ старикъ комиссаръ, отставной изъ военныхъ, мнѣ чрезвычайно полюбился своею веселостію и не существующимъ уже нынѣ нѣмецкимъ добродушіемъ. Утѣхой жизни его была золотая табакерка, которую великая княгиня Марія Павловна въ проѣздъ ему пожаловала: намъ, какъ и всѣмъ у него останавливающимся, выносилъ онъ ее на показъ.

Нельзя было не замѣтить намъ великой разницы между двумя сосѣдними провинціями. Въ Курляндіи, которая также населена Латышами, народъ какъ будто смышленѣе, почва земли плодороднѣе и поля лучше обработаны. За то она гораздо болѣе онемечена, чѣмъ Ливонія; тамъ вездѣ еще встрѣчаются финско-латышскія названія мѣстъ, а тутъ всѣ они окрещены въ нѣмецкій языкъ. Однимъ словомъ, Курляндія, кажется, такъ и просится въ Пруссію; и не знаю, хорошо ли дѣлаютъ оставляя въ ней и понынѣ весь прежній порядокъ.

Наконецъ, 11-го поутру, пріѣхали мы на границу и перѣѣхали за нее. Тутъ въ Полангенѣ наша Самогидія выдвигается клинышкомъ. Въ этомъ мѣстечкѣ видѣлъ я море, но не видалъ гавани, двѣнадцать лѣтъ спустя найденной тутъ однимъ ученымъ Французомъ, засѣдающимъ въ палатѣ депутатовъ. Ни въ Полангенѣ на нашей границѣ, ни въ Ниммерзатѣ на прусской не были мы много обезпокоены таможнями. Блудовъ ѣхалъ къ должности по волѣ русскаго императора, и оттого потомъ нигдѣ не подвергались мы жестокимъ обыскамъ.

Вотъ, наконецъ, я въ Мемелѣ, первый разъ въ заграничномъ городѣ. Хотя мы пріѣхали въ него довольно рано, остановясь въ такъ-называемомъ *Нѣмецкомъ Домѣ*, я не успѣлъ насладиться воззрѣніемъ на него. Боли въ ногѣ съ наступленіемъ теплаго времени у меня какъ будто замерли, и я почти забылъ о нихъ; но во время проѣзда черезъ Курляндію сдѣлалось сыро и холодно, и я вновь началъ страдать, что вмѣстѣ съ усталостію совсѣмъ не располагало меня къ прогулкамъ. Еще солнце не сѣло, когда, почувствовавъ облегченіе, заснулъ я богатырскимъ сномъ и проснулся только слѣдующимъ утромъ. Тогда пустился я ходить; но что примѣчательное можно найти въ Мемелѣ? Прямые улицы, каменные дома порядочные, какъ у насъ

правильно выстроенные. Это какъ разговоръ чинныхъ людей не богатыхъ идеями, но благовоспитанныхъ, благопристойныхъ; хорошо говорятъ, а ничего не скажутъ. Я пошелъ взглянуть на домъ, въ которомъ нѣсколько мѣсяцевъ жила королева, любезная русскимъ сердцамъ, когда изо всего обширнаго, хотя разбросаннаго государства мужа ея этотъ одинъ уголокъ оставался въ его владѣнiи.

Рѣка Неманъ, вытекая изъ славянской земли, при устьѣ своемъ образуетъ тутъ широкии заливъ. Она дала свое имя этому городу, а сама оттого получила названiе Мемеля, отъ Нѣмцевъ ли или Самогитовъ—мнѣ неизвѣстно. Вдоль по рѣкѣ сей поѣхали мы, и вотъ отчего: неизбѣжный Барклай выѣхалъ изъ Мемеля только въ день нашего прiѣзда; болѣе двухъ станцiй въ сутки, по слабости своей, онъ дѣлать не могъ. Насъ обманули, сказавъ, что онъ выбралъ кратчайшiй путь Куришь-Гафомъ по шtrandу. Мы бросились въ другую сторону и на первой станцiи, въ Прокульсѣ, узнали свою ошибку; но было уже поздно, дѣлать было нечего какъ слѣдовать за тѣмъ, коего встрѣчи мы такъ боялись. Съ нимъ были жена и сынъ, адъютанты и медики, и шествiе его походило на триумфальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на погребальное. Однакоже надобно признаться, что заграничныя почты устроены лучше нашихъ; на усталыхъ еще послѣ него коняхъ кое-какъ добрались мы на ночлегъ въ плохое мѣстечко Шаматкемень.

Мѣста, коими проѣзжали мы, обитаемы народомъ, который игралъ важную роль въ исторiи нашего отечества, ибо Самогиты или Жмудь, Ятвяги и Литва все одно и то же. Но что это за народъ? и откуда взялся онъ? Я долго полагалъ, что онъ смѣшенiе готскаго племени съ славянскимъ и финскимъ, но слѣдовъ ихъ нареченiй не встрѣчается въ особомъ языкѣ, коимъ говоритъ сей народъ, а по большей части латинскiя слова. Къ тому же въ Славянахъ и въ Финнахъ никогда не было звѣроравiя, коимъ сначала отличались сiи дикiе выходцы изъ лѣсовъ; впрочемъ, Маджары, или Венгры, тоже финскаго происхожденiя. Должно полагать, что и вся Пруссiя нѣкогда населена была Жмудью; многiе изъ древнихъ князей ея носили имя Прусъ. Не долго Литовцы поблiстали и погремѣли въ мiрѣ: сперва завоеванная ими обширная, православная Русь начала была поглощать ихъ; потомъ, приставъ къ католической Польшѣ, они затмилась

и исчезли въ ея объятіяхъ. Такъ будетъ со всякимъ государствомъ, которое, не сохраняя своей самоцвѣтности, не старается между покоренными вводить свои нравы, обычаи, законы, языкъ и вѣру: завоеванія будутъ его гибелью, оно потонетъ въ нихъ. Польша, несмотря на свои безпорядки, на безразсудность свою, хорошо это понимала и спѣшила все окрасить собою. Оттого-то она пережила самое себя, оттого-то находишь ее тамъ, гдѣ бы давно ей не должно быть, оттого-то ея духомъ еще полонъ нашъ юго-западный край, гдѣ, за двѣсти лѣтъ тому назадъ, имя ея было проклинаемо. Съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ я на Самогитовъ: лица не хороши, но чрезвычайно выразительны.

Проѣзжая слѣдующимъ утромъ по мосту, черезъ Нѣмань, при вѣздѣ въ Тильзитъ, взглянулъ я на мѣсто свиданія двухъ императоровъ, на мѣсто, гдѣ стоялъ историческій постъ. Тильзитъ! при имени его обидномъ, теперь не поблѣднѣетъ Россѣ, сказалъ Пушкинъ. И дѣйствительно, что нашли мы на почтовомъ дворѣ? Французскаго цвалюда, не знаю какъ здѣсь оставшагося, который съ гордымъ еще видомъ просилъ милостыню. Пруссаки въ это время съ нами были отменно услужливы; комиссаръ совѣтывалъ намъ стараться опередить фельдмаршала, далъ свѣжихъ, хорошихъ лошадей и записку къ сосѣду своему, комиссару, на слѣдующей станціи въ Остветенѣ, гдѣ, по словамъ его, Барклай долженъ былъ остановиться обѣдать. Моему нетерпѣнію не было границъ, вслухъ пожелалъ я, чтобы герой нашъ на дорогѣ умеръ и чтобы мы проѣхали по трупу его. Услышавъ мои преступныя желанія, Блудовъ даже вскрикнулъ отъ негодованія. Въ Остветенѣ комиссаръ наморщился, почесалъ затылокъ, но видно товарищъ его имѣлъ надъ нимъ большую силу, онъ тотчасъ велѣлъ намъ дать лошадей. Одной милы не доѣзжая до города Инстербурга, на лѣвой сторонѣ дороги, увидѣли мы небольшую мызу и на дворѣ ея множество каретъ. Мы заключили изъ этого, что вѣрно больной остановился тутъ отдохнуть.

Мы не намѣрены были до свѣту выѣхать изъ Инстербурга, но возможно ли это съ дамами? Пока, одѣваясь, мы пили чай, пришли намъ сказать, что фельдмаршалъ въ эту ночь, на видѣнной нами мызѣ, скончался, и что посланный оттуда пріѣхалъ заказывать гробъ. Меня какъ по кожѣ подрало: вмѣсто радости почувствовалъ я угрызеніе совѣсти, точно

какъ будто желаніемъ своимъ я уморилъ его. Однакоже, карета была у подъязда: мы не римскіе католики, и пожелавъ добродѣтельному еретіку царствія небеснаго, пустились въ дорогу. Мы едва могли переводить духъ, такъ скоро перемѣняли намъ лошадей и такъ прытко везли насъ. На каретѣ, подъ княжескою короной изображенъ былъ гербъ Блудова вмѣстѣ съ Щербатовскимъ и, сверхъ того, выставлена литера В. Поэтому принимали насъ за семейство или за свиту князя Барклая. Тапакенъ, Велау, Тапау, Погауень,— вотъ станціи или мѣста, черезъ кои вихремъ пронеслись мы до Кёнигсберга. Я называю ихъ потому, что они у меня были записаны и что дорога сія въ Тильзитъ, замѣненная другою укороченною, болѣе не существуетъ.

Въ Кёнигсбергѣ, на небольшой площади подвезли насъ къ г. Грегори, къ Нѣмецкому дому, Deutsches Haus, въ которомъ приготовлена была квартира для покойнаго. На площади нашли мы начальствовавшего въ городѣ генерала Штуттергейма со всѣмъ штабомъ, во всей формѣ, и съ рапортомъ въ рукахъ. Онъ очень удивился, когда мы сказали ему, что трудъ его напрасенъ, и что Барклая болѣе нѣтъ. Это было засвѣтло 14 мая.

Не знаю, почему Кёнигсбергъ почитаютъ прусскою Москвою? Какія священныя воспоминанія наполняютъ его? Точно такъ же какъ Венгрію, какъ Ломбардію, какъ Шлезвигъ, Нѣмцы почитаютъ Пруссію заграничнымъ своимъ владѣніемъ; донинѣ не входила она еще въ составъ Германскаго Союза. Да что же она такое? Подъ предлогомъ обращенія язычниковъ въ христіанскую вѣру, Тевтоническимъ орденомъ завоеванный приморскій край. Не знаю, по какому праву папы и императоры дали рыцарямъ право владѣнія въ немъ. Они спокойно въ немъ не господствовали. Напрасно упрекаютъ Поляковъ въ томъ, что будто бы они добровольно и безопасно дали имъ у себя тутъ утвердиться: добрые католики, они приняли ихъ сначала какъ вспомогательное Христово войско, къ услугамъ ихъ готовое, для обузданія во тьмѣ язычества пребывающихъ, часто непокорныхъ данниковъ ихъ; но скоро увидя ихъ обманъ, столѣтія воевали съ ними. Съ другой стороны, и Литва, вдругъ подымавшаяся, угнетенныхъ единокровныхъ возбуждала къ возстанію, сильно вступалась за нихъ и помогала имъ. И нѣтъ сомнѣнія, что владычество ордена было бы тутъ раздавлено, еслибъ

у него не было великихъ богатствъ въ цѣлой Германіи, и еслибъ оттуда безпрестанно не приходили къ нему на помощь новыя рати. Ливонскій орденъ Меченосцевъ, лѣтъ за тридцать прежде того и почти одинаковымъ образомъ основанійся въ Россіи, вмѣстѣ съ магистромъ своимъ призналъ надъ собою власть его, подчинилъ себя ему, и этотъ союзъ обоимъ былъ чрезвычайно полезенъ. Однакоже, повременамъ, гибель грозила обоимъ; Ягелло, Витовтъ и еще прежде нашъ Александръ Невскій до основанія потрясали ихъ могущество. Польша восторжествовала, но тщеславіе ея довольствовалося званіемъ вассала, которое принялъ орденъ; тогда въ честь польскаго короля, небольшой городокъ, построенный на Прегелѣ, названъ Королевцемъ. При Казимірѣ IV преобладаніе Польши до того умножилось, до того потѣснилъ онъ рыцарей, что оставилъ имъ одну только восточную половину Пруссіи, и что изъ Маріенбурга на Вислѣ, постоянной резиденціи великаго магистра и главнаго мѣста управленія ордена, они должны были въ послѣдней половинѣ XV вѣка перенести его въ Королевецъ, который, кажется, съ тѣхъ поръ началъ называться Кёнигсбергомъ: древность не весьма древняя. Извѣстно, что въ началѣ XVI вѣка лютеранизмъ нанесъ смертельный ударъ воинственно-монашескимъ орденамъ, и что Альбертъ Бранденбургскій, магистръ Тевтоническаго, и Готгардъ Кеттлеръ—Ливонскаго, принявъ новую вѣру, объявили себя независимыми герцогами, первый въ Пруссіи, послѣдній въ Курляндіи. Тотъ и другой отреклись отъ Нѣмецкой или Святой Римской имперіи и поставили себя подъ покровительство католической Польши. Она въ немъ не отказала имъ, ибо въ совершенномъ отдѣленіи ихъ отъ Германіи видѣла ихъ ослабленіе; къ тому же самъ король Сигизмундъ-Августъ имѣлъ склонность къ протестантизму. Разчетъ былъ плохой: послѣ Альберта Пруссія, по наслѣдству, досталась маркграфамъ и курфирстамъ Бранденбургскимъ, изъ коихъ одинъ пожаловалъ ее королевствомъ, а себя произвелъ въ короли, и кончилось тѣмъ, что часть самой Польши сдѣлалась ихъ добычею. Зачѣмъ вклеилъ я тутъ это краткое историческое начертаніе? Да такъ, пришлось къ слову.

Первый вечеръ, проведенный въ Кёнигсбергѣ, было мнѣ нехорошо; я почувствовалъ лихорадку; не для меня одного послали за докторомъ; явился Англичанинъ Мотерби, про-

писалъ мнѣ что-то успокоительное, и на другое утро я былъ какъ встрепанный. Пользуясь лучшимъ состояніемъ здоровья и хорошею погодой, я пошелъ по городу и зашелъ къ Павлу Ивановичу Аверину, управляющему ликвидаціонною комиссіей по заграничнымъ разчетамъ послѣ войны и оканчивавшему тутъ свои занятія, который наканунѣ былъ у меня, чтобы удостовѣриться насчетъ слуховъ о кончинѣ Барклая. Онъ человѣкъ съ необыкновенными, можно сказать, съ неслыханными странностями, и мнѣ хотѣлось бы его здѣсь представить; но говорить о немъ нельзя иначе какъ пространно, а мнѣ теперь некогда.

Въ это же утро какой-то нѣмецкій слуга повелъ меня смотрѣть достопримѣчательности; ихъ было немного. Я побывалъ во дворцѣ или замкѣ и въ соборномъ храмѣ. Первый стоитъ на высокомъ мѣстѣ и имѣетъ четыре фаса или лица, выходящихъ на улицы, а внутри дворъ. Одна изъ сторонъ, старинная, построена еще великими магистрами, которые тутъ жили, а нынѣ помѣщаются какіе-то чиновники и какія-то канцеляріи. Другая сторона, гораздо новѣе, выстроена первымъ прусскимъ королемъ, горбатымъ Фридерикомъ I. Тутъ вѣнчался онъ на престолъ; разумѣется не муропомазывался, и въ точномъ подражаніи реймской церемоніи не доставало Сентъ-Ампули; тутъ останавливаются короли, и въ несчастное для Пруссіи время полтора года прожила тутъ нынѣшняя королевская фамилія. Комнаты высоки, просторны и довольно богато прибраны; одна показалась мнѣ замѣчательною: она оранжеваго цвѣта, по карнизамъ расписана цѣпь Чернаго Ора, а на стѣнахъ изображенъ синій крестъ его. Изъ нея видъ далеко въ поле, и, говорятъ, будто Наполеонъ смотрѣлъ тутъ изъ окошка, когда ретирующійся арріергардъ, не знаю, русскій или прусскій, сражался съ его войсками.

Третья сторона, послѣ пристроенная, довольно безобразная, заключаетъ въ себѣ службы, кухни, конюшни и тому подобное. Четвертая вся состоитъ изъ одной огромной, нескончаемой залы, называемой Московскою. Пруссаки полагаютъ что названіе сіе дано ей прихотью королей, тогда какъ она построена прихотью русской императрицы. По сходству имени, Елизаветѣ Петровнѣ почудилось, что она имѣетъ неоспоримыя права на Пруссію; она хотѣла тутъ короноваться, и во время Семилѣтней войны велѣла для того вы-

строить эту залу, которая, подобна большому манежу, до сих поръ стоитъ не отдѣланная: нынѣ, говорятъ, устроены въ ней гимнастическія упражненія. Провожатый мой никакъ не хотѣлъ мнѣ повѣрить, что Русскіе воздвигли эту залу, когда болѣе двухъ лѣтъ они хозяйничали въ Пруссіи. Что дѣлать! уже такой обычай у этого кочеваго, варварскаго народа: куда ни придетъ, въ виду непріятеля, под пушечными выстрѣлами его, вездѣ строить города. Этимъ только въ завоеваніяхъ своихъ отличается онъ отъ Аттилы и Тамерлановъ.

Продолжаю мой дневникъ. Выѣхавъ изъ Кёнигсберга 16 числа, мы первый день не сдѣлали даже и одной станціи, ибо не доѣзжая четверть версты до мѣстечка Бранденбурга, гдѣ почтовой дворъ, мы должны были остановиться. Дышло у кареты переломилось по поламъ, шагу нельзя было сдѣлать далѣе, и мы вошли въ первый попавшійся домишко, въ которомъ было чистенькихъ двѣ комнаты. Но рядомъ съ ними продавались пиво и водка, однимъ словомъ это былъ кабакъ на берегу моря. Оттуда, къ несчастію, съ самаго утра подулъ сильный сѣверный вѣтеръ, воздухъ сдѣлался вдругъ ужасно холоденъ, а въ жилищѣ нашемъ нѣкоторыя окна были разбиты. Анна Андреевна принуждена была затыкать ихъ подушками, чтобы сколько-нибудь бѣдныхъ дѣтей защитить отъ непогоды. Я былъ въ совершенномъ отчаяніи, одна бѣда дорогой смѣняла намъ другую, и я начиналъ думать, что не попаду къ удобному времени въ мѣсто моего лѣченія. Скуки ради ходилъ я пѣшкомъ въ мѣстечко и видѣлъ барское житъе Алетмана, который въ одно время содержалъ почту, трактиръ для проѣзжихъ и управлялъ казеннымъ имѣніемъ. Около сутокъ нужно было для сдѣланія дышла, и мы на другой день часовъ въ одиннадцать могли отправиться далѣе.

Дорога, по которой мы ѣхали, нынѣ брошена и проложена другая, гораздо короче. Однако я назову станціи, которыя у меня записаны: Гоппенбрукъ, Браунсбергъ, гдѣ комиссаромъ нашли мы безногаго офицера съ Пуръ ле-Меритомъ на шеѣ, который бранилъ Французовъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а Русскихъ превозносилъ до небесъ, чего нынѣ не услышишь,—Мильгаузенъ, гдѣ мы ночевали, потомъ Прейшъ-Голландъ, Прейшъ-Маркъ, городокъ Ризенбургъ и наконецъ Мариенвердеръ. Дорога была вовсе не занимательна, возили

тогда тихо, не такъ какъ послѣ возвращенія короля изъ послѣдней поѣздки въ Россію, и разстояніе до Берлина казалось намъ ужаснымъ.

Маріенвердеръ, мѣсто примѣчательное, часто упоминаемое въ исторіи Тевтоническаго ордена, нѣкогда бывшее тоже главнымъ въ Пруссіи, и стоило бы осмотрѣть его, но мы пріѣхали въ него слишкомъ поздно и выѣхали изъ него слишкомъ рано. Мимоѣздомъ видъ его показался намъ пріятенъ, нѣчто въ родѣ Москвы, смѣшеніе красивыхъ, новыхъ домовъ съ древними хорошо сохранившимися зданіями. Въ это время король чрезъ Познань предпринималъ путешествіе, чтобы поклониться Москвѣ, которая всесожженіемъ искупила независимость Европы, навѣститъ тамъ любимѣйшую дочь и повидаться съ другомъ-союзникомъ. Въ Маріенвердерѣ нашли мы генерала Борстеля, который ѣхалъ къ нему на встрѣчу; онъ велъ себя съ нами очень любезно и сказалъ, что опережая насъ вездѣ будетъ заказывать намъ лошадей. Нынѣ никто не повѣритъ до какой степени Пруссаки, по примѣру государя своего, были предупредительны съ Русскими, и какъ охотно они братались съ нами.

Переѣхавъ широкую Вислу, прибыли мы въ незавидный городокъ Нови, который Нѣмцы назвали Нейенбургомъ. Тутъ начинается Западная Пруссія, то-есть все то что по первому раздѣлу отхвачено отъ Польши и верстѣ на сто тянуційся густой, а мѣстами и дремучій Тухельской лѣсъ, Tuschelsche Heide. Тутъ одинъ лишь высшій классъ, комиссары, трактирщики, говорятъ по-нѣмецки, прислуга же, почтари, всѣ прочіе жители чистымъ польскимъ языкомъ. Такъ же какъ Нови, всѣмъ мѣстечкамъ даны нѣмецкія имена, оставлено только *Плохочину*, и то съ прибавкою слова *гроссъ*. На обратномъ пути мнѣ пріятно было встрѣтить тутъ почти земляковъ и услышать почти родные звуки, а тогда мнѣ было досадно, мнѣ казалось, что это отдаляетъ меня отъ Германіи, куда я спѣшилъ. Время между тѣмъ стояло ясное, холодное, несносное, на каждомъ ночлегѣ приходилось топить, мрачный лѣсъ раждалъ мрачныя мысли; въ Тухелѣ, давшемъ лѣсу названіе, сдѣлалось теплѣе, за то пошелъ непрерывный, проливной дождь и сдѣлалось грязно; ничего отраднаго не видѣли мы на всемъ пути. Въ городкѣ Коницѣ конецъ лѣсу и польскому нарѣчію и начало почтовой дороги, по которой ѣздить и понынѣ. Только видно что

все еще славянская страна, ибо часто встрѣчаются славянскія названія мѣстъ и деревень, какъ напримѣръ Ястровъ.* Послѣ того есть Рушень-Дорфъ, коего жители Нѣмцы, но предки, говорятъ, были Русскіе, и я охотно повѣрилъ тому, ибо нигдѣ такъ шибко насъ не везли.

Переночевавъ въ Шлоппе, 22 числа пріѣхали мы рано въ Гохцейтъ. Утро было радостно какъ названіе сей деревни (свадьба), день сіялъ, солнце грѣло, а не палило, и на почтовомъ дворѣ, въ небольшомъ саду, какъ роднымъ послѣ разлуки обрадовался я дикимъ каштанамъ и тополямъ. Около двадцати лѣтъ разставшись съ Кіевомъ, гдѣ ихъ довольно, я жилъ все на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ, а тутъ вдругъ неожиданно перенесли они меня въ счастливое мое ребячество. И потомъ сколь часто случалось мнѣ какъ ребенку мгновенно забывать продолжительное горе! Здѣсь же вступали мы въ настоящую Германію, въ Неймаркъ, въ Новую Мархію Бранденбургскую, которая, впрочемъ, тоже не иное что какъ отрѣзанный ломоть отъ Помераніи. Наконецъ я начиналъ прозрѣвать берегъ. Продолжительные дожди испортили однакоже дорогу, и мы не очень поспѣшно могли ѣхать по ней. Мы ночевали въ прекрасной гостиницѣ хорошенькаго города Ландсберга. На другой день увидѣли мы Одеръ, который всегда былъ и долженъ бы оставаться естественною границей славянскаго племени; но далеко, далеко за него простерлось нѣмецкое владычество.

На берегу сей рѣки стоитъ Кюстринъ. Въ крѣпость его тогда не въѣзжали, а останавливались на почтовомъ дворѣ среди обгорѣвшаго во время войны и еще не обстроенаго

* Тутъ уже не Польша, а продолженіе Поморья (Помераніи) или малая Померанія, или Померелія, какъ зовутъ ее Нѣмцы, которая болѣе двухъ сотъ лѣтъ имѣла особыхъ князей, Самбора, Мистивоя, Вязимира и другихъ. Всѣ они упорно и отчаянно дрались съ Ордею. Имъ основаны Гданскъ (Данцигъ), гдѣ и была ихъ столица, Столбо (Стопане) и монастырь Олива, гдѣ они и похоронены. На малое это княжество попеременно нападали Бранденбургъ, рыцари и Поляки; окончательно побѣда осталась за послѣдними. Послѣ смерти послѣдняго князя, по престѣченіи княжескаго рода въ четырнадцатомъ вѣкѣ, Польша присоединила этотъ край къ своимъ владѣніямъ. И для чего? для того чтобы въ восемнадцатомъ его отняли у нея Нѣмцы.

форштата. Пока готовили намъ тутъ обѣдъ и лошадей, я взглянулъ въ зеркало и испугался себя: я весь обросъ бородой; я спросилъ цырульника обрить меня; привели дѣвку; я нашелъ что обычай этотъ хорошъ, только довольно странно. Въ первый разъ обѣдалъ я тутъ за общимъ столомъ и въ первый разъ увидѣлъ вблизи прусскихъ офицеровъ, коихъ за нимъ было множество. Какъ назвать то что отличаетъ ихъ отъ воиновъ другихъ націй? Въ русскомъ языкѣ нѣтъ для того слова, и на французскомъ недавно приискано старинное *outrageance*. Они говорили мало даже между собою, но каждый изъ презрительныхъ взглядовъ ихъ вызывалъ пощечину. Отчего именно прусскіе офицеры такъ нестерпимы въ обращеніи? Оттого что почти всѣ они славянскаго происхожденія, изъ Помераніи, изъ Польши, изъ Шлезіи, изъ Лузачи. Тщеславіе, врожденное въ Славянахъ, въ другихъ земляхъ смягчается ихъ добросердечіемъ, а тутъ оно облечено и закалено въ нѣмецкую грубость. Побѣды Фридерика ихъ возгордили, побѣды надъ ними Наполеона раздражили ихъ. Ничто имъ, сказалъ я про себя, и спасибо Французамъ. Народное самолюбіе еще болѣе возбуждало во мнѣ досаду. У меня передъ глазами была неприступная крѣпость, осажденная Русскими въ Семилѣтнюю войну; я находился въ одной миле только отъ Цорндорфа и въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кунерсдорфа и Гроссъ-Егерндорфа, отъ мѣстъ гдѣ Русскіе подъ предводительствомъ не совсѣмъ искусныхъ генераловъ, Апраксина и Салтыкова, разбили въ прахъ первѣйшаго полководца своего времени. Названія мѣстъ славныя, нынѣ забытыя, едва извѣстныя Русскимъ! я васъ вспоминалъ тутъ. „Что, подумалъ я, еслибы еще когда-нибудь случилось... вѣдь наши лучше прежняго отколотили бы ихъ; но увы, не нашему поколѣнію это видѣть.“

Въ этотъ день мы не попали еще въ столицу Прусской монархіи. Двѣ мили не доѣзжая Мюнхеберга, гдѣ мы ночевали, начиналось шоссе, для меня совершенная невидальщина, ибо въ Россіи мы этой роскоши еще не знали.

При самой благоприятной погодѣ, по тополевой аллеѣ, какъ корридормъ, между двухъ высокихъ, зеленыхъ стѣнъ, 24 мая, прибыли мы въ Берлинъ и остановились въ Петербургской гостиницѣ, на Липовой улицѣ, *unter den Linden*, столь извѣстной всѣмъ проѣзжающимъ чужестранцамъ. Странно, что города, гдѣ бываю я лѣтомъ, въ хорошую погоду, всѣ мнѣ

правятся; оттого-то, вѣроятно, полюбился мнѣ для всѣхъ скучный Берлинъ. Онъ далеко простирается на сѣверъ и на югъ; одна Фридрихштрассе, пересѣкающая Липовую улицу, имѣетъ три версты протяженія; но кто кромѣ жителей знаетъ тѣ кварталы? Тутъ же, гдѣ мы остановились, на маломъ пространствѣ сосредоточивается вся жизнь Берлина, который послѣ Петербурга регулярностію своею меня удивить не могъ. Липовая аллея, въ четыре ряда деревьевъ, занимающая середину улицы, не знаю длины имѣетъ ли болѣе полуверсты, начинается у большого королевскаго дворца и оканчивается у Бранденбургскихъ воротъ, гдѣ застава и выѣздъ изъ города. По обѣимъ сторонамъ аллеи находятся всѣ гостиницы, а изъ середины ея чрезвычайно пріятный видъ на прекрасныя ворота, совершенно греческія пропилсы, съ возвышающеюся надъ ними бронзовою Викторіей, похищенною Французами и опять тутъ возстановленною. Тотчасъ за воротами начинается Тиргартенъ, звѣринецъ или паркъ, и бѣлизна колоннъ ихъ еще болѣе видѣется на густой зелени его деревьевъ. Удобство немалое изъ центра города, черезъ четверть часа, быть на свѣжемъ воздухѣ, среди прохлады прекрасной рощи.

Нѣкоторыя починки въ каретѣ и необходимость переменить все болѣе, ибо на столь продолжительномъ пути мы всѣ обносились, заставили насъ дни на четыре остановиться въ Берлинѣ. Не разъ бывши за границей, Блудовъ успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя знакомства; сверхъ того, какъ немаловажный дипломатическій агентъ, нѣкоторымъ образомъ обязанъ былъ посѣщать русскихъ дипломатовъ и получать отъ нихъ приглашенія. Два дни сряду обѣдалъ онъ у нашего посланника Алопеуса и у португальскаго Лобо. Я же велъ уличную жизнь, по лѣности моей находя что на столь короткое время не стоитъ труда представляться и знакомиться. Пользуясь свободою, я старался и успѣлъ видѣть почти все что въ этомъ городѣ есть примѣчательнаго: но подробно описывать видѣнное мною не стану.

Дворецъ великъ; насъ водили по комнатамъ его. Ихъ роскошь была старинная, благоразумная, слѣдственно не изумительная: широкіе размѣры, штофныя обои, хорошіе паркеты, большія зеркала, мѣстами позолота, все какъ слѣдуетъ, безъ преувеличенія. Нашъ чичероне толковалъ все о какой-то драгоценной *кромѣ* Фридерика; я

полагалъ, что это алмазная корона его, а вышло, что подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ люстру изъ восточнаго хрустала, которая, впрочемъ, стоить, говорятъ, 80 тысячъ рейхталеровъ. Всего богаче показалась мнѣ комната, убранная по случаю прѣзда императрицы Елизаветы Алексѣевны; всѣ занавѣсы у оконъ и кровати были изъ серебрано-голубаго газета съ золотыми шнурами, кистями и бахромой. Особый домъ близъ дворца, въ которомъ жилъ король, отдѣланъ былъ, какъ намъ сказывали, болѣе въ новомъ вкусѣ; но хотя онъ былъ въ отсутствіи, не знаю почему насъ въ него не пустили. Въ самый день прѣзда нашего посѣтилъ я театръ, называемый Королевскимъ; играли какую-то нѣмецкую комедію, и весьма не дурно, но мнѣ показалось скучно. Есть еще оперный домъ, въ которомъ бывають великолѣпныя представленія; при насъ, вѣроятно, какъ жется не играли въ немъ.

Церквами этотъ городъ не богатъ; ихъ мало и онѣ не красивы, что доказываетъ и прежнюю бѣдность этого края и недостатокъ усердія къ вѣрѣ въ правительствѣ и жителяхъ. Домкирхе, или соборъ, въ который входилъ я, чтобы посмотреть на могилы послѣднихъ курфирстовъ и первыхъ королей, пространствомъ менѣе всякой петербургской церкви. Одна католическая, Святой Бригитты, нѣсколько замѣчательна; она построена ротондой по образцу римскаго Пантеона. Въ воскресный день былъ я у обѣдни въ нашей Посольской, домовою, церкви, и потомъ у священника Чудовскаго, который показался мнѣ весьма обыкновеннымъ, но весьма порядочнымъ человекомъ. Выходя отъ него на Вильгельмштрассе, по близости, завернулъ я на Вильгельмову площадь, на которой, какъ куклы, разставлены мраморныя статуи шести героевъ Семилѣтней войны, Цитена, Зейдлица, Винтерфельда и другихъ.

Всякій вечеръ гулялъ я по липовой аллеѣ. Мнѣ сказали, что есть Лустгартенъ, увеселительный садъ позади дворца, — захотѣлось мнѣ и тамъ погулять. Я нашелъ тамъ большой, совершенный недостатокъ въ одномъ, въ деревьяхъ, за то простору очень много. Совсѣмъ иное въ Тургартенѣ, куда въ воскресенье вечеромъ направилъ я стопы свои, и направлялъ ихъ по многимъ его направленіямъ: это весьма приятная прогулка. Я поспѣшилъ къ увеселительному мѣсту, гдѣ вдоль рѣчки построены небольшіе домики; какъ сказать,

что это трактирцы, кабачки? Французы называют это гентеть. На воздухѣ передъ ними рядами сидѣли чинно женщины и дѣвицы, довольно нарядныя, съ виду совсѣмъ не принадлежащія къ низшему сословію; мужчины тутъ гуляющіе также были очень хорошо одѣты. Ни одна изъ сидящихъ не была безъ рукодѣля, всѣ вязали чулки; не знаю отчего эта милая простота была мнѣ не по вкусу. Между чудочицами ничто не нарушало благопристойности, хотя вблизи ихъ пуншъ, пиво и табакъ стояли на столѣ. Тутъ, на берегу узенькой Шпре, встрѣтилъ я источникъ будущихъ золъ для всѣхъ чувствительныхъ зрѣній и обоняній въ Европѣ: картавые мальчишки кругомъ кричали: *zigagoss!* и мѣстами растлалась облака табачнаго дыму, конечно, не такъ густо какъ нынѣ въ Павловскомъ воксалѣ, въ виду высокихъ поствительницъ, но все-таки сильно заражали благорастворенный, весенній воздухъ парка.

Посреди Тиргартена находится загородный дворецъ принца Августа, называемый Бельвю; по усталости не вошелъ я въ садъ его. Далѣе, съ полмили отъ Бранденбургской заставы, Шарлоттенбургъ съ небольшимъ садомъ. Такая близость мнѣ нравится; я люблю гдѣ *ruis* и *urbs* сходятся, чтобы бѣднымъ людямъ не далеко было ходить за невинными наслажденіями природы. Тогда по широкой аллеѣ парка ѣздили мы въ открытой коляскѣ. Дворецъ Шарлоттенбурга не высокъ, но длиненъ и довольно великъ: хорошо сдѣлано, что сохранили простоту внутренняго его убранства, мода на него опять пришла; по большей части стѣны въ комнатахъ покрыты выбѣленнымъ деревомъ съ вычурными позолочеными украшеніями. Въ одной изъ нихъ съ любопытствомъ остановился я предъ изображеніемъ Фридерика Великаго въ восемнадцать лѣтъ; онъ написанъ совершеннымъ красавцемъ, а между тѣмъ схожъ со всѣми извѣстными его портретами. Весьма искусно живописецъ выразилъ быстрый, пронзительный взглядъ его, предъ коимъ на одинъ мигъ опустилъ я глаза, и въ коемъ есть нѣчто не земное, хотя и не небесное. Малую только часть сада успѣли мы видѣть; мы ходили смотрѣть великолѣпный памятникъ королевы Луизы. Онъ имѣетъ видъ небольшого греческаго храма, а внутри на продолговатомъ камнѣ находится бѣлая, мраморная, лежащая статуя ея, чудесное произведеніе знаменитаго ваятеля Рауха. Видѣвъ ее въ Петербургѣ, я нашелъ большое сходство; какъ

во снѣ она кажется живая; по сторонамъ сходы въ склепъ, въ которомъ положено ея тѣло. Королеву похоронить не въ Божіемъ храмѣ, а въ саду! Оно такъ и слѣдуетъ, можетъ-быть, по-протестантскому, но только что-то не хорошо по нашему, по-христіанскому.

Я не видѣлъ общества въ Берлинѣ и не могу судить о немъ; за то сколько можно поверхностно, въ короткое время, старался я разглядѣть Берлинцевъ вообще. Я замѣтилъ въ нихъ претензіи на какую-то особую щеголеватость, чрезвычайныя усилія подражать во всемъ ненавистной имъ Франціи. Самъ Фридерикъ, прозванный Великимъ, во всемъ что касалось до блеска двора, перенималъ у Лудовика XV, котораго онъ такъ презиралъ; философы и другіе Французы, его часто поощравшіе, вмѣстѣ съ невѣріемъ старались распространять любезность въ обществахъ; однимъ словомъ, имъ введена галломанія въ Пруссію. Послѣ него, супруга его преемника, одна изъ гордыхъ принцессъ гессенъ - дармштатскихъ, родная сестра Натальи Алексѣевны, первой супруги Павла Перваго, умѣла поддержать все величіе королевскаго достоинства. Но лишь только она овдовѣла, молодая, прекрасная, веселая Луиза какъ бабочка вспорхнула на тронъ, и всѣ сердца къ ней полетѣли. Она жила среди забавъ и охотно раздѣляла ихъ со всѣми, безъ большаго различія. Веселость Нѣмокъ выражается обыкновенно смѣхомъ, пляской, нарядами: складу въ рѣчахъ не ищи тутъ. Если же которая изъ нихъ примется за умъ, то она не станетъ попустому тратить его на замысловатость и острословіе въ разговорахъ, не предастся его кокетству столь обворожительному даже въ старѣющихъ Француженкахъ; она ухватится за науку, за сентиментальность, за педагогство. Въ этомъ нельзя было упрекать королеву Луизу; долго изъ чаши жизни пила она одиѣ только радости; тогда по голосу ея, какъ отъ звуковъ волшебной флейты, вся Пруссія запрыгала. Тряпичная, но не менѣе того раззорительная роскошь при ней доходила до настоящей модоманіи. Въ Парижѣ едва лишь мода успѣетъ тогда провозгласить новый законъ, а Берлинъ спѣшитъ первый привести его въ исполненіе.* Весе-

* Нѣмки великія охотницы наряжаться, за то онѣ и великія мастерицы въ этомъ дѣлѣ; оттого-то и вкусъ ихъ къ маскарадамъ. Какъ бывало въ ребячествѣ съ нетерпѣніемъ ждалаъ я святокъ

дость двора уменьшила его важность въ глазахъ народа: но въ Германіи это еще не бѣла; тамъ на каждомъ шагу встрѣчаютъ членовъ владѣтельныхъ фамилій, и скорѣе любятъ свободное ихъ обхожденіе. Но худо то, что Пруссія была одна только держава, которая сохраняла постоянныя сношенія съ конвентомъ и директорією Французской республики. Революціонеры безпрепятственно прѣзжали въ нее и разсѣвали въ ней духъ якобинизма, къ чему она и приготовлена была безбожіемъ правительства. Сколько мнѣ извѣстно, Пруссаки до войны въ великомъ полководцѣ Франціи видѣли продолженіе революціи, а онъ былъ Наполеонъ, сокрушитель ея. Можетъ-быть

и появленія перереженной дворни, по большей части въ вывороченныхъ тулупахъ, такъ въ первой молодости съ радостнымъ трепетомъ видѣлъ я, многогрѣшный, приближеніе вторника на первой недѣли поста, когда бывають такъ-называемыя нѣмецкіе маскарады. Но, право, очень безвкусно вкушалъ я отъ сего запрещеннаго влады; наглядѣться на странныя, чудныя или блестящіе наряды, — вотъ въ чемъ состояла вся моя претензія. Чего, бывало, Нѣмки и Нѣмцы тутъ не выдумаютъ! И какая вѣрность, точность въ сохраненіи костюмовъ! Большая часть изъ нихъ безъ масокъ, пресерьіозно разговариваютъ съ встрѣчающимися знакомыми, а незнакомымъ маскированнымъ просто не отвѣчаютъ. Услышишь, какъ Рейтценштейнберггоферша богато одѣта! или какъ Лисхель мила наступкой! или какъ Лоттхенъ въ амазонскомъ платьѣ хорошо держитъ пуку! Все это степенно тянется церемоніальнымъ маршемъ, и сколько пройдетъ мимо тебя глухыхъ фигаго, скучныхъ пьерро и неподвижныхъ зрелищевъ. Не суйся говорить съ ними: одинъ съ досадою что-то пробормочетъ, другой отвернется, третій, поучитъ те, покажится и пойдетъ далѣе: вотъ и все тутъ. Послѣ, когда я былъ постарѣе, мнѣ это не только маскучило, даже опротивѣло. Но когда, сквозь пеструю толпу, увидишь быструю походку, когда подъ широкимъ простымъ капуциномъ угадаешь ловкія движенія, будь увѣренъ что это француженка, послѣши къ ней, изъ-подъ маленькой черной маски, подлюбуйся бѣленькой шейкой, миленькимъ подбородкомъ и какъ звѣзды блестящими глазами, заговори съ ней смѣло, она отвѣтитъ тебѣ умно, оригинально, забавно и пристойно, и если слегка козынетъ твое самолюбіе, то такъ мило что скорѣе захочешь смѣяться чѣмъ сердиться: вотъ наслажденіе. Гораздо болѣе богатства, но право не болѣе ума въ этихъ торжественныхъ шествіяхъ, недавно, какъ великія забавы, введенныхъ въ употребленіе. Да и самыя живыя картины, гдѣ нужно только разодѣться, да съ минуту неподвижно постоять или посидѣть, должны быть непременно выдумкою Нѣмокъ.

это самое было причиною недостатка въ усиліяхъ всенародно сопротивляться ему. Съ другой стороны, Франція такъ привыкла къ покорности Пруссіи, что разрывъ ея съ нею Наполеонъ почиталъ почти мятежемъ, а побѣды свои усмирениемъ его. Не похитителя престоловъ, а истребителя свободы народовъ, возненавидѣла въ немъ раздавленная имъ Пруссія; не законнаго монарха, благодушнаго и твердаго, полюбила она въ Александрѣ, а Штейномъ обѣщаннаго ей либерала; и я увѣренъ, что тайно Пруссаки были заодно съ врагами порядка во Франціи. Шестилѣтнее, потомъ, пребываніе Французовъ и владычество ихъ имѣли также сильное вліяніе на нравы этой земли, и она осталась грубымъ отпечаткомъ непріязненнаго ей народа. Самый нѣмецкій языкъ наполнился французскими словами, какъ напримѣръ, *die elegante Welt, die Eleganz*, за которою такъ неудачно гоняются.

Мнѣ, первый разъ въ жизни увидѣвшему европейскую столицу, въ лучшее время года, послѣ скучнаго путешествія, могъ еще Берлинъ понравиться. Но и мнѣ чего-то не доставало; душа была какъ будто сжата. Военные смотрѣли дерзкими побѣдителями, гражданскіе люди хотѣли казаться глубокомысленными, всѣ вообще почитали себя отлично образованными. Притязанія на первенство между нѣмецкими городами, зависть противъ Вѣны и Петербурга, о красѣ и пріятностяхъ коихъ Берлинцы равнодушно не могутъ слышать, наконецъ, изъ-за довольно прихотливой роскоши сквозящая шпарзамкейтъ, что гораздо сильнѣе нашей бережливости,—все это, конечно, довольно смѣшно, но то что смѣшно не всегда бываетъ забавно. Берлинъ прослылъ скучнѣйшимъ городомъ въ мірѣ, и даже Русскіе, которые нынѣ вездѣ шатаются, бываютъ въ немъ только проѣздомъ.

Мы оставили его 28 числа поутру. Въ Потсдамѣ не удалось намъ посмотреть на жилище великаго Фридерика, ни на Сансуси его, а успѣли только-что отобѣдать. Въ Трейенбриценѣ, гдѣ мы ночевали, была старая граница, въ послѣднее время далеко за Эльбу передвинутая, но тогда таможня не была еще перенесена. Пьяный чиновникъ ея явился было очень грубо насъ осматривать и былъ весьма недоволенъ когда ему доказали, что онъ не имѣетъ на то права. На другой день въ Виттенбергѣ такая же неудача какъ наканунѣ въ Потсдамѣ. Естественной потребности—обѣдать пожертвовали мы благополучіемъ поклониться могиламъ великихъ мужей Гер-

маніи. Прахъ Лютера и Меланхтона былъ близко отъ меня въ большой церкви, а мнѣ не судьба была взглянуть на ихъ памятники. Третій годъ только край этотъ находился во владѣніи Пруссіи, и жители его сохраняли еще прежній, простодушный видъ свой. Хозяинъ трактира, гдѣ мы обѣдали въ Виттенбергѣ, добрый старикъ, со слезами на глазахъ говорилъ намъ о другомъ добромъ старикѣ, королѣ саксонскомъ, коего отеческаго управленія лишились они. Вдругъ онъ спохватился, испугался и немного наклонясь сказалъ шопотомъ: die Herren, Preussen sind zu nahe (господа, Пруссаки близко). Бѣдняжка! онъ думалъ, что всѣ такъ же ненавидятъ и боятся Пруссаковъ какъ Саксонцы и всѣ другіе Нѣмцы. По навѣденному мосту переѣхали мы черезъ Эльбу, коей берегъ такъ же тутъ песчанъ какъ днѣпровскій; шоссе еще не было, мы часто вязли и съ нѣмецкою вѣдой долго тащились до городка Шмидеберга. Это у насъ отняло много времени, но мы успѣли сдѣлать еще одну станцію до Дюбена и далѣе не поѣхали.

Въ одиннадцатомъ часу утра на другой день увидѣлъ я съ ребячества знакомый мнѣ Лейпцигъ. Въ немъ учился учитель мой, добрый мужъ, который вѣчно про него разказывалъ. Этотъ городъ, и ученый и торговый, всегда оживляемый университетомъ и часто ярмарками, мнѣ показался не великъ. Послѣ того онъ распространился, но въ это время былъ онъ весь сжатъ и вытянутъ вверхъ; улицы преуменьскія, а дома въ пять или въ шесть этажей; у самаго же въѣзда его, кругомъ прелестнѣйшіе сады. Это мнѣ чрезвычайно нравилось въ старинныхъ нѣмецкихъ городахъ. Зимой, когда воздухъ сдѣляется свѣжъ и перестанетъ быть заразителенъ, всѣ соберутся на небольшомъ пространствѣ. Чтобы посѣтить пріятеля или знакомаго, на улицѣ, нужно сдѣлать только два шага; за то, правда, взойти надобно и сойти сотню ступеней по лѣстницѣ. Кареты дѣлаются излишними; въ первый разъ увидѣлъ я тутъ портшезы, одномѣстныя каретки на носилкахъ; для жителя Петербурга зрѣлище довольно странное. Въ Отель де-Франсъ, на Флейшерской улицѣ, гдѣ остановились мы, я кажется и часу не посидѣлъ дома; было гдѣ погулять и на что посмотреть.

Сперва лазилъ я на Плейссенбургъ (остатокъ древняго укрѣпленія, чрезвычайно высокая башня съ обсерваторіей). Оттуда смотрѣлъ я не на небо, а на знаменитое поле Лейп-

цигской битвы, гдѣ началось рѣшительное паденіе Наполеона. Тутъ все было какъ на ладони, и снисходительный, услужливый смотритель указывалъ мнѣ на мѣста, гдѣ находились какія войска. Кто не бывалъ никогда въ Лейпцигѣ, тотъ не посѣтилъ значить и Плейссенбурга; въ огромномъ фоліантѣ, гдѣ все вписываются, смотритель заставилъ и меня похоронить свое имя. Оттуда пошелъ я въ загородный садъ Рейхеля, у самыхъ городскихъ воротъ находящійся. Безъ дальнихъ украшеній онъ чрезвычайно великъ и хорошо содержался. Въ большомъ каменномъ домѣ была ресторація, а въ каждой куртинѣ, въ густотѣ деревьевъ спрятанный небольшой домикъ, съ прекраснымъ цвѣтникомъ, и надобно было нарочно заглянуть чтобъ увидѣть его. Холостые и семейные, смотря по величинѣ домиковъ, занимали ихъ на дѣто. Въ этомъ случаѣ какъ не отдать справедливости Нѣмцамъ: они лучше насъ умѣютъ наслаждаться природой. Привлеченный названіемъ, заходилъ я въ Розенталь, дубовую рощу, гдѣ не видалъ я ни одной розы. Окончилъ я бѣготню свою достойнымъ примѣчаніемъ садомъ Рейхенбаха. Хозяинъ, вѣроятно весьма богатый человекъ, со вкусомъ и роскошью изукрасилъ его. На берегу одной изъ двухъ рѣчекъ, Эльстера и Плейсы, между коими онъ находится, построены хорошенькій павильоны. У этого мѣста, французскій маршалъ, князь Іосифъ Понятовскій, съ лошадыю бросился въ рѣку, когда Французы черезъ сады, огороды, овраги, куда ни попало, опрометью кинулись отъ союзниковъ-побѣдителей. Эльстеръ, (по-русски сорока) весьма не широка, но чрезвычайно глубока, берегъ ея не высокъ, но крутъ; и сія сорока-воровка похитила у Поляковъ надежду ихъ, ибо Понятовскаго прочли они себѣ въ королѣ. Подлѣ павильона, на берегу рѣчки, самъ хозяинъ воздвигъ тутъ небольшой памятникъ погибшему герою. Но другой, гораздо болѣе, въ видѣ продолговатаго могильнаго камня, поставили Поляки посреди сада; на немъ нашелъ я много надписей сдѣланныхъ карандашемъ* польскими патриотами; очень нужно было какому-то русскому начертать и свои сожалѣнія о его участи. Предокъ Понятовскаго, сѣдуя за Карломъ XII, вездѣ сражался съ нашими войсками, и хотя дядя его, Станиславъ, Россіи былъ обязанъ королевскимъ титуломъ своимъ, племянникъ не отказался отъ наслѣдственной къ намъ ненависти. Нынѣ, подѣ русскимъ управленіемъ, и въ Варшавѣ,

если не ошибаюсь, поставленъ памятникъ заклѣтому врагу нашему.

Болѣе меня свѣдущій въ исторіи, Блудовъ утверждалъ, что Лейпцигъ построенъ Славянами подъ именемъ Липецка. Мнѣ казалось это невѣроятнымъ, но я не спорилъ, ибо тогда мнѣ было все равно. Впрочемъ и нынѣ я такъ далеко не простираю своихъ видовъ; я гораздо скромнѣе въ желаніяхъ своихъ; лишь бы до Одера могъ съ этой стороны дойти славянскій міръ и православіе, душа его, я былъ бы совершенно доволенъ.

Во время продолжительной прогулки моей по Лейпцигу и его садамъ,—прогулки весьма пріятной,—непріятно мнѣ было только часто встрѣчать студентовъ. Въ другихъ мѣстахъ нельзя ихъ различить отъ прочихъ молодыхъ жителей, а тутъ, среди смирнаго населенія Лейпцига, легко было узнать ихъ по ихъ дерзкимъ взглядамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, еще весьма немногіе, одѣлись въ странный нарядъ по портретамъ Алберта Дюрера, въ черной шапочкѣ, въ черномъ почти казачьемъ короткомъ платьѣ, съ распущенными волосами. Это, кажется, называлось *алтдейтисъ* и возвѣщало желаніе единства Германіи, чего осудить никакъ нельзя; но призваніе на помощь воспоминаній ея древности по моему плохое къ тому средство. Конечно, при прежнемъ раздробленіи ея на мелкія частицы, власть императорская была гораздо сильнѣе; но того ли хотятъ молодые Нѣмцы? По невѣжеству моему привыкъ я почитать студентовъ взрослыми, большими школьниками, подчиненными строгому порядку, которымъ слѣдуетъ доучиваться, а потомъ, вступивъ на какое-либо поприще, присоединять опытность къ прибрѣтеннымъ познаніямъ. Такъ, кажется, оно и было въ Германіи до 1813 г. Страдая отъ владычества Франціи и въ то же время заражаясь ея идеями, профессеры вводили сихъ несовершеннолѣтнихъ въ тайныя общества, дѣлали ихъ участниками своихъ замысловъ и готовили ихъ быть орудіями освобожденія отечества. Пришли Русскіе, настоящіе избавители, тогда всѣ они, въ товариществѣ съ профессорами, являлись на поляхъ сраженій. Послѣ того возрасли они какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ общемъ мнѣніи, и сдѣлались въ Германіи особою грозною стихіей. Вездѣ слышали они громкое имя свободы, на дѣлѣ же еще мало ее видѣли, а злодѣи профессеры продолжали возбуждать ихъ. Въ

нетерпѣннн своемъ, кипучая ихъ молодость успѣла тогда уже выказать мятежный духъ свой; въ предыдущемъ году собравшись изъ разныхъ университетовъ въ Вартбургъ, успѣли уже они, среди непристойной оргіи, пѣть возмутительныя пѣсни и жечь знаки монархическихъ установленій; между ими несчастный Сеидъ, хладнокровно изступленный Зандъ, точилъ уже тогда кинжалъ на Коцебу. Въ слѣдующихъ годахъ строгія мѣры приняты противъ главныхъ виновниковъ, профессоровъ, Окена и другихъ, на время усмирили ихъ буйство. Я начиналъ вступать въ тотъ возрастъ, въ которомъ на двадцатилѣтнихъ смотрять почти какъ на мальчиковъ, и эти показались мнѣ досадны и несносны.

Кромѣ пріятнаго отдохновенія ничто не удерживало насъ въ Лейпцигѣ, и на другой день, послѣднее число мая, рано поутру мы оставили его. Цѣлый день видѣли мы мѣста прелестныя, чудесныя, но въ продолженіе послѣднихъ столѣтій часто орошаемыя потоками крови человѣческой. Сперва Лютценъ: еслибы мы забыли о Густавѣ Адольфѣ, о немъ напомнилъ бы намъ поставленный ему тутъ памятникъ. Далѣе Россбахъ, гдѣ Пруссаки вѣчнымъ стыдомъ покрыли Францію; потомъ Наумбургъ, коего имя тѣсно связано съ воспомананіями о Гусситахъ, * и наконецъ Ауэрштадтъ, гдѣ Французы за Россбахъ воздали Пруссакамъ сторицею. Я не буду говорить о другихъ примѣчанія достойныхъ мѣстахъ, чрезъ кои въ этотъ день мы проѣхали: о Вейссенфельсѣ, столицѣ уже несуществующаго герцогства, отъ коего остался въ немъ одинъ старинный дворецъ, ни о Экартсбергѣ, гдѣ въ развалинахъ древній замокъ, построенный маркгра-

* Въ Англіи, принявъ ученіе Веклефа, можетъ-быть заблуждался Иванъ Гуссъ; за то и былъ онъ изжаренъ на Константскомъ соборѣ. Жаль что за догматами вѣры не обратился онъ къ Царюграду, тогда еще (въ 1400 году) турецкимъ мечемъ не покоренному; Господь Богъ спасъ бы его, а они утвердились бы въ Богеміи. Хотя Нѣмцы и почитаютъ его предтечею Лютера, но поносятъ его, ибо онъ первый съ успѣхомъ дерзнулъ сильно возстать противъ католицизма и германизма, враждебныхъ славянской породѣ. Не менѣе того нѣмецкіе историки стараются затмить славу неукротимаго, немолчимаго предводителя Гусситовъ Ивана Жижки и преемника его великаго Прокопія. Чехи не смѣли донныя вступить за нихъ: авось ли между чешскими или нашими писателями найдется, наконецъ, защитникъ памяти сихъ трехъ безсмертныхъ мужей.

фомъ Экартомъ и служившій потомъ притономъ многочисленной разбойничьей шайкѣ. Я спѣшу въ Веймаръ, гдѣ въ этотъ же вечеръ простились мы съ маемъ мѣсяцемъ и встрѣтили июнь, разумѣется по нашему, по старинному численію.

Имя Веймара извѣстно всѣмъ состояніямъ въ Россіи, вездѣ произносится оно въ ней съ любовію и почтеніемъ; въ этомъ городѣ болѣе тридцати лѣтъ живетъ великая княгиня, еще болѣе русская по сердцу и по чувствамъ чѣмъ по имени. Покоряясь судьбѣ, живетъ она вдали отъ Россіи, которая осталась ея любимой мечтой: она часто осуществляется передъ нею провѣзжими Русскими; всѣ они смѣло идутъ къ ней на поклоненіе. Блудовы обязаны были явиться къ Маріи Павловнѣ, особенно Анна Андреевна, которая, нѣсколько лѣтъ находясь при императорскомъ дворѣ, была ей лично извѣстна и знакома. Мнѣ же хотѣлось и можно было бы, и даже слѣдовало, ей представиться, да со мной мундира не было. Но въ этомъ случаѣ какой церемоніаль соблюдается при маленькомъ дворѣ? Съ почтеніемъ и за совѣтами пошли мы съ Блудовымъ къ находившемуся тутъ, на обратномъ пути изъ чужихъ краевъ въ Россію, князю Александру Борисовичу Куракину. Онъ остановился въ Веймарѣ на все лѣто, въ ожиданіи прибытія осенью вдовствующей императрицы, которой всею душой былъ онъ преданъ, и которая въ старости, послѣдній разъ хотѣла еще взглянуть на родину. Достопочтенный и можно сказать милый старецъ, нѣкогда мой начальникъ и всегда милостивецъ, встрѣтилъ насъ съ улыбкой радости, казался здоровъ, весель, шутилъ, вспоминалъ со мною о Пензѣ и о нашемъ Симбухинѣ, и разказалъ какъ поступить въ дѣлѣ представленія.* Въ тотъ же день великая княгиня прислала придворную карету свою за Анной Андреевной, приняла ее у себя за-просто и предложила ложу свою

* Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ того скончался онъ въ Веймарѣ отъ приключившейся ему внезапно болѣзни. Онъ былъ сложенія крѣпкаго и могъ бы долго прожить; но во время пожара бывшего въ Парижѣ, на праздникѣ у князя Шварценберга, по случаю свадьбы Наполеона, гдѣ сгорѣла и невестка самого Шварценберга, спасающагося толпой былъ онъ опрокинутъ и истоптанъ. Онъ вышелъ съ обгорѣвшими волосами и руками и никогда въ здоровьѣ своемъ послѣ того не могъ поправиться. Согласно желанію его, похоронили его въ церкви Павловскаго, гдѣ императрица поставила ему памятникъ, съ надписью: Другу супруга моего.

въ театрѣ. Не имѣя права вступать въ нее, я пошелъ въ него за свои деньги, нашелъ что оны очень хороши, но что играли въ немъ? пусть не спрашиваютъ, совѣстно сказать, не помню.

Это точно непростительно: Веймаръ почитался нѣмецкими Афинами; Шиллеръ, Гёте, Виландъ, Гердеръ долго жили въ семь городкѣ, подъ покровительствомъ старой герцогини Луизы; слѣдственно и на сценѣ кромѣ изящнаго ничего быть не могло. Поименованныхъ писателей не было уже на свѣтѣ, одинъ Гёте былъ живъ и тотъ находился въ отсутствіи. Чиновникъ посольства, или повѣренный въ дѣлахъ, Струве, племянникъ чудака мною нѣкогда изображеннаго, предложилъ Блудову идти осмотрѣть его жилище; я не сопровождалъ ихъ; такая набожность къ знаменитости въ моемъ мнѣніи не столь высокой, еще живой, чужеземной, показалась мнѣ непонятною и неумѣренною.

Наши путешественники очень хорошо знаютъ теперь, что всѣ эти нѣмецкія великокняжескія резиденціи точно то же, ни болѣе ни менѣе, что загородная, увеселительная мѣста нашихъ царей. Народонаселеніемъ и тогда Веймаръ былъ богаче Царскаго Села, но простраствомъ и на половину не могъ съ нимъ равняться. Изъ нашихъ комнатъ, въ гостиницѣ Слона, на площади въ срединѣ города, вездѣ не въ дальнемъ разстояніи можно было видѣть выѣзды изъ него: дома были тѣсно между собою построены, но не высоки, и не красивы. Дворецъ герцогскій, который я видѣлъ только снаружи, показался мнѣ обширенъ, а паркъ его, пріятно и искусно расположенный, еще болѣе. Я не замѣтилъ тутъ павильоновъ, памятниковъ и тому подобныхъ обыкновенныхъ украшеній парковъ; видѣлъ въ немъ только продолговатую безъ купола грекороссійскую церковь нашу, и на другой день, который былъ воскресный, я пошелъ въ нее.

Болѣе всего хотѣлось мнѣ взглянуть на великую княгиню. Во время обѣда, обыкновенно, она замѣчала всѣ новыя лица, послѣ того разспрашивала о нихъ и подзывала къ себѣ; я не намѣренъ былъ представляться и старался такъ стать чтобы мнѣ хорошо было видѣть ее, а ей совсѣмъ не видать меня. Изъ малаго числа присутствовавшихъ примѣтилъ я только одну, мнѣ послѣ столь знакомую княгиню Мещерскую, которая два года какъ тутъ поселилась: это была Ка-

герина Ивановна, жена синодальнаго оберъ-прокурора, сестра будущаго министра Чернышева и мать будущаго руссо-французскаго писателя, князя Элима. Послѣ обѣдни, Блудовы переодѣлись, нарядились и поѣхали представляться къ велико-герцогскому двору, послѣ чего получили приглашеніе къ обѣду. По возвращеніи ихъ, я съ любопытствомъ обо всемъ разспрашивалъ, и мнѣ не отказано было въ удовлетвореніи. Королевскія повадки герцогини Луизы, подобострастіе придворныхъ, коимъ умѣла она окружить себя, и позачиности мнѣ понравились: жаль только, что не на болѣе возвышенной сценѣ она была поставлена. Сестры ея, русская, Наталья Алексѣевна, прусская, вдовствующая королева, уже покойныя, и маркграфиня баденская, мать императрицы Елизаветы Алексѣевны, такъ же какъ и она, на самомъ краю поддерживали еще величіе владѣтельныхъ особъ, когда въ цѣлой Европѣ оно готово было рушиться. Послѣ изображенія свекрови, мнѣ пріятно было слышать о любезности невестки, не менѣе исполненной достоинства, также о похвалахъ, которыя неволью расточала она отечеству своему, даже блеску и бѣлизнѣ нашихъ снѣговъ. О ихъ мужьяхъ упомянуто было мало; впрочемъ извѣстно, что одинъ былъ старый, почтенный воинъ времянь Фридерика, а нынѣ царствующій сынъ и наслѣдникъ его — весьма добрый и простой человѣкъ.

Послѣ Веймара, что станція то столица или по крайней мѣрѣ извѣстный городъ. На первой станціи, въ укрѣпленномъ Эрфуртѣ, мы остановились не надолго. Намъ указали домъ, гдѣ жилъ Александръ, а не тотъ, въ которомъ принималъ его Наполеонъ. Тутъ опять увидѣлъ я подъ именемъ Орла Прусскаго чернаго ворона, въ бѣломъ полѣ, который такъ надѣлъ мнѣ, также и синіе мундиры съ оранжевымъ воротникомъ прусскихъ почтарей, послѣ которыхъ полюбился было мнѣ даже канареечный цвѣтъ саксонскихъ. Пруссія по всей сѣверной Германіи провела черезполосныя владѣнія свои, съ явнымъ намѣреніемъ при удобномъ случаѣ захватить между ними лежащее и приблизиться къ великой цѣли единства Германіи.

Въ Готѣ, не вѣзжая въ городъ для перемѣны лошадей, останавливаются на горѣ, откуда, впрочемъ, весь онъ виденъ. Онъ обширнѣе и болѣе похожъ на столицу чѣмъ Веймаръ: жаль мнѣ было, что вблизи не могъ я посмотрѣть на мѣсто изданія любимаго моего *Готскаго Календаря* и житель-

ства издателя его, всемірнаго путеводителя Рейхардта. Ночевали мы въ другой, только бывшей столицѣ, Эйзенахѣ. Вся эта страна принадлежала нѣкогда къ обширнымъ владѣніямъ ландграфовъ Тюрингенскихъ; когда же досталась Саксонскимъ герцогамъ, они почали дробить ее на удѣлы между сыновьями и внуками; оттого-то такъ много саксонскихъ линій, изъ коихъ нѣкоторыя пресѣклись. Русскій съ деньгами въ Германію не умретъ съ голоду, вездѣ накормятъ его дешево и сытно; но это могло случиться съ нами въ Эйзенахѣ. Хозяинъ гостиницы Полулунія, воспитанный на французскій манеръ, нашель, вѣроятно, что желудки образованныхъ людей какъ мы не могутъ вынести другой пищи кромѣ самой деликатной, подаль намъ къ ужину легонькій бульйонъ, цыплятъ и бисквиты: извѣстно каковъ аппетитъ у путешественниковъ, но намъ было и смѣшно и досадно.

Выѣхавъ оттуда на другой день, мы забыли и голодъ, и едва чувствовали жаръ, который безпрестанно увеличивался, до того окрестности дороги, по которой проѣзжали мы, были живописны и очаровательны: это были остатки знаменитаго Тюрингенскаго лѣса, нѣкогда страшнаго. Мы взглянули на Вартбургъ, гдѣ недавно происходили преступныя проказы университетской молодежи; далѣе подивились двумъ челоуѣкообразнымъ скаламъ, извѣстнымъ подъ именемъ монаха и монахини. Мнѣ хотѣлось бы увѣрить по крайней мѣрѣ католиковъ, что это обращенные въ камень Августиніанскій монахъ Мартынъ Лютеръ и клятвопреступная монахиня его Катерина де-Бора, нарушившіе произнесенные ими обѣты; но мы живемъ не въ вѣкъ Овидіевыхъ превращеній. Если не столицы, то небольшіе города за Эйзенахомъ встрѣчаются намъ при каждой перемѣнѣ лошадей: Марксулъ, Фахъ, Буттларъ. Первый въ прошедшемъ вѣкѣ пересталъ быть также столицей небольшого Саксонскаго герцогства, коему давалъ свое имя; послѣдніе два находятся уже въ Гессенъ-Кассельскихъ владѣніяхъ.

Мы довольно рано пріѣхали ночевать въ Фульду, чтобъ увидѣть тутъ въ сумерки пребольшой дворецъ съ большимъ садомъ. Лѣтъ за тридцать до того жительствоваель въ немъ не епископъ, а просто аббатъ, и владѣлъ не однимъ городомъ, а небольшою областью: онъ имѣлъ дворъ, гвардію и до четырехъ тысячъ войска. Такія чудеса могъ творить только римскій католицизмъ и примѣръ папъ. До реформаціи Гер-

манія была наполнена такими князьями-аббатами и князьями-аббатисами; въ новѣйшее время всѣ эти *gefürstete Abthei* были упразднены или секуляризованы. Послѣ Амьенскаго трактата Фульда отдана была принцу Оранскому въ вознагражденіе за потерю правъ въ Голландіи, и онъ тутъ державствовалъ: теперь она простой гессенскій городъ. Какъ сѣверный житель, я не могъ не замѣтить въ Фульдѣ, что начиная отъ самаго Кёнигсберга, величина печей мѣнялась въ формахъ, и все болѣе уменьшаясь по мѣрѣ приближенія къ Рейну, достигла тутъ до пропорцій небольшого чугунаго столба, служащаго какъ бы подножіемъ чугунной вазѣ. Къ удовольствію моему, это доказывало умноженіе теплоты климата, а еще болѣе, какъ на опытѣ я узналъ, горячій темпераментъ жителей. Лѣтомъ до того они раскалятся, что едва достанетъ имъ зимы, чтобы совершенно простыть. За Фульдой пойдутъ опять города, Шлюхтернъ, Саальмюнстеръ, Гелнгаузенъ, кои, подобно большей части нашихъ, едва ли заслуживаютъ сіе имя, развѣ потому только что обведены валящеюся каменною стѣной и при вѣздахъ имѣютъ небольшія башни. Послѣ нихъ Ганау, съ дворцемъ, долженъ былъ показаться намъ большимъ городомъ. Въ немъ прежде имѣлъ пребываніе наслѣдникъ Кассельскаго престола и назывался графомъ Ганаусскимъ. Но и этотъ городъ не остановилъ насъ; мы разочли, что еще поспѣемъ въ Франкфуртъ на Майнѣ, куда и прибыли 5-го іюня къ вечеру.

Главный изъ оставшихся четырехъ Вольныхъ Имперскихъ городовъ, мѣстопробываніе Германскаго сейма, Франкфуртъ нѣкоторымъ образомъ можетъ почитаться столицею всей Германіи, и путешественникамъ нельзя въ немъ не остановиться. Тутъ же приходилось мнѣ разстаться съ любезнѣйшими моими спутниками. Висбаденъ находился въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ только миляхъ. Но въ жаркое время почувствовалъ я совершенное облегченіе, и мнѣ растолковали, что для полнаго курса лѣченія нужно мнѣ не болѣе шести недѣль, а около трехъ мѣсяцевъ оставалось еще того что называютъ воднымъ временемъ года, *saison des eaux*. Я уже не такъ топорился, къ тому же мнѣ чрезвычайно хотѣлось повидаться съ любимою сестрой. На продолжительномъ пути, люди вѣдущіе вмѣстѣ обыкновенно подъ конецъ ужасно какъ надѣдають другъ другу: тутъ видно этого не было, ибо Блудовы стали уговаривать меня доѣхать съ ними до Шалона, откуда

очень близко до Ретеля, гдѣ находились мои родные. Предложеніе это было мнѣ слишкомъ по-сердцу, чтобъ я не принялъ его. Но если уже разъ измѣнился первый планъ мой, сказали мнѣ, то почему бы мнѣ не доѣхать до Парижа, что другой случай не скоро представится, и притомъ въ Парижѣ я могу выписать брата и сестру. Какъ сказано, такъ и сдѣлано, и въ тотъ же день о намѣреніи моемъ я написалъ къ брату въ Мобѣжъ.

Коль скоро дѣло рѣшено что я увижу Парижъ, на Франкфуртъ что-то не хотѣлось уже мнѣ и смотрѣть. А стоило того: онъ образуетъ полукружіе, коего оба конца упираются въ рѣку Майнъ; такъ же какъ Лейпцигъ онъ не великъ, но гораздо лучше и пышнѣе его, разодѣтъ онъ въ великолѣпные, обширные сады, которые внѣ города тянутся далеко отъ него, въ иномъ мѣстѣ на полмили; примыкая къ нему узкимъ концемъ они составляютъ вокругъ него какъ бы огромный, распушенный зеленый вѣрвь. Этого мало: какъ цвѣтною лентой весь опоясанъ онъ бульваромъ, который, обхватывая его, идетъ изъ конца въ конецъ. Мѣсто, которое занимали сломанныя стѣны, срытый валъ и засыпанные рвы, расчищено и засажено деревьями и кустами: подъ скромнымъ именемъ бульвара это преширокій и еще болѣе длинный садъ, въ которомъ проведены излучистыя дорожки. Преимущественно онъ былъ наполненъ розовыми кустами; а какъ въ это время всѣ они были въ цвѣту, то глазъ могъ любоваться милліонами розановъ. Я пристрастился къ этому мѣсту, и три дня что мы тутъ пробыли, утромъ и вечеромъ, ходилъ гулять въ него. Другаго ничего не хотѣлось мнѣ видѣть: ни городскихъ памятниковъ, ни даже знаменитыхъ садовъ, которые у меня были въ виду: отчего? Самъ не знаю; можетъ-быть отъ пресыщеннаго, притупленнаго любопытства. Прогуливаясь тутъ, мнѣ случалось иногда мысленно переноситься не въ темныя, а въ мрачныя времена европейской исторіи, не столь отъ насъ отдаленныя. На этомъ мѣстѣ, думалъ я, гдѣ нынѣ благоухаютъ розы, гдѣ столько пріятностей и удобствъ для прогуливающейся безпечности, такъ же какъ и во всѣхъ городахъ Западной Европы, вѣчно тревожные жители сторожили приближеніе враговъ: ни покоя, ни безопасности не знали люди. Шайки, числомъ разбойниковъ равняющіяся сильному войску, называемыя большими кампаніями, нанимаемы были владѣтельными государями, попеременно служили врагамъ и изъ

платы губили народъ. Ну если подобныя времена возвратятся? Нѣтъ, не можетъ статья, отвѣчалъ я себѣ. Нынѣ, увы, я менѣе чѣмъ прежде увѣренъ въ этой невозможности.

Мы жили на большой улицѣ Цейль, всеѣмъ проѣзжающимъ извѣстной, въ гостиницѣ подѣ выѣвской „Римскаго Императора.“ Большая деревянная человѣческая фигура, вся вызолоченная, въ мантии и съ короной, поставлена была надѣ воротами. Нигдѣ принцы такъ не приглядѣлись какъ во Франкфуртѣ, нигдѣ не обращаютъ на нихъ менѣе вниманія: они безпрестанно прѣѣзжаютъ и увѣзжаютъ изъ него. Въ комнатѣ, которую я занималъ, я имѣлъ сосѣдомъ съ одной стороны эрцгерцога Палатина Венгерскаго, съ другой — сосѣдкой моею была герцогиня Геяриетта Виртембергская. Тамъ гдѣ русскій посланникъ жилъ на улицу въ большомъ домѣ, на дворѣ въ нижнемъ этажѣ помѣщалась бывшая испанская королева, мадамъ Жозефъ Бонапарте, а въ самомъ верхнемъ — бывший шведскій король, именующій себя то Вазой, то полковникомъ Густавсономъ. Изъ любви къ исторіи и преданіямъ древности Нѣмцы сохраняютъ еще нѣкоторое уваженіе къ владѣтельнымъ домамъ; не удивительно если это чувство совсѣмъ исчезнетъ въ нихъ. За то въ торговомъ Франкфуртѣ съ благоговѣніемъ говорили о банкирахъ, вездѣ упоминаемо было имя Бетмана; о Ротшильдахъ тогда что-то еще мало было слышно также и о Гонтарахъ: видно дѣла послѣднихъ не были въ столь цвѣтущемъ состояніи.

Дорогой я не любилъ бриться и одѣваться; оттого-то никого охотно я не посѣщалъ. Я не былъ и не обѣдалъ съ Блудовымъ у нашего посланника при Сеймѣ; только почти въ минуту нашего отъѣзда приневолилъ окъ меня съ собою идти къ нему. Я нашелъ въ г. Анштетѣ умнаго Нѣмца съ французскою любезностію, неутомимаго, искуснаго говоруна, который, какъ мнѣ казалось, въ многорѣчии топить запредѣлыя свои мысли.

Съ тѣмъ чтобы ночевать въ Майнцѣ, послѣ поздняго обѣда, 9 числа выѣхали мы изъ Франкфурта. Я слышалъ объ этой неприступной твердынѣ, и думалъ что увижу передъ собой высокія, огромныя укрѣпленія; мои ожиданія были обмануты, но это доказываетъ только невѣдѣніе мое въ фортификаціонной наукѣ. Въ первый, но не въ послѣдній разъ я переѣхалъ тутъ по мосту черезъ Рейнъ, который Нѣмцы почитаютъ собственностію, а Французы — законною, естествен-

ною границей. Мнѣ не судьба была видѣть эту знаменитую рѣку во всей красѣ ея, среди виноградниковъ, навислыхъ скалъ и живописныхъ развалинъ; гдѣ я ни проѣзжалъ се она текла въ ровныхъ берегахъ. Было еще довольно рано когда мы приѣхали въ Майнцъ, дѣлать было нечего, и я пошелъ смотрѣть на закатъ солнца. Картина точно прекрасная и величественная, когда пламенное свѣтило тонетъ и гаснетъ въ спокойныхъ волнахъ широкаго Рейна.

Одну только станцію до Алцея ѣхали мы Гессенъ-Дармштатскимъ владѣніемъ, потомъ вступили въ часть Палатината, принадлежащую Баваріи. За Рейномъ нѣтъ еще тутъ Франціи, но все тогда отзывалось ею, все показывало недавнее ея владычество, особенно же чрезвычайно быстрая ѣзда. Какъ нынѣ устроена другая кратчайшая дорога на Ингельгеймъ, мѣсто рожденія Карла Великаго, гдѣ находятся остатки дворца его, и на Сарлуи, то на-скоку назову я только здѣсь мѣста, чрезъ кои мы пролетали: Кирхенполандъ, Стандебуль, Ландштуль. Переночевавъ въ Рорбахѣ, на другое утро въ Сарбрюкѣ опять показался было Прусскій Орель, но не успѣлъ я отвернуться, его уже не стало, и близъ Форбаха мы переѣхали новую французскую границу. Вездѣ на станціяхъ слышали мы забавный французскій языкъ, коимъ говорятъ Нѣмцы, мѣняя *буки* на *покой*, *вѣди* на *фертъ*, *живете* на *ша*, и наоборотъ. Всѣ тѣ, кои могли на немъ объясняться, какъ бы гушались природнымъ языкомъ своимъ. Не знаю можно ли осуждать Французовъ за то, что они неохотно учатся иностраннымъ языкамъ и даже смѣются надъ ними: за то свой въ мѣстахъ ими занимаемыхъ вводятъ въ общее употребленіе и тѣмъ прикрѣпляютъ ихъ къ Франціи.

Излишняя точность въ разказѣ бываетъ иногда утомительна, и не знаю хорошо ли я дѣлалъ называя почти всѣ станціи. Воздержусь отъ того, и на подлежащемъ мнѣ пути за справками отошлю читателя къ печатнымъ маршрутамъ. Въ первомъ французскомъ, или скорѣе офранцуженномъ, городѣ Метцѣ нельзя было не остановиться. Тутъ рѣзко обозначена была разница между двумя народами; тутъ галлскій элементъ совершенно подавилъ и поглотилъ германскій. Мы гуляя пошли смотрѣть какіе-то ряды; на улицахъ вездѣ говоръ, хохоть, грохоть, веселые взгляды, быстрая походка. Такая живость оживила и меня. Блудовъ придрался къ

случаю посмѣяться надъ моею галломаніей, а я былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа, что самъ помогаль ему въ томъ. Слѣдующій день ночевали мы въ другомъ изъ трехъ лотарингскихъ епископствъ, насильственно, но справедливо Лудовикомъ XIV присоединенныхъ къ Франціи, въ Верденѣ, который славится своими конфектами. Тутъ уже настоящая Франція, и не остается почти слѣдовъ нѣмецкой чистоплотности. Въ лучшемъ трактирѣ, куда насъ привезли, надобно было проходить чрезъ огромную кухню, высокую, въ два свѣта, чтобы по устроенной въ ней узкой лѣстницѣ войти въ жилые покои. Сія послѣднія были довольно щеголевато и даже богато убраны, но полъ въ нихъ былъ кирпичный, вымазанный темнокрасною краскою и натертый воскомъ, какъ это волится во всѣхъ небогатыхъ домахъ Франціи. Мы неприятнымъ образомъ были этимъ изумлены, особенно же Анна Андреевна. Хотя нельзя не хвалить опрятность, однакожь я замѣчалъ что тѣ, которые слишкомъ строго ее соблюдаютъ, бываютъ обыкновенно люди сердитые, суровые; добродушіе безпечнѣе на этотъ счетъ, и вотъ одна изъ немногихъ чертъ сходства нашего съ Французами.

Не доѣзжая до Шалона, пока запрягали намъ лошадей на станціи Понъ де-Соммевелъ, я разговариваль со старикомъ, смотрителемъ почты, почтенной наружности, котораго нарядъ меня немного удивиль. Онъ былъ напудренъ, причесанъ à l'aile de pigeon, съ косою, въ короткомъ черномъ нижнемъ платьѣ, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ огромными пряжками, точно такъ какъ одѣвались лѣтъ за тридцать прежде того. По его словамъ, онъ болѣе тридцати пяти лѣтъ находился на одномъ мѣстѣ и никогда не хотѣлъ мѣнять костюма. Онъ разказываль мнѣ какъ трудно было ему удержаться отъ изъявленія горести и даже слезъ, когда провозили тутъ захваченнаго въ Вареннѣ Лудовика XVI. Въ скромной долѣ своей онъ оставался недвижимъ среди народныхъ волненій: терроризмъ, война проходили надъ слабою головою его, не коснувшись ея. Насчетъ наряда своего онъ сказалъ мнѣ, что въ Парижѣ я увижу много ему подобныхъ, а еще болѣе внутри Франціи. Впрочемъ это не должно было бы удивлять меня, когда начиная отъ Метца всѣ почтари, а въ иныхъ мѣстахъ и мужики, въ блузахъ, носили еще престрашные напудренные катоганы. Сколько стран-

ностей въ этомъ непонятномъ народѣ, сколько контрастовъ, сколько постоянства при всей его верченности!

Еще ближе къ Шалону мы невольно должны были остановиться на нѣсколько минутъ въ селеніи, гдѣ не мѣняютъ лошадей, чтобы полюбоваться его церковью. Это пребольшой соборъ называемый Нотръ Дамъ де-Лепинъ, и не думаю чтобы въ цѣлой Франціи нашелся другой ему равный въ красѣ. Сколько искусства, терпѣнія, и какъ много времени нужно было, чтобы изъ камня изсѣчь такое множество кружевъ и ими покрыть храмъ Богородицы. Для одной этой церкви стоило бы учредить тутъ городъ.

Въ Шалонѣ на Марнѣ показывается сія рѣчка (рѣчкой назвать ее много) и потомъ до самаго Парижа сопутствуетъ ѣдущимъ въ него. Берега ея обсажены виноградниками, изъза нихъ поднимаются мѣловыя горы, не весьма пріятныя для вида; самые дома построены изъ мѣловатаго мягкаго камня, который онѣ производятъ. Вообще вся эта страна не очень красива, сами Французы называютъ ее вшивую Шампаніей и жителей ея попрекаютъ глупостію. Русскіе молодые офицеры говорятъ о ней гораздо болѣе съ уваженіемъ; въ ней источникъ частыхъ для нихъ радостей. Не съ равными ихъ восторгами, но съ достоюльнымъ почтеніемъ прѣѣхали мы Эперне и прилегающее къ нему мѣстечко Аи, и купили бутылку вина, которую и тутъ заплатили довольно дорого, девять франковъ. Становилось уже темно когда названіе Дормана еще болѣе расположило насъ ко сну, и на этой станціи мы имѣли послѣдній ночлегъ передъ Парижемъ.

Въ Шато Тьерри, родицѣ Лафонтена, въ хорошенькомъ городкѣ, лучшемъ изъ всѣхъ, кои видѣли мы во Франціи, по мосту переѣхали мы опять Марну, и съ правой она очутилась у насъ на лѣвой сторонѣ. Почва земли изъ бѣлой превращается тутъ въ черную, и мѣста становятся гораздо пріятнѣе. Отсюда также начинается прежняя провинція Бри, снабжающая Парижъ сыромъ. Отъ Ла-Ферте-су-Жуаръ идетъ вплоть до столицы высокая вязовая аллея, но дорога все не дѣлается лучше. Въ этомъ случаѣ Французы должны уступить Нѣмцамъ: первымъ ѣхать пусть бы больно, лишь бы шибко; а послѣднимъ, хотя бы тихо, только покойно. Оттого-то въ Германіи почти вездѣ находили мы шоссе, а во Франціи должны были скакать по мостовой изъ крупныхъ камней, не вездѣ равныхъ. Теперь, говорятъ, сдѣлано тамъ

прекрасное шоссе; опять Французы въ этомъ похожи на насъ: чего сами не выдумаютъ, то удачно переймутъ и перещеголяютъ.

Довольно большой городъ Мо, верстахъ въ сорока отъ Парижа, можетъ уже почитаться предмѣстьемъ его; за нимъ селенія почти непрерывно тѣснятся на дорогѣ, а немного проѣхавъ Кля, предпоследнюю станцію, я увидѣлъ издали мельницы на высотахъ Монмартра, которыя такъ недавно еще Русскіе взяли штурмомъ.

VIII.

Сильно забилось во мнѣ сердце, когда 14 іюня, въ шестомъ часу пополудни, я сталъ подѣзжать къ Парижу. Неожиданность поѣздки моей въ него, воспоминанія о побѣдахъ нашихъ, которыя вновь намъ открыли въ него путь, надежда скоро увидѣть въ немъ родныхъ, до высочайшей степени возбужденное любопытство въ минуту, въ которую оно должно было удовлетвориться, прекраснѣйшая погода, тысяча оживленныхъ предметовъ встрѣчающихся на дорогѣ, все соединилось, чтобы сдѣлать этотъ часъ однимъ изъ радостнѣйшихъ въ моей жизни.

Предмѣстье Св. Мартына, чрезъ которое вѣхали мы, мало разнится отъ Пантена и Лавиллета, ему предшествующихъ, называемыхъ деревнями, но плотно застроенныхъ двухъ-этажными домами. Когда же, проѣхавъ ворота Сень-Мартена, поворотили мы вправо по бульвару, то увидѣли настоящее волненіе шумнаго Парижа. Вся уличная дѣятельность его выступаетъ на бульвары, коими также какъ въ Москвѣ, окружена вся главная середина его. Только его бульвары не похожи на московскіе: они ни что иное какъ безконечная, почти единственная широкая въ немъ улица, по обѣимъ сторонамъ которой, близко къ домамъ, стоитъ по одному ряду подулзсохшихъ деревьевъ. Чтобы немногимъ, которые не бывали или не будутъ въ Парижѣ, дать понятіе о суетливости, объ ужасномъ движеніи, какое тутъ царствуетъ, скажу я, что это вѣчная ярмарка, къ которой ежедневно присоединяется гулянье, бывающее у насъ только на Святой недѣлѣ.

Чтобы лучше отдохнуть, мы поворотили въ улицу де-ла-Пэ, остановились въ отелѣ де-ла-Пэ, и какъ цѣлый день бы-

ли не вѣвши, то скорѣе потребовали обѣдъ. Пока его приготовляли, трактирный слуга, domestique de place, какъ ихъ называютъ, мсье Шарль, судя по весьма неблагообразному дорожному костюму моему, принявъ меня за собрата, за Француза, принадлежащаго къ прислугѣ Блудова, обошелся со мной очень дружелюбно, и какъ ввизу, въ большихъ покояхъ, не оставалось для меня помѣщенія, онъ предложилъ мнѣ небольшую комнатку подлѣ своей. Мнѣ было очень весело, и вмѣсто того чтобы разсердиться за такую ошибку, она мнѣ показалась забавна, и я даже принялъ его предложеніе. Онъ повелъ меня въ пятое, въ шестое, или не знаю какое жилье, въ мансарду, по нашему просто на чердакъ, но я нашелъ тутъ чистенькую комнатку съ обоями, съ зеркальцемъ надъ каминомъ и съ хорошею постелью; на первый случай чего мнѣ было болѣе? Немного попозже Шарль долженъ былъ удивиться увидя меня за столомъ у Блудова, а себя за стуломъ моимъ; можетъ-быть онъ полагалъ, что въ Россіи существуетъ обычай, чтобы слуги обѣдали съ господами, можетъ-быть тайно и позавидовалъ тому. Какъ бы ни было, я ему обязанъ за первую ночь въ Парижѣ въ пріятномъ снѣ проведенную. Улица Мира была ни тиха, ни покойна, немного пониже мнѣ долго не дали бы уснуть, но я подыять былъ надъ нею подѣ облака, и шумъ ея, какъ дальній говоръ морскихъ волнъ, еще лучше усыплялъ меня. Въ этотъ день выѣхали мы почти до свѣту, въ жаръ по мостовой проскакали болѣе ста верстъ, и послѣ сильныхъ ощущеній чувствовалъ я большое изнеможеніе, такъ что съ закатомъ солнца покатился и я на постелю свою. На ней, улыбаясь, вспомнилъ я стихи, коими Дмитриевъ описываетъ путешествіе Василья Пушкина.

Въ шестомъ жильѣ, откуда вывѣски, кареты,
Все, все и въ лучшіе лорнеты
Съ утра до вечера во мглѣ.

Съ этою улыбкой на устахъ заснулъ я, а можетъ-быть и проспалъ всю ночь.

Мнѣ что-то веселое грезилось, когда рано поутру послышался стукъ у дверей моихъ; онѣ отворились, и братъ мой Павелъ Филипповичъ кинулся обнимать меня: мнѣ показалось, что пріятный сонъ мой еще длится. Получивъ письмо мое изъ Франкфурта, пока мы оставались въ этомъ городѣ,

и ѣхали до Парижа, онъ выпросилъ въ Мобёжъ дозволеніе отлучиться и прискакалъ наканунѣ нашего приѣзда: въ русскомъ посольствѣ, справляясь о прибытіи Блудова, узналъ даже гдѣ онъ живетъ. Мы пошли внизъ къ Блудову, которому я представилъ брата, и который передалъ меня ему съ рукъ-на-руки.

Первымъ дѣломъ нашимъ было идти къ портному Леже, одному изъ знаменитѣйшихъ того времени, чтобы съ ногъ до головы одѣть меня франтомъ. Платье на другой день было готово; когда за него хотѣлъ я расплатиться, портной сказалъ мнѣ, что имѣеть счеты съ братомъ, а не со мной. То же самое услышалъ я отъ содержателя гостиницы де-ла-Мёзь. въ улицѣ Нотръ Дамъ де-Виктуаръ, куда перевезъ меня братъ; онъ объявилъ мнѣ, что за квартиру, которую я занималъ, получены деньги впередъ за цѣлый мѣсяць. Чтобы ознакомиться съ мѣстностями города, первые дни я гулялъ съ братомъ неразлучно. Карманъ былъ у меня не пустъ и въ щепетильномъ Парижѣ глазѣлъ я на тысячу прекрасныхъ и дешевыхъ бездѣлушекъ, кои въ немъ на каждомъ шагу видны за стеклами. Ни одной не удалось мнѣ купить; лишь только спрошу о цѣнѣ, а уже за нее заплачено, и она моя. Послѣ того въ присутствіи брата я долженъ былъ прекратить изъявленіе своихъ желаній. Въ это время какъ будто судьба опредѣлила мнѣ быть у кого-нибудь на содержаніи. Двадцать четыре тысячи франковъ русскій полковникъ во Франціи получалъ тогда ежегодно; въ Мобёжъ прожить ихъ брату было не на что; рѣдко посѣщая Парижъ, онъ имѣлъ благоразуміе лишнія деньги откладывать. Тутъ захотѣлось ему хоть разъ погулять въ немъ, поватѣшить меня и поподчивать имъ.

Почти рядомъ съ нами жилъ искусный докторъ Гарданны, знакомый всему русскому корпусу, цѣлитель его. Братъ повелъ меня къ нему на консультацію. Разспросивъ меня подробно о предполагаемыхъ причинахъ моей болѣзни, о началѣ, ходѣ и слѣдствіяхъ ея, объявилъ, что на воды ѣхать мнѣ не зачѣмъ, что и теперь уже совсѣмъ прекратились мои боли, а онъ постарается возвращеніе ихъ сдѣлать невозможнымъ: а мнѣ только и надобно было. Къ тому же и человекъ мнѣ понравился: онъ былъ скромень, вѣжливъ, не замѣтно въ немъ было ни малѣйшаго шарлатанства, откровенная его наружность вселяла довѣренность; я предвидѣлъ, что

частыя сношенія съ нимъ должны быть пріятны. Лѣченіе мое, не весьма строгое, началось на другой же день.

Скоро изъ Ретеля пріѣхали для свиданія со мною еще новые содержатели мои, сестра съ мужемъ, тогда какъ прежніе содержатели Блудовы не успѣли еще отправиться въ Лондонъ. Какъ слѣдуетъ русскому генералу, Алексѣевъ нанялъ славную квартиру въ отелѣ де-Бретань, на Ришельевской улицѣ, вблизи отъ моднаго италіянскаго бульвара и знаменитаго кафе Тортона, насупротивъ знатнаго игрецкаго дома, извѣстнаго подъ именемъ Фраскати. Мы съ братомъ перѣѣхали къ нему, хотя гораздо скромнѣйшая квартира моя оставалась все за мною. Тутъ-то мы пожили. Вообще всѣ Русскіе изъ скучныхъ супрефектуръ своихъ пріѣзжали въ Парижъ не за тѣмъ чтобы беречь деньги; Алексѣевъ былъ охотникъ погулять, повеселиться, а какъ это было на короткое время, то жена дала ему на то полную волю. Помогая ему сорить деньгами, я иногда вспоминалъ русскія поговорки: „копѣйка ребромъ, хоть часъ да вскачь“ и тому подобныя. Никакой издержки не позволено мнѣ было дѣлать; всѣ трое хозяйничали во Франціи, а я былъ у нихъ пріѣзжимъ гостемъ. Дома мы никогда не обѣдали, на дешевые трактиры, на обыкновенный столъ смотрѣть не хотѣли: подавай намъ Бовилье, Вери, Фреръ-Провансо, Роше де-Канкаль; каждый день попеременно мы у нихъ роскошничали въ особыхъ комнатахъ. Оно было не совсѣмъ хорошо при необходимой для меня діетѣ, но строгое соблюденіе ея я все откладывалъ до ихъ отъѣзда.

Послѣ обѣда я уже становился распорядителемъ остальнаго времени дня, и хотя былъ пріѣзжій, но зналъ Парижъ понаслышкѣ не хуже ихъ и едва ли не лучше. Многіе изъ отдаленныхъ кварталовъ, которые нынѣ поглощены всепожирающимъ Парижемъ, тогда цвѣли и подъ гостеприимную сѣнь своихъ вѣковыхъ деревьевъ призывали веселиться жителей. Таковы были сады: Руджіери, Беллевию, Тизоли, Фоли-Божонъ; содержатели ихъ истощили французское воображеніе свое, чтобы для единоземцевъ и иностранцевъ заманчивымъ образомъ украсить ихъ. Минутнымъ посѣтителемъ нечего было гоняться за большимъ свѣтомъ, который, впрочемъ, какъ и вездѣ, жилъ въ это время за городомъ. Въ вышеупомянутыя мѣста почти каждый вечеръ возилъ я моихъ родныхъ, разумѣется, въ нанимаемыхъ ими коляскахъ. Въ каждомъ изъ

сихъ садовъ еженедѣльно было по три праздника, *fêtes champêtres*, и плата за входъ была весьма умеренная. А чего въ нихъ не было? Искусно освѣщенныя горы для катанья, воздушные шары, которые спускались въ видѣ дельфиновъ, орловъ, иногда и людей, препорядочные фейерверки, небольшія иллюминаціи, но пріятно для глазъ устроенныя изъ разноцвѣтныхъ огней или китайскихъ фонарей; на все то что называется колифше Французы великіе мастера. Въ разныхъ мѣстахъ находилась музыка, и была зала для танцующихъ. Общество тутъ встрѣчаемое нельзя было назвать отборнымъ или блестящимъ: по большей части оно состояло изъ субретокъ, гризетокъ, писцовъ, комми, парикмахеровъ и тому подобнаго. Но какъ все это было хорошо одѣто, какъ весело и какъ пристойно! Не стыдно было маркизамъ и дюшессамъ посѣщать сіи мѣста, и ихъ малое число было очень примѣтно по свисходительнымъ улыбкамъ, съ которыми смотрѣли онѣ на веселящихся, не мѣшаясь съ ними. Когда вспомнишь это и посмотришь на наши нынѣшнія лѣтнія увеселенія, совсѣмъ не простонародныя, то становится и стыдно, и грустно, и досадно.

Какъ ни весела была такая жизнь, послѣ трехъ недѣль сдѣлалась она для меня утомительна. Когда родные мои разъѣхались по корпуснымъ и дивизионнымъ квартирамъ своимъ, я началъ уже жить собственнымъ умомъ и собственными деньгами. Прежде чѣмъ уѣхалъ братъ, я услышалъ отъ него нѣкоторыя подробности о его служеніи, которыя нѣсколько опечалили меня.

Хотя я остался совершенно одинъ въ большомъ городѣ, чужомъ, для меня совсѣмъ новомъ, однакоже довольно хорошо узналъ его и довольно ко всѣму въ немъ прицѣнился, чтобы, не тратя лишнихъ денегъ, могъ пріятнымъ образомъ провести въ немъ время. Это, я думаю, одинъ городъ въ мірѣ, въ которомъ одинокая уличная жизнь не скоро можетъ прискучить, особенно въ молодости. Потомъ каждый, согласно со склонностями своими и образомъ мыслей, можетъ составить себѣ кругъ знакомства, и даже довольно обширный: вотъ что притягиваетъ и прилѣпляетъ къ этому городу. Только нужно на то время, тамъ, гдѣ пріѣзжимъ числа нѣтъ, не бросаются иностранцамъ на шею какъ у насъ въ Москвѣ:

препрославленное ея гостеприимство по большей части дѣйствию тщеславія и любопытства ея жителей. Старикъ Шшковъ самъ былъ смѣшонъ, когда насмѣхался надъ Василиемъ Пушкинымъ, утверждая что въ Парижѣ зналъ онъ однѣ только улицы и дома, а сей послѣдній казался еще смѣшнѣе, когда въ отвѣтъ ему хвастался знакомствомъ Фонтана, Герля, Легуве. Для русскаго хорошаго писателя знакомство съ известнымъ писателемъ французскимъ, даже, можетъ-быть, большое взаимное удовольствіе, отнюдь не высокая честь. Одинъ только былъ тогда писатель во Франціи, предъ коимъ и по заочности былъ я колѣнопреклоненъ и передъ которымъ готовъ былъ предстать въ этомъ видѣ: это Шатобріанъ, но его тогда не было въ Парижѣ.

Лѣто самое невыгодное время для наблюдательныхъ посѣтителей Парижа: общество живетъ за городомъ, камеры бывають закрыты, всѣ курсы прекращены и самый театръ лишается лучшихъ своихъ актеровъ: они разѣзжаются въ это время по большимъ городамъ Франціи и кучами франковъ собирають дань удивленія съ жителей. Остаются однѣ только прогулки въ городъ и за заставами его и лѣтнія увеселенія самаго веселаго народа въ мірѣ. Ими старался я воспользоваться. По воскресеньямъ ходилъ я въ Елисейскія поля смотрѣть какъ въ двухъ ротондахъ, называемыхъ залами Аполлона и Марса, парижскіе мѣщане и солдаты отчаянно пляшуть кадрили, съ разряженными, миленькими ленжерками и здоровыми кошузами, въ народномъ костюмѣ съ превысокими шлыками и баволетами. Между собой этотъ народъ былъ, право, гораздо учтивѣе, чѣмъ нынѣ иные молодые люди обходятся съ дамами въ хорошихъ обществахъ. Изъ любопытства я разъ былъ и въ загородномъ трактирѣ ла-Куртиль, по воскреснымъ днямъ многочисленною публичкой посѣщаемомъ, гдѣ не оплаченное акцизомъ дешевое вино льется ручьями. Тамъ большой учтивости я не замѣтилъ; слышалъ жаркіе споры, сильную брань, но до драки при мнѣ не доходило. Любимымъ предметомъ моихъ прогулокъ былъ бульваръ Тампля, по обѣимъ сторонамъ котораго тянутся увеселительныя мѣста: сперва театры, о коихъ говорить буду послѣ, потомъ манежъ знаменитаго волтижера Франкони, далѣе, небольшая сцена, съ которой шутъ Бобешъ полтора часа, не умолкая, вретъ народу каламбуры, далѣе акробаты. На другой сторонѣ, турецкій садъ, занимающій простран-

ство не болѣе сорока квадратныхъ сажень, но который французское мелочное искусство умѣло поднять въ три этажа, насыпавъ горка на горку, соединивъ ихъ мостиками, во впадинахъ устроивъ гроты, а другіе начинивъ цвѣтничками и выгадавъ мѣсто для галлеріи въ турецкомъ вкусѣ, довольно длинной, въ концѣ коей за конторкой съ напитками сидѣла въ турецкомъ нарядѣ толстуха. Рядомъ съ этимъ садомъ былъ другой, внятеро его болѣе, называемый „Садомъ Принцевъ“: чего въ немъ не было? И портретъ г-жи Мансонъ, несчастной, невинной женщины, замѣшанной въ уголовномъ дѣлѣ объ убійствѣ Фюалдеса, занимавшемъ тогда всю Францію; и калейдоскопъ-гигантъ, изобрѣтеніе того года; и ученая собака Минута, играющая въ домино; и работающія блохи; все это послѣ было очень обыкновенно, но, вѣроятно, замѣнено другими причудами. Эти сады или садики, каждый вечеръ, были очень хорошо иллюминированы, и входъ стоилъ въ нихъ бездѣлицу.

Вѣчно одному находиться въ этой толпѣ было бы, наконецъ, скучно: судьба наслала мнѣ не товарища, не путевода, не собесѣдника, а, такъ-сказать, согулятеля. Въ жизни этого человѣка было довольно превратностей, чтобы вкратцѣ упомянуть о нихъ. Когда, во избѣжаніе поединковъ, Александръ офицерамъ своей гвардіи велѣлъ носить въ Парижѣ фраки, каждый полкъ, по своему вкусу, выбралъ себѣ портнаго. На Монмартрскомъ бульварѣ былъ одинъ магазинъ платьевъ, который полюбился Измайловскимъ офицерамъ. Красивый и веселый мальчикъ, довольно самолюбивый, изъ него носилъ къ нимъ примѣривать жилеты и панталоны: онъ всѣмъ имъ чрезвычайно понравился, полкомъ его усыновили и хотѣли увезти съ собой въ Россію; но въ услуженіе онъ ни къ кому не хотѣлъ идти. Какъ быть? рѣшились на обманъ. отыскали гдѣ-то неимущаго, молодаго легитимиста, кавалера Св. Лудовика, который за двадцать лудировъ согласился написать и подписать просительное письмо къ Константину Павловичу. Въ немъ онъ объяснялъ, что несчастія революціи заставили роднаго племянника его, древне благороднаго происхожденія, скорѣе чѣмъ служить хищнику, тирану, приняться за ремесло, но что нынѣ желаетъ онъ посвятить его на служеніе избавителю Европы. А этотъ мнимый племянникъ былъ сынъ гюиссье, родъ сторожа неважнаго суда въ небольшомъ городѣ Оксеррѣ, и назывался Оже. Извѣстно, что

цесаревичъ имѣлъ слабость къ Французамъ: на основаніи этого единственнаго документа молодой человекъ принять подпрапорщикомъ въ Измайловскій полкъ и съ нимъ на корабль приплылъ въ Петербургъ.

Не удивительно что тайна хорошо сохранилась: всѣ были виновны въ подлогѣ. Ипполитъ Оже или г. Оже *de*-Сентъ Ипполитъ, какъ онъ называлъ себя, содержимъ былъ на счетъ офицерской складчины: „съ міра по ниткѣ, голому рубашка,“ говоритъ пословица. Подпрапорщики позволяли себѣ также не носить тогда мундировъ, и онъ введенъ былъ кое въ какія общества. Я увидѣлъ его у двоюродной невѣстки моей Тухачевской, о галломаніи коей я уже говорилъ; она затѣяла домашній французскій театръ, и онъ игралъ на немъ. Бульварные фарсы въ точномъ смыслѣ не были прежде извѣстны въ Петербургѣ; о Жокриссахъ, о Каде Русселѣ зналъ я только по-наслышкѣ; но мнѣ сдавалось что онъ долженъ на нихъ походить. Это былъ настоящій парижскій *gamin*, малый очень добрый, но вооруженный чудеснымъ безстыдствомъ; онъ не краснѣя говорилъ о великихъ своихъ имуществвахъ во Франціи, выдавалъ за свои стихи, которые вѣроятно выкапывалъ изъ безчисленныхъ, брошенныхъ и забытыхъ альманаховъ. Послѣ вторичнаго возвращенія государя, всѣ военные одѣлись опять въ мундиры; а онъ въ продолженіе этого времени не хотѣлъ выучиться ни русской грамотѣ, ни фронтовой службѣ, не зналъ никакой дисциплины, становился дерзокъ, всѣмъ надоѣлъ и его просто вытурили изъ полка. Въ это время составила какая-то французская вольная труппа актеровъ изъ оборышей прежней и вербовала всѣхъ кто ей ни попадался. Государь слышать не хотѣлъ о принятіи ее на казенное содержаніе, и она играла въ манежѣ князя Юсупова на Обуховскомъ проспектѣ: мнѣ сказывали что ничего нельзя было видѣть хуже. Не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, бѣдный Оже рѣшился показаться тутъ на сценѣ и тѣмъ довершилъ паденіе свое во мнѣніи небольшого круга, которому былъ извѣстенъ. Не знаю, послѣ того что бы онъ сталъ дѣлать, еслибы кавалергвдскій Лунинъ не вышелъ въ отставку, осенью не поѣхалъ бы моремъ во Францію за новыми либеральными идеями и не взялъ бы его съ собою.

Я нечаянно встрѣтилъ его въ Тюльерійскомъ саду, и онъ мнѣ чрезвычайно обрадовался. Видно обстоятельства его бы-

ли не въ самомъ лучшемъ положеніи, ибо несмотря на нероскошное житіе мое, онъ охотно ко мнѣ приписался. Чѣмъ онъ жилъ, право, не знаю: полагать должно, какъ тысячи другихъ въ огромномъ Парижѣ, падающими крупницами. Около меня много поживиться ему было нечего; правда, почти каждый день, хотя умѣренно, но даромъ, онъ обѣдалъ, часто даромъ ѣздилъ гулять и ходилъ въ театръ, а для Француза, которому забавы потребны столько же какъ воздухъ, это уже очень много. Подъ конецъ, однакоже, за его услужливость, за всегдашнюю готовность исполнять мои порученія, нечаянно удалось и мнѣ оказать ему услугу. За нѣсколько времени до выѣзда изъ Пензы, чтобы чѣмъ-нибудь развлечь грусть свою и занять умъ, я перевелъ на французскій языкъ *Марю Пасадницу* Карамзина; не знаю какимъ образомъ рукопись эта была со мною. Оже увидѣлъ ее, нашелъ что не худо бы напечатать ее, а я предоставилъ ее въ полное его владѣніе. Кто могъ бы ожидать? за нее книгопродавецъ предложилъ ему полторы тысячи франковъ. Либераламъ понравилась мысль, что и посреди снѣговъ сѣвера, въ варварской Россіи, въ отчизнѣ рабовъ, знали нѣкогда свободу, имѣли народное правленіе. Она вышла въ свѣтъ какъ сочиненіе г. Оже и подражаніе Карамзину. Даже слогомъ остались довольны; когда знали бы что писано Русскимъ, были бы взыскательнѣе: Французы чужестранцамъ не охотно позволяютъ хорошо писать на ихъ языкѣ. Послѣ того корифей оппозиціи, и между прочимъ, самъ Бенжаменъ Констанъ пожелали узнать Оже; онъ былъ не безграмотенъ, стали употреблять его, заставляли писать въ журналахъ, поправляли его статьи, поддерживали его, и онъ, не думавъ, не гадавъ, попалъ въ литераторы. Съ легкой руки пошелъ онъ въ гору, только поднялся не высоко. Гораздо послѣ случалось мнѣ, если не читать, то пробѣгать его печатные романы, и я находилъ что они ничѣмъ не хуже многихъ другихъ кратко-жизненныхъ своихъ собратій.

Все споспѣшествовало тому, чтобы пребываніе мое въ Парижѣ сдѣлать пріятнымъ для меня. Давно уже не жилъ я такъ чтобы мнѣ не нужно было помышлять, заботиться о завтрашнемъ днѣ. Съ самаго начала революціи жерло ея никогда не казалось такъ покойно какъ въ этомъ году. Всѣ ужасы, въ мое время, какъ будто бы отлетѣли отъ Парижа. Тщетно желалъ я слушать адвокатовъ въ уголовномъ судѣ, сош-

d'assises; ни одного важнаго дѣла въ немъ не производилось, ни одной торговой казни при мнѣ въ немъ не было. Я любопытствовалъ заходить въ Моргу: ни одного утопленника, ни одного трупа никогда не находилъ. Не знаю, назвать ли это счастьемъ или неудачей?

Квартиры своей не мѣнялъ я до самаго отъѣзда: я такъ былъ доволенъ ею, что не могу отказать себѣ въ удовольствіи здѣсь описать ее. Она была о трехъ окошкахъ на улицу и состояла изъ двухъ высокихъ комнатъ. Первая довольно узкая, раздѣлена была еще на двое: въ одной половинѣ ея, составляющей темную переднюю, за ширмами спалъ привезенный мнѣ изъ Мобѣжа русскій служитель; другая, съ окномъ, называлась туалетнымъ кабинетомъ, но я рѣдко входилъ въ нее. Въ большой же широкой комнатѣ была глубокая впадина, или ниша, въ которой за занавѣсами находилась роскошная постель; по бокамъ же въ двухъ другихъ малыхъ впадинахъ могли помѣщаться гардеробъ. Комната оклеена была стѣнными обоями съ черною шерстяною каймой; мебель въ ней, краснаго дерева, обита была желтымъ утрехтскимъ бархатомъ; она украшена была двумя большими зеркалами въ позолоченыхъ рамахъ: одно въ простенкѣ, другое надъ большимъ мраморнымъ каминомъ, на которомъ стояли бронзовые часы и фарфоровыя вазы съ искусственными цвѣтами. * И за все это въ центрѣ города, въ двухъ шагахъ отъ Пале-Рояля, платилъ я по 75 франковъ въ мѣсяць; нынѣ, говорятъ, не менѣе двухъ сотъ стоить такое помѣщеніе.

Мнѣ хотѣлось, пользуясь совершенною независимостью, только-что таскаться по публичнымъ мѣстамъ; однакоже безъ нѣкоторыхъ знакомствъ и посвѣщеній дѣло не обошлось. Бетанкуръ и его институтскіе Французы утверждали, что будучи такъ близко отъ Парижа, нельзя чтобы я не завернулъ въ него и на всякій случай надавали мнѣ писемъ. Я начну съ описанія знакомствъ, которыя они мнѣ доставили.

Отецъ моего любезнѣйшаго Базена былъ предобрѣйшій чело-

* Такая роскошь тогда недавно еще распространилась въ Парижѣ; для меня была она предметомъ удивленія въ наемной квартирѣ. Нынѣ, говорятъ, благодаря успѣхамъ промышленности и соревнованію промышленяющихъ, можно найдти ее даже въ каморкахъ превратликовъ.

вѣкъ. Черезъ покровительство сына онъ получилъ мѣсто надсмотрщика за провозомъ товаровъ, на отдаленнѣйшей изъ заставъ парижскихъ, называемой Адскою, *barrière d'Enfer*. Тамъ я нашелъ его совсѣмъ не въ красивомъ нарядѣ, со щупомъ въ рукахъ. Нельзя описать добродушной радости его, когда онъ увидалъ письмо отъ сына: у него показались слезы, и онъ бросился мнѣ на шею. Потомъ громко позвалъ жену, которая хотѣла было сдѣлать то же, но, къ счастью, остановилась: она что-то стирала, и руки по локоть были у нея въ мылѣ. Она спросила, что этотъ мсье знаетъ нашего сына? *potre fils, le colonel de là bas*: даже Россіи назвать не умѣла. Они просили меня въ слѣдующее воскресенье къ себѣ обѣдать. Изъ пріязни къ Базену и изъ любопытства посмотрѣть на житье этого класса людей, я согласился и далъ слово. Я нашелъ тутъ въ хорошей казенной квартирѣ, которую могъ бы занимать и не надсмотрщикъ остроі, одно только семейство его. Старики жили одни и по воскреснымъ днямъ только собирали у себя разсѣянныхъ по городу дѣтей своихъ. Тутъ находилась старшая дочь съ мужемъ-портнымъ, двѣ другія дочери, которыя гдѣ-то жили въ швейяхъ, и, наконецъ, премилый молодой человекъ, меньшей сынъ, который оканчивалъ науки въ Политехнической школѣ. Чего не было напечено, наварено, нажарено! Ремесленные люди во Франціи обыкновенно бываютъ довольно умѣренны въ пищѣ; за то, придерживаясь старины, по прежней привычкѣ, въ первый день новой седмицы, спѣшатъ вознаградить себя за воздержаніе. Даже во время революціи они знаютъ не хотѣли декади, десятый день для отдыха ею установленный, и я думаю, что отчасти это сохранило между ними христіанскіе обычаи и слѣдственно вѣрованія. Мнѣ полюбились тутъ и почтительно-свободное обхожденіе дѣтей съ родителями, и ласково-повелительный съ ними тонъ сихъ послѣднихъ. Какая простота царствуетъ между этимъ народомъ, какое невѣдѣніе зла, представить себѣ нельзя! Ну, право, въ нашихъ уѣздныхъ городахъ каждый зажиточный мѣщанинъ, каждый мелкій чиновникъ гораздо болѣе обо всемъ имѣетъ понятій.

Я былъ тутъ какъ посланный, какъ представитель отсутствующаго божества; имя его безпрестанно повторялось. Не знали чѣмъ угодить мнѣ, чѣмъ угостить меня. Я былъ разтроганъ: душевное уваженіе мое къ Базену, который не гнушался своихъ родныхъ, въ этотъ день еще болѣе умножилось.

Десять лѣтъ онъ не видалъ ихъ и оставилъ ихъ въ положеніи гораздо хуже того, въ которомъ я нашелъ ихъ. Я вспомнилъ, съ какою нѣжностью передъ отъѣздомъ моимъ говорилъ онъ о своихъ родителяхъ, какъ просилъ, въ случаѣ если буду въ Парижѣ, навѣстить ихъ, стараться быть съ ними ласковымъ. Послѣ этого обѣда не помню случилось ли еще разъ мнѣ быть у нихъ.

Также и Монферранъ адресовалъ меня къ родительницѣ своей, мадамъ Коммаріе, по второму мужу. Счастливымъ случаемъ свелъ эту женщину, вдову безвѣстнаго бѣднаго артиста съ русскимъ богачемъ Николаемъ Никитичемъ Демидовымъ. Не знаю какого рода услуги она могла оказать ему, только пользовалась полною довѣренностью какъ его самого, такъ и супруги его, урожденной Строгоновой, недавно передъ тѣмъ преставившейся. На русскія деньги нанимала она, въ улицѣ Тетбу, большую и щеголеватую квартиру, и въ ней нерѣдко принимала гостей, подчивая ихъ вкуснымъ обѣдомъ. Ея знакомство для меня было весьма пріятно, а для богатыхъ Русскихъ могло быть и полезно. Она имѣла связи во всѣхъ лучшихъ магазинахъ Парижа; вмѣстѣ съ нею можно было покупать въ нихъ лучшія вещи безубыточно, такъ что и продавецъ оставался безъ наклада, и она была съ барышемъ. Разговоръ г-жи Коммаріе остался милъ, чрезвычайно живъ и смѣлъ, однакоже слегка подернуть полупрозрачною благопристойностью. Такой животрепещущей старухи мнѣ не случалось еще видѣть; сколько разъ, гуляя съ ней, долженъ я бывало просить ее убавить ходу, когда въ шестьдесятъ лѣтъ, въ капотъ розъ, въ соломенной шляпкѣ съ розонами, она скорѣе бѣжала чѣмъ шла со мною по бульвару.

На чернорабочій народъ вскользь посмотрѣлъ я въ Лакуртиль, ремесленный видѣлъ у Базеновъ, а у Коммаріе видѣлъ я особое общество получестное, полуобразованное, въ большихъ сношеніяхъ съ журналистами. Мнѣ надобно было ознакомиться и съ аристократіей промышленности и торговли, и я воспользовался представившимся къ тому случаемъ. Бетанкуръ и Брегетъ, друзья-механики, довольно часто переписывались другъ съ другомъ. Первый письмомъ просилъ послѣдняго, въ случаѣ пріѣзда моего, оказать мнѣ возможное пособіе, и если нужда потребуетъ, то снабдить меня и деньгами, сколько бы я ни попросилъ, и что онъ за все

ручается. Нечаянно узнавъ о томъ, я посвѣшилъ къ Брегету, а онъ встрѣтилъ меня предложеніемъ услугъ, отъ коихъ я отказался. Въ продолженіе нашего знакомства, онъ не разъ повторялъ свои предложенія, а я, не имѣя нужды въ деньгахъ, все отказывался отъ нихъ; наконецъ, онъ сказалъ что между Русскими онъ еще не видалъ столь порядочнаго (rangé) молодого человѣка: ему было за семьдесятъ лѣтъ и оттого-то онъ такъ называлъ меня.

У него былъ собственный домъ въ Сите, на этомъ большомъ острову Сены, который составлялъ весь Парижъ въ первыя столѣтія его существованія. Домъ этотъ въ три этажа, сквозной, одною стороною выходилъ на набережную де-л'Орложъ, а другою — на площадь Дофинъ. Ни жилище, ни житье его не имѣли блестящей наружности; за то какъ въ томъ, такъ и въ другомъ замѣтно было нѣчто наслѣдственное, прочно устроенное. Предки его были часовщики, также какъ и онъ самъ; но онъ болѣе ихъ усовершенствовалъ ихъ искусство и умножилъ состояніе свое; домъ принадлежавшій имъ оставилъ онъ въ прежнемъ видѣ, не увеличивъ его; только мало-по-малу уменьшая число наемщиковъ, наконецъ самъ весь занялъ его. Эти полинялые обои, вѣроятно, свѣжими видѣлъ отецъ его; въ эти небольшія зеркала, на этомъ же мѣстѣ смотрѣлся онъ. Я не могъ надивиться такой неподвижности среди народныхъ бурь, такъ часто тутъ свирѣпствовавшихъ. Самъ Брегетъ занимался мною мало; степенные люди того времени не искали сближенія съ людьми гораздо моложе ихъ. Но единственный сынъ его, тридцати восьмилѣтній молодой человѣкъ въ глазахъ его стараясь быть со мною любезно-гостепріимнымъ, предлагалъ свой кабріолетъ, своихъ верховыхъ лошадей. Въмѣсто умершей жены Брегета хозяйствомъ заправляла старуха, сестра его, добрая дѣвка лѣтъ шестидесяти пяти. По разпросамъ она очень хорошо знала что докторъ дозволяетъ мнѣ ѣсть, и всегда заботилась о томъ чтобъ я былъ сытъ когда у нихъ обѣдаю, а это, по ихъ приглашеніямъ, случалось почти каждую недѣлю.

Простота нравовъ соединялась въ этомъ семействѣ съ большимъ просвѣщеніемъ. Хозяинъ дома былъ довольно богатъ чтобы находиться въ короткихъ сношеніяхъ съ банкирами, съ финансовыми князьями, но онъ не искалъ ихъ: его болѣе посвѣщали ученые, артисты и литераторы, и самъ онъ былъ членомъ института по части наукъ. Почти всегда

я встрѣчалъ у него двухъ довольно извѣстныхъ людей: Прони, начальника Политехнической школы, сочинителя многихъ полезныхъ математическихъ книгъ, и другаго—Лемонте, остроумнаго, но лѣниваго писателя. Сей послѣдній приобрѣлъ извѣстность нѣсколькими сатирическими, забавными повѣстями, а болѣе издаваемъ записокъ маркиза Данжо, съ прибавленіемъ пространныхъ критическихъ замѣчаній, что и составило часть исторіи Людовика XIV. Оба были ко мнѣ очень благосклонны, и еслибъ я остался въ Парижѣ, чрезъ нихъ могъ бы расширить знакомство свое въ ученоемъ кругу, но по краткости времени мнѣ о томъ и думать нельзя было. Всѣ эти господа были очень наклонны къ либерализму, а Брегеты, отецъ и сынъ, были всегда въ восторгѣ отъ изобрѣтательной Англіи.

Въ другую атмосферу попасть я не могъ. Мнѣ не слѣдовало бы говорить о мимолетномъ знакомствѣ моемъ съ маркизомъ де ла-Мезонфоръ, но это была единственная дверь, которая отворилась передо мною для входа въ общество высшихъ легитимистовъ, и что всего страннѣе, ее отперъ мнѣ бывший террористъ Сенноверъ. Я уже разказалъ какъ въ Петербургѣ умѣлъ онъ прикинуться эмигрантомъ; тамъ свелъ онъ короткое знакомство съ этимъ маркизомъ, который, находясь въ русской службѣ, занималъ неважныя должности по дипломатической части, какъ на примѣръ, повѣреннаго въ дѣлахъ въ Брауншвейгѣ. Послѣ реставраціи онъ получилъ важное мѣсто интенданта королевскаго двора, не столь высокое какъ у насъ — министра императорскаго, однакоже, кажется, равное гофмаршалской должности въ соединеніи съ гофмейстерскою; онъ имѣлъ большое содержаніе и обширное помѣщеніе въ придворныхъ зданіяхъ на Вандомской площади. Онъ слылъ за чрезвычайно снѣсиваго и по возвращеніи на родину, оказалъ себя таковымъ даже и съ Русскими, но тѣ какъ-то отучили его. Я видѣлъ его въ петербургскихъ обществахъ и онъ тотчасъ узналъ меня, когда я завезъ ему письмо Сенновера. Со мною онъ былъ очень привѣтливъ, сказалъ что мало бываетъ въ Парижѣ, а лѣтомъ большую часть времени проводитъ около Марли, въ Люсиеннѣ, любимомъ мѣстопребываніи извѣстной Дюбарри; сказалъ что тамъ надѣется познакомить меня со многими изъ благомыслящихъ его соотечественниковъ и записалъ мой адресъ. Черезъ нѣсколько дней онъ прислалъ пригласить меня туда

объдать, но я не могъ ибо приглашенъ уже былъ въ другое мѣсто. Я опять засталъ его дома, чтобъ извиниться и благодарить за приглашеніе, опять онъ самъ заѣзжалъ звать меня и опять я не поѣхалъ подъ какимъ-то предлогомъ. Тѣмъ и кончилось наше знакомство; зимой я съ пользой могъ бы возобновить его, но я такъ долго не остался. Послѣ онъ былъ посланникомъ въ Флоренцію, и я уже объ немъ болѣе не слышалъ.

Изъ Русскихъ довольно часто видѣлъ я двухъ не весьма обыкновенныхъ людей, которые, не будучи вовсе знакомы между собою, едва ли зная о существованіи другъ друга, въ какомъ-то смыслѣ имѣли большое сходство и вели одинаковый образъ жизни. У обоихъ ровно ничего не было, а ихъ житію иной достаточный человѣкъ могъ бы позавидовать. Карты объясняютъ расточительность иныхъ бѣдныхъ людей, но ни который изъ нихъ не былъ игрокомъ: дѣлалъ вѣкъ умѣли они скрывать отъ глазъ человѣческихъ тайны, изъ коихъ черпали средства къ постоянному поддержанію своей роскоши. Первый, служившій тогда въ генеральномъ штабѣ при дивизіи Алексѣева, часто отлучался изъ Ретеля и всегда останавливался въ отелѣ, въ которомъ я жилъ. Не задолго передъ тѣмъ меньшая сестра его, сиротка, вышла за сына двоюроднаго брата моего: все вмѣстѣ сдѣлало для меня знакомство его неизбѣжнымъ. Откуда онъ былъ родомъ и какого происхожденія? маѣ неизвѣстно: судя по фамильному имени, надобно было почитать его Итальянцемъ или Грекомъ, но онъ не имѣлъ понятія о языкахъ сихъ народовъ, зналъ хорошо только русскій и принадлежалъ къ православному исповѣданію. Умомъ и даже разсудкомъ былъ онъ отъ природы достаточно награжденъ: только въ послѣднемъ чего-то не доставало. Какими бы средствами человѣкъ ни собиралъ матеріалы для сооруженія фортуны своей, по крайней мѣрѣ нельзя отказать ему въ предусмотрительности; но тутъ этого вовсе не было: добытыя деньги медленно приходили къ нему чѣмъ уходили. Вѣчно бы ему пировать; еслибъ еще онъ былъ бы весельчакъ, ни мало: онъ всегда былъ мраченъ, и въ мутныхъ глазахъ его никогда не блистала радость. Въ немъ было бедуинское гостепріимство, и онъ готовъ былъ и на одолженія, отчего многіе его любили. Добраго Алексѣева тайно поджигалъ онъ противъ Воронцова, ко всѣмъ распрямъ между военными былъ онъ примѣшанъ, являясь будто примирителемъ, болѣе возбуждалъ ссорящихъ

ся и потомъ предлагалъ себя секундантомъ. Многимъ оттого казался онъ страшень; но были другіе, которые увѣряли, что когда дѣло дойдетъ собственно до него, то ни въ ратоборствѣ, ни въ единоборствѣ онъ большой твердости духа не покажетъ.

Всякій разъ, какъ немного поднявшись по лѣстницѣ заходилъ къ нему, находилъ изобильный завтракъ или пышный обѣдъ: на столѣ стояли горы огромныхъ персиковъ, душистыхъ грушъ и дорогаго винограда, искусственно произрастающаго въ Фонтенебло, подъ названіемъ шассела. Я не принималъ участія въ сихъ Лукулловскихъ трапезахъ: предписанная мнѣ діета служила мнѣ предлогомъ къ отказу. И кого угощаль онъ? людей съ такими подозрительными рожами, что совѣстно и страшно было вступать съ ними въ разговоры. Разъ одинъ изъ нихъ мнѣ понравился: у него было очень умное лицо, на которомъ было замѣтно, что сильныя страсти не потухли въ немъ, а утихли. Онъ былъ очень вѣжливъ, сказалъ что обожаетъ Русскихъ и въ особенности мнѣ желалъ бы на что-нибудь пригодиться: тотчасъ послѣ того объяснилъ какого рода услуги онъ можетъ оказать мнѣ. Какъ султанъ, властвовалъ онъ надъ всѣми красавицами, которыя продали и погубили свою честь. Видя что я съ улыбкой слушаю его, онъ сказалъ: „я не скрою отъ васъ моего имени, васъ по крайней мѣрѣ не должно оно пугать: я Видокъ.“ И дѣйствительно оно не испугало меня, потому что я услышалъ его въ первый разъ. Вскорѣ растолковали мнѣ, что я знакомъ съ главою парижскихъ шпионовъ, мушаровъ, какъ ихъ называли; что этотъ человекъ за великія преступленія былъ осужденъ, нѣсколько лѣтъ былъ гребцомъ на галерахъ и носить клеймо на спинѣ. Нѣтъ, отъ такого человека не захотѣлъ бы я и магометова рая. Не помню послѣ того былъ ли я у Z? Неприятно же было всегда встрѣчать каторжныхъ. И что за охота принимать такихъ людей? Изъ любопытства, подумалъ я, чрезъ нихъ знаетъ онъ всю подноготную, всѣ таинства Парижа, которыя тогда еще не были напечатаны. Послѣ я лучше понялъ причины знакомства съ сими людьми; также какъ они Z. одною ногой стоялъ на ультрамонархическомъ, а другою на ультра-свободномъ грунтѣ, всегда готовый къ услугамъ побѣдителей той или другой стороны.

Другой промышленникъ, С., былъ давнишній мой знакомецъ.

Уроженецъ изъ Бѣлоруссiи, сынъ шкловскаго священника, онъ хорошо учился въ Московскомъ университетѣ подъ покровительствомъ отца Тургеневыхъ. Изъ нихъ нѣсколькими годами старѣе Александра, сохраняя съ нимъ связи, а черезъ него былъ знакомъ и съ нами. Пользуясь природными способностями, быстротою понятiя, удивительною легкостiю въ работѣ, гибкостiю характера, онъ сталъ шибко подвигаться въ чинахъ по части юстици и въ званiи начальника отдѣленiя канцелярiи, сдѣлаясь любимцемъ самого министра князя Лопухина. Но онъ слишкомъ любилъ житейское, веселыя холостыя бесѣды; не имѣя денежныхъ средствъ чтобы вдоволь натѣшиться, онъ началъ прибѣгать къ займамъ; это много повредило ему, самые невыгодные о немъ слухи стали доходить до министра, который просто велѣлъ ему оставить службу. Привычка дѣлать долги обратилась у него въ страсть; пока онъ находился въ службѣ, она легко могла быть удовлетворяема, заимодавцы его по большей части были просители, коихъ дѣла были ему поручены, они не преслѣдовали его. Но тутъ на свободѣ надобно было видѣть изворотливость его, когда, не отказывая себѣ ни въ чемъ, ему пришлось жить одними долгами; надобно было видѣть ловкость, искусство, съ какими, умножая число кредиторовъ своихъ, онъ умѣлъ защищать себя, убѣгать отъ нихъ. Такая тревожная жизнь другому была бы мукою, но онъ находилъ въ ней наслажденiе. Наконецъ, когда угрожаемъ былъ тюрьмою, онъ рѣшился спастись отъ нея службой и опредѣлился правителемъ канцелярiи къ герцогу Александру Виртембергскому, котораго тогда назначили бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ. Подъ его именованiемъ управлялъ онъ краемъ, и надобно полагать, не нуждался тамъ ни въ чемъ. Онъ начиналъ уже не ладить съ своимъ герцогомъ, когда послѣдовало нашествiе Галловъ; тогда онъ присталъ къ ретирующей нашей армiи, и съ нею болѣе не разставался отъ Витебска до Москвы и отъ Москвы до Парижа. Своєю вкрадчивостiю, всегда веселымъ видомъ, длинными, но искусными разказами, на половину приправленными краснымъ словцомъ, сей умный и прiятный краснобай плѣнилъ всѣхъ нашихъ генераловъ, начиная съ Милорадовича и Платова; находился то при томъ, то при другомъ, въ какомъ качествѣ не знаю, и жилъ въ изобилiи, беззаботно, на казенный ли счетъ или на непрiятельскiй не вѣдаю.

Достигнувъ Парижа, онъ долго не могъ оторваться отъ него, да и не думалъ о томъ; какъ рыбѣ въ быстрой и широкой рѣкѣ, было въ немъ ему раздолье. Онъ сдѣлался корреспондентомъ корпуснаго начальника, графа Воронцова, получалъ за то содержаніе изъ экстраординарныхъ суммъ и забавлялъ его исправно не весьма правдивыми, но всегда любопытными извѣстіями. Тутъ-то совершенно разладилъ онъ съ постояннымъ, почтенія достойнымъ, трудомъ, который открылъ ему дорогу по службѣ; мелочной дѣятельности его представилось тысячу предметовъ, изъ коихъ плелъ онъ свои сплетни. Умъ и ласковое обхожденіе всегда привлекаютъ Французовъ и С., въ которомъ вообще было много липкаго, полюбили они, хотя и почитали тайнымъ агентомъ Россіи. Кого не зналъ онъ въ Парижѣ? журналистовъ, адвокатовъ, депутатовъ, проникнулъ даже въ Сень-Жерменское предмѣстье. Политическихъ мнѣній своихъ онъ рѣшительно не объявлялъ, потому что не имѣлъ ихъ, говорилъ всегда двусмысленно, и каждая партія почитала его своимъ.

Число такихъ людей, къ несчастію, чрезвычайно размножилось; они суть порожденіе вѣка сомнѣній и эгоизма. Въ прежніе вѣка, когда боролись за религію или за независимость, люди чистосердечно поддерживали свои правила сильными, откровенными рѣчами и мощно вооруженною рукой. Нынѣ, хотя многіе хорошо понимаютъ безразсудность господствующихъ мнѣній, не имѣютъ твердости имъ противиться и надѣются извлечь изъ нихъ личную пользу. Что имъ до отчизны, до ея чести, до ея благоденствія, лишь бы они насладились всѣмъ, а поглядишь, поздно раскаявшись, они гибнутъ съ нею.

Много непонятнаго, необъяснимаго было тогда въ жизни С.; самъ онъ искусно накидывалъ на нее таинственность, которая придавала ему нѣкоторую важность. Денегъ, получаемыхъ отъ Воронцова, ему не могло быть достаточно; въ Парижѣ долги дѣлать легко, но отдѣлываться отъ нихъ трудно. Тамъ была неумолимая, Святая Пелагея, не мученица, а мучительница; тѣ, коихъ заключала она въ холодныя свои объятія, не скоро могли отъ нихъ освободиться. Чѣмъ же онъ жилъ? И для чего нанималъ онъ въ одно время три квартиры, въ разныхъ частяхъ города, отдаленныхъ одна отъ другой, и прятался въ нихъ отъ посѣтителей? Меня же всегда предупреждалъ о томъ гдѣ могу его

найти, и вообще сохранилъ ко мнѣ прежнюю обязательность. Его помощь была мнѣ даже полезна въ нижеслѣдующемъ случаѣ.

Разъ, прогуливаясь въ такъ-называемомъ саду Пале-Рояля, я замѣтилъ большую толпу подлѣ аркадовъ, коими онъ окруженъ. Приблизившись, подлѣ аркадами, я увидѣлъ высокаго мужчину, важно шествующаго въ довольно богатомъ, восточномъ нарядѣ, съ предлинною бородой; нескромныя женщины, которыя населяли тогда Пале-Рояль, нескромными рѣчами, нескромными движеніями изумляли степеннаго мужа, теребили его бороду, тащили его за рукава; народъ кругомъ хохоталъ. Я узналъ Калліархи, одного петербургскаго знакомаго, посрѣдился къ нему на помощь, и оборотясь къ зрителямъ сказалъ, что стыдно Французамъ отдавать на поруганіе пріѣзжихъ почтенныхъ людей. Едва успѣлъ я произнести сіи слова, какъ они прикрикнули на дамъ, которыя всѣ разбѣжались. Г. Калліархи не зналъ какъ меня благодарить; мнѣ случалось съ нимъ разговаривать, но я зналъ его мало; тотъ убѣдительно просилъ меня навѣстить его, сказалъ гдѣ его квартира, спросилъ гдѣ я живу и объявилъ, что не болѣе трехъ часовъ, находясь въ Парижѣ, полюбопытствовалъ онъ взглянуть на Пале-Рояль, гдѣ, какъ сказали ему, онъ найдетъ лучшіе товары и встрѣтитъ лучшее общество: въ послѣднемъ онъ долженъ былъ разувѣриться.

Но что это за человѣкъ? нужно объяснить. Онъ былъ изъ числа тѣхъ фанарныхъ Грековъ, которыхъ порта черезъ каждые семь лѣтъ съ господарями отправляла понажить въ Молдавію и Валахію, то-есть немного пограбить сіи княжества. Два семилѣтія Калліархи находился постельничимъ, то-есть оберъ-камергеромъ при князѣ Ипсиланти и каймаканомъ его, то-есть намѣстникомъ на время отсутствія его изъ столицы. Въ 1806 году, вмѣстѣ съ его свѣтлостію, бѣжалъ онъ въ Россію и успѣлъ увести нажитыя деньги. Въ награду за преданность Ипсиланти, четырьмя приближеннымъ къ нему особамъ, между прочимъ, Калліархи данъ былъ прямо чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ имъ не воспользовался, а продолжалъ величаться прежними, странными для насъ титулами. Снисходительность правительства въ такомъ случаѣ непонятна; какъ было не снять съ него дарованный ему чинъ? но въ это время графъ Каподистрія покровительствовалъ всемъ Грекамъ, и они чрезвычайно

подняли носъ. При совершенномъ невѣжествѣ, слабый умъ Калліархи былъ еще затемняемъ необычайнымъ тщеславіемъ, и еслибы не присоединялась къ тому маленькая греческая хитрость, его просто можно было бы почитать дуракомъ. Въ княжествахъ онъ, какъ говорится, не положилъ на руку охулки, ибо при большой расточительности, капиталы имъ оттуда вывезенные только черезъ двадцать лѣтъ примѣтно начали таять. Болѣе всего тратился онъ на одежду, богатствомъ коей старался превзойдти господарей. У него былъ цѣлый магазинъ дорогихъ шубъ: мнѣ показывалъ онъ данный кафтанъ съ широкими рукавами изъ турецкихъ шалей, съ широкими золотыми петлицами, къ концамъ коихъ алмазными пуговицами прикрѣплены были жемчужныя кисти, да еще огромный кинжалъ, украшенный изумрудами и яхонтами. Въ семь нарядѣ представлялся онъ Лудовику XVIII и этотъ король, который русскихъ генераловъ, открывшихъ ему путь къ престолу, въ публичныхъ аудіенціяхъ, не удостоивалъ ни единымъ словомъ, а только едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, этого шута принималъ приватно и на говорилъ ему много любезнаго. Надобно сказать, что не одинъ восточный нарядъ, но и большая настойчивость и безстыдство помогли въ этомъ случаѣ Калліархи. Во время одного важнаго торжества, о коемъ буду говорить ниже, онъ пробился сквозь царедворцевъ и сталъ у самаго подножія королевскаго трона.

Я повторяю: какъ человѣка этого такъ и репутацію его зналъ я мало, и ему легко было обмануть меня. Ему вздумалось мнѣ покровительствовать; онъ увѣрилъ меня, что онъ задушевный другъ находившемуся тогда въ Парижѣ графу Растопчину, что говорилъ ему обо мнѣ, и что онъ на другой день приглашаетъ насъ вмѣстѣ обѣдать къ себѣ. Я былъ въ затрудненіи: зять мой Алексѣевъ, который коротко знакомъ былъ съ графомъ, предлагалъ уже мнѣ представиться ему, и я отказался; тутъ какъ ни стѣснительно мнѣ казалось, не принять сдѣланной мнѣ чести я не посмѣлъ. Въ открытой коляскѣ я отправился съ Калліархи и его длинною бородой; у подъѣзда слуга объявилъ намъ, что графиня нездорова, а графъ не обѣдаетъ дома, и я замѣтилъ, что слова сіи сопровождались улыбкой: я почти былъ радъ. Дня черезъ два пришелъ ко мнѣ С. съ жестокими упреками. Онъ часто бывалъ у Растопчина, который ему сказывалъ, что

Калліархи хотѣлъ ему навязать какого-то неизвѣстнаго ему человѣка (называя меня) и хотѣлъ привезти къ нему обѣдать; что онъ сперва изъявилъ было согласіе, но послѣ спохватился и велѣлъ отказать. С. вступился за меня, увѣряя, что я единственно, по ошибкѣ, могъ дать себя протежировать человѣку, котораго въ этомъ домѣ только что дурачили, и родиль въ Растопчинѣ желаніе узнать меня и поправить то что онъ почиталъ своею неучтивостію. Напугавъ меня тѣмъ, что я слабостію своего поступка замаралъ себя, С., не давъ ни минуты опомниться, утащилъ меня съ собою.

Я не видалъ Растопчина съ той памятной для меня минуты, когда братъ водилъ меня къ нему мальчикомъ съ просьбою объ опредѣленіи въ службу, и я не безъ робости вошелъ въ его кабинетъ. Лѣта, покойное, тихое положеніе, въ коемъ онъ находился, и привѣтливый видъ, который хотѣлъ онъ показать мнѣ, смягчили прежнюю угрюмость лица его. Разговоръ начался о странности моего введенія, и я объяснилъ, сколь мало могу почитаться тутъ виновнымъ въ нескромности. Растопчинъ видно перемѣнилъ мнѣніе свое обо мнѣ, ибо пригласилъ, когда я буду свободенъ, посѣщать его, хотя всякій день, отъ одиннадцати часовъ до трехъ пополудни, время, въ которое начиналъ онъ свои прогулки. Такъ какъ скоро послѣ того я долженъ былъ оставить Парижъ, то не болѣе трехъ или четырехъ разъ могъ я воспользоваться этимъ дозволеніемъ.

Растопчинъ, какъ всѣ старѣющіе люди, что я знаю по себѣ, любилъ разказывать о быломъ. Разница только въ томъ, что отъ иныхъ разказчиковъ всѣ бѣгутъ, а другихъ не наслушаются. Не уважая и не любя Французовъ, извѣстный ихъ врагъ въ 812 году, онъ жилъ безопасно между ими, забавлялся ихъ легкомысліемъ, прислушивался къ народнымъ толкамъ, все замѣчалъ, все записывалъ, и со стороны собиралъ свѣдѣнія въ чемъ много помогалъ ему С. Наблюденія его и вслѣдствіе ихъ сужденія о настоящемъ, всегда остроумныя, часто справедливыя, умножали занимательность его разговора. Жаль только, что совершенно отказавшись отъ честолюбія, онъ предавался забавамъ, неприличнымъ его лѣтамъ и высокому званію.

Регентство, Лудовикъ XV, необузданность и расточительность Маріи Антуанеты, а послѣ нихъ революціонный ужасъ

пополамъ съ развратомъ, Парижъ совершенно превратили въ Вавилонъ новѣйшихъ временъ. Старики еще болѣе молодыхъ испытываютъ вліяніе этой нравственной заразы: особенно же тѣ, кои неохотно оставивъ бремя государственныхъ дѣлъ, чувственными наслажденіями хотятъ заглушить сожалѣнія о потерянной власти. Совсѣмъ не схожій съ Растопчинымъ, другой недовольный Чичаговъ сотовариществовалъ ему въ его увеселеніяхъ. Не знаю могутъ ли Парижане гордиться тѣмъ, что знаменитые люди, въ ихъ стѣнахъ, какъ въ непристойномъ мѣстѣ, почитаютъ все себѣ дозволеннымъ. Разъ получилъ я отъ Растопчина предложеніе потѣшиться съ нимъ забавнымъ зрѣлищемъ, приготовленнымъ у одной пожилой маркизы д'Эстенвиль, въ пышныхъ ея апартаментахъ, подлѣ королевской бібліотеки, подлѣ аркадою Кольбертъ. Это была настоящая маркиза, не вымышленная; но не только Сень-Жерменское предмѣстіе, а всѣ порядочныя женщины другихъ состояній давно уже чуждались ея общества. Во время революціи, а можетъ-быть и прежде, лишилась она большаго состоянія, но и въ бѣдности сохранила тонъ важной дамы. Знатные, богатые люди, во мзду ея угодливости, старались окружить ее новою роскошью и домъ ея поставить на высокой ногѣ. Къ ней Чичаговъ взялся представить Каміархи, а Растопчинъ съ старшимъ сыномъ своимъ, котораго знавалъ я въ Петербургѣ, съ С. и со мною долженъ былъ пріѣхать невзначай какъ будто въ гости. Особыя почести, особыя церемоніи ожидали тамъ новаго Мамамуши, котораго хотѣли возвести на высокое сѣдалище въ видѣ трона. Ни чести, ни безчестія не видѣлъ я въ посѣщеніи д'Эстенвиль, меня къ ней чрезвычайно зывало, но мнѣ больно было бы видѣть русскихъ вельможъ, которые, думая дурачить одного человѣка, сами немного бы дурачились, и я нашель какой-то предлогъ извиниться, чтобы не участвовать въ этой продѣлкѣ. На другой день посѣщилъ я навѣстить тщеславнаго Каміархи, который не могъ надивиться смѣлому, свободному обхожденію первостатейныхъ дамъ въ Парижѣ. „Удивительно, сказалъ онъ мнѣ съ самодовольствіемъ, какъ онѣ любятъ восточный костюмъ! Повѣрите ли вы, что эти молодыя, прекрасныя графини и виконтессы всѣ въ меня влюбились; я не зналъ куда дѣваться отъ стрѣлъ ихъ страстныхъ взоровъ.“ Я отвѣчалъ, что мнѣ остается только завидовать его счастью.

Итакъ онъ былъ у Растопчина домашнимъ буффономъ, С. весьма полезнымъ вѣстовщикомъ, я же, кажется, ни на что ему не годился. А онъ оказывалъ мнѣ много благоклонности, я думаю, оттого что я всегда съ жадностію слушалъ умныя его рѣчи. Послѣ того я уже не видалъ его въ жизни: на прощаніи онъ подарилъ мнѣ литографированный портретъ свой, весьма похожій, съ подписью:

Безъ дѣла и безъ скуки,
Сижу поджавши руку,

который у меня до сихъ поръ хранится.

IX.

Во время пребыванія въ Парижѣ я имѣлъ случай, кромѣ Растопчина, узнать, хотя не такъ близко, другаго человѣка, котораго также можно назвать историческимъ лицомъ, именно русскаго посла, Поццо-ди-Борго. Онъ родился въ одномъ году и въ одномъ городѣ съ Наполеономъ, учился въ одной съ нимъ военной школѣ и былъ, потомъ, постояннымъ его противникомъ и врагомъ: это одно уже должно было заставить меня пожелать его увидѣть; лѣнь и застѣнчивость сперва не допускали меня ему представиться. Онъ жилъ въ отелѣ Телюссонъ, купленномъ Наполеономъ для графа Толстаго, довольно красивомъ, но не весьма великолѣпномъ, * на улицѣ Шантеренъ, называемой нынѣ улицей Побѣдъ. Близъ него помѣстился Петръ Ивановичъ Полетика, былъ почти вседневымъ его посѣтителемъ и нахлѣбникомъ, не спѣшилъ въ Америку, и мѣсяца полтора при мнѣ прожилъ въ Парижѣ. Онъ пристыдилъ меня, сказавъ, что на мой счетъ предупредилъ посла, и заставилъ меня къ нему явиться. Посолъ былъ отменно учтивъ, даже разговорчивъ, хотя не такъ фамильяренъ какъ Растопчинъ. Черезъ три дня карета его остановилась у подъѣзда скромнаго отеля де ла-Мёзъ, въ ней кто-то сидѣлъ, разумеется, не

* Нынѣ домъ этотъ не существуетъ: его сломали, и на его мѣстѣ построили прекрасную церковь Лореттской Богоматери.

самъ онъ, и мнѣ подали его печатную карточку, безъ загну- таго угла, какъ нынѣ водится, а съ надписью en personne: по моимъ русскимъ понятіямъ я нашелъ даже, что это слиш- комъ много для меня чести. Еще черезъ три дня, по его приглашенію, обѣдалъ я у него: за столомъ были только совѣтникъ посольства, предобрѣвшій Андрей Андреевичъ Шредеръ, что нынѣ посланникъ въ Саксонію, да принад- лежащіе къ посольству же: нынѣшній оберъ-гофмаршалъ, князь Николай Васильевичъ Долгоруковъ, и совершен- но офрандуженный сынъ бывшаго фаворита, Ермоловъ. Какъ солнце сіялъ между ними Поццо, ярко озаряя все ихъ ничтожество. Разговоръ былъ общій, о самыхъ неважныхъ предметахъ, въ которомъ каждый могъ принимать участіе; я тоже не хотѣлъ оставаться тутъ безсловесною тварью; но даже слово *здравствуй* въ устахъ такого человѣка какъ Поццо становится умѣе. Послѣ обѣда сдѣлался онъ слово- охотнѣе, особливо когда коснулось до Востока, гдѣ онъ долго путешествовалъ. Тѣмъ и кончилось наше знакомство: что могъ я имѣть съ нимъ общаго, кромѣ того что я былъ подданный государства, котораго былъ онъ тутъ представи- телемъ? Онъ соблюлъ со мною всю вѣжливость, которую обыкновенно оказывалъ онъ Русскимъ, которыхъ хотѣлъ отличить. Нѣсколько недѣль спустя получилъ я общее при- глашеніе къ обѣду, который давалъ онъ дипломатическому корпусу и Русскимъ, въ день именинъ государя: не имѣя мундира съ собою, я не поѣхалъ.

Я, кажется, ничего не дѣлалъ, а на многое не доставало у ме- ня времени: напримѣръ, окрестности Парижа не болѣе четы- рехъ или пяти разъ удалось мнѣ видѣть. Съ зятемъ и съ сестрою въ одинъ воскресный день ѣздили мы въ Бургъ ла-Рень, обѣдать къ Николаю Никитичу Демидову, который жилъ тутъ барски, на чьей-то дачѣ, въ пребольшомъ домѣ съ обширнымъ садомъ. Онъ пригласилъ меня каждое воскре- сенье повторять сіи посѣщенія, но до осени не удалось мнѣ его видѣть. Послѣ обѣда возилъ онъ насъ на пространное поле смотрѣть какъ пять тысячъ Французовъ обоего пола довольствуются пятью музыкантами, въ разныхъ мѣстахъ поставленными на бочкахъ, и безъ памяти пляшутъ на от- крытомъ воздухѣ. Все дѣлалось по командѣ, и новѣйшіе ме- нестрели, съ высоты своихъ бочекъ, какъ начальники надъ войскомъ, громогласно повелѣвали танцующими.

Я какъ будто ни на часъ не хотѣлъ отлучаться изъ Парижа. Для поѣздокъ моихъ изъ него всегда нужна была чужая воля, стороннее побужденіе. Братъ предложилъ мнѣ прогуляться въ Версаль вмѣстѣ съ нимъ, съ однимъ, мнѣ незнакомымъ, товарищемъ его по службѣ и съ женою сего послѣдняго; въ вѣкъ не забуду я этой ужасной прогулки. Въ четырехмѣстаой каретѣ, въ которой отправились мы, могъ я только познакомиться съ четою моихъ спутниковъ. Артиллерійскій полковникъ Л., Нѣмецъ, который не зналъ другаго языка кромѣ русскаго, былъ смиренъ какъ ягненокъ; за то жена его всегда находилась въ безпокойномъ движеніи, какъ дикая кошка. Когда онъ былъ еще офицеромъ на Дону, молодая казачка, дочь, кажется, урядника, заставила его на себѣ жениться, или лучше сказать, насильно на немъ женилась, увезла его, и увѣрила что имъ была увезена. Послѣ того по-казадки осѣдлала она его и цѣлый вѣкъ погоняла. Она была нельзя сказать чтобы дурна собою, но такого жесткаго выраженія, какого я еще никогда въ женскомъ лицѣ не видалъ. Бываютъ у женщинъ усики, иногда усы, а у этой были даже бакенбарды. Около трехъ лѣтъ находилась она съ войскомъ во Франціи, а точно какъ будто вчера оставила донскія станицы. Встрѣча двухъ крайнихъ противоположностей, самаго грубаго варварства посреди страны почитаемой просвѣщеннѣйшею въ Европѣ, сначала казалась мнѣ забавна, но скоро положеніе мое сдѣлалось мучительнымъ.

Это было въ первые дни пребыванія моего въ Парижѣ: съ любопытствомъ пріѣзжаго вопрошалъ я брата о мѣстахъ ему уже знакомыхъ. Она безпрестанно мѣшалась въ разговоръ, дѣлая съ своей стороны вопросы и заключенія. Когда сперва проѣзжали мы площадь, на которой казнь былъ Лудовикъ XVI, я воскликнулъ при воспоминаніи сего печальнаго происшествія. „Да можетъ ли это быть? сказала она. Какъ отрубить царю голову! Да какъ они смѣли, канальи!“ Она объ этомъ никогда еще не слыхала. Все было на этотъ ладъ. Я, наконецъ, замолчалъ и надѣялся, что по пріѣздѣ избавлюсь отъ нея; а вышло напротивъ. Мы остановились у дворца, въ которомъ, по случаю праздничнаго дня, народу было множество. Злодѣйка знала, что европейскій обычай велитъ мужчинамъ водить дамъ; звѣрскимъ

взглядомъ своимъ окинувъ три предстоящія жертвы, выбрала меня и подала мнѣ руку. Известно, что жены кавалеристовъ, такъ же какъ и сами они, не любятъ пѣшеходства, особенно же казачки, изъ коихъ многія оттого, подобно г-жѣ Л., перейдя за тридцать лѣтъ, становятся чрезвычайно тучны. Не бездѣлица была для меня подниматься съ нею по высокой лѣстницѣ и проходить безконечные ряды огромныхъ комнатъ, совершенно пустыхъ, но наполненныхъ историческими воспоминаніями, столь занимательными для человѣка воспитаннаго роаялистами. Проводникъ, въ богатой королевской ливреѣ, часто останавливался, чтобы входить въ подробные разказы; не давая мнѣ даже вслушаться, требовала, чтобъ я все ей переводилъ, я говорилъ на-обумъ, она ничего не понимала и ужасно сердилась. Въ залѣ Аполлона спросила: „что это за Аполлонъ, что онъ за человѣкъ?“ Въ комнатѣ, называемой *oeil de boeuf*:—„Гдѣ же тутъ бычачій глазъ?“ Я не велъ ее, а тащилъ, и она рѣшительно лежала на мнѣ. Изъ толпы другихъ поѣвтителей иные съ удивленіемъ, иные почти со смѣхомъ смотрѣли на смуглую рожу ея, выражавшую негодование и усталость, а еще болѣе на изнеможенную фигуру мою подъ бременемъ тяжелаго креста, который осужденъ я былъ нести. Даже самому брату, виновнику моего несчастья, не предвидѣвшему такой напасти, смѣшно и жалко было смотрѣть на меня. „Что тутъ увидишь? повторяла она. Голыя стѣны? Зачѣмъ было прѣвзжать!“ Мы оба съ мучительницею моею не захотѣли послѣ того идти въ садъ, а поспѣшили въ ближайшую гостиницу, гдѣ она спросила комнату съ постелью, повалилась на нее, сняла башмаки и готова была снять при насъ чулки, еслибы мужъ не упросилъ ее сего не дѣлать. Подали обѣдъ; она ѣла за троихъ, а по окончаніи его закричала вмѣстѣ со мною: „домой, домой, скорѣе домой!“

Неудачная эта поѣздка съ братомъ возбудила, однакоже, во мнѣ любопытство одному посмотреть на Версаль. Съ десятию, кажется, пассажирами сѣлъ я въ велосиферъ, тогда новаго изобрѣтенія карету, и поѣхалъ не такъ шибко какъ обѣщало названіе экипажа. На свободѣ могъ я подивиться во дворцѣ остаткамъ прежняго великолѣпія его: живописи плафоновъ, позолотѣ карнизовъ, мраморнымъ галереямъ и лѣстницамъ. Садъ со стриженными деревьями, лишенный тѣни,

конечно, не можетъ быть обыкновенною пріятною прогулкой, но на этомъ положена печать величія времени. Всемогущій и роскошный монархъ могъ одинъ создать его; мраморомъ выложенные бассейны, высоко бьющіе безчисленные фонтаны, цѣлый полкъ бронзовыхъ статуй, все отличаетъ царское житье: проходя по немъ, мнѣ казалось, что я читаю одну изъ главъ исторіи Лудовика XIV. При Маломъ Трианонѣ, любимомъ мѣстѣ Маріи Антуанеты, находится иррегулярный садъ въ англійскомъ вкусѣ, ничѣмъ не замѣчательный, не болѣе тѣхъ кои въ Россіи встрѣчаемъ мы у частныхъ владѣльцевъ. Когда Французы начнутъ перенимать у Англичанъ, то все какъ будто передразниваютъ ихъ, чтобы не держаться имъ своего.

Опытъ долженъ былъ научить меня развѣзжаты по окрестностямъ Парижа, не иначе какъ одному; я не послушался его и былъ за то наказанъ. Мнѣ изъ Лондона отъ Анны Андреевны Блудовой привезъ письмо сынъ священника нашей миссіи, Смирновъ, который служилъ тамъ въ канцеляріи посольства. Родившись въ Англіи, отъ англійской матери, онъ говорилъ по-русски хотя правильно, но съ англійскимъ выговоромъ, никогда не бывалъ въ Россіи и, можно сказать, наизусть обожалъ ее. Этотъ молодой человекъ былъ очень добръ и ласковъ, посвѣщалъ меня и полюбилъ мнѣ. Въ одинъ вечеръ онъ пришелъ ко мнѣ съ приглашеніемъ богатой мистрисъ Литлетонъ быть у нея слѣдующимъ утромъ въ десять часовъ, дабы вмѣстѣ съ большою компаніей объѣздить нѣкоторыя примѣчательныя мѣста вокругъ Парижа. Она хотѣла этимъ случаемъ воспользоваться, чтобы сдѣлать мое знакомство, какъ сказалъ мнѣ Смирновъ. Я зналъ мало Англичанокъ, воображалъ, что почти всѣ онѣ должны быть красавицы и полны благодарности за сдѣланное мнѣ приглашеніе; я явился въ назначенный часъ и въ указанный мнѣ домъ, въ улицѣ Провансъ. Дѣйствительно, въ большой залѣ нашолъ я собранными до двадцати особъ обоюга пола, между коими Русскихъ было только двое: Смирновъ, который казался тутъ домашнимъ, и одна дѣвица Левицкая, которую знавалъ я въ Петербургѣ, въ домѣ князя Салтыкова, и которая не знаю какъ сюда попала. Хозяйка очень вѣжливо привѣтствовала меня по-французски; всѣ же другіе вокругъ меня объяснялись между собою на языкѣ, который, какъ у

насъ говорится, не при мнѣ былъ писанъ. Долго не заставили меня дожидаться; не успѣлъ еще разглядѣть я своихъ сопутницъ, какъ кареты были поданы. Онѣ были для однѣхъ дамъ, а мужчины, о ужасъ! должны были садиться снаружи. Я рѣшительно объявилъ, что лазить не умѣю и вѣхать не могу. Меня посадили въ карету съ четырьмя дамами, изъ коихъ двѣ очень учтиво потѣснились.

Когда я взглянулъ на нихъ, то обмеръ: изъ семи смертныхъ грѣховъ, казалось, четыре сидѣло со мною: до того онѣ были дурны собою. Всѣ онѣ говорили по-французски, какъ? О томъ не нужно спрашивать; мы могли понимать другъ друга, и этого было бы довольно. Я надѣялся, что любезность ихъ замѣняетъ имъ красоту, и дерзнулъ вступить въ разговоръ. Съ выжатою на устахъ улыбкой, на все отвѣчали онѣ да, нѣтъ или тому подобное. Сначала приписывалъ я это у насъ прославленной скромности британскихъ жень и не терялъ бодрости. Немного понимая по-англійски, я ихъ увѣрилъ, что ни слова не знаю, дабы могли онѣ, по крайней мѣрѣ, между собою разговаривать; ни мало: вопросы и отвѣты дѣлались односложными словами; хотя бы для забавы моей при мнѣ немного поругали онѣ меня, и этого не было. Я былъ не одинъ и не въ обществѣ. Такимъ образомъ проѣхали мы Булонскій нѣкогда лѣсъ, тогда Булонскую рощу, нынѣ, говорятъ, совсѣмъ почти вырубленную. Потомъ пріѣхали въ Сень-Клу, гдѣ очень кстати не было королевской фамиліи, и мы могли осмотрѣть дворецъ. Онъ былъ исправленъ и восстановленъ Наполеономъ, который на внутреннее убранство дворцовъ не былъ очень расточителенъ; я видѣлъ двѣ комнаты, богато отдѣланныя для Маріи Луизы,—спальню ея и кабинетъ; тогда занимала ихъ герцогиня Ангулемская. Въ одной полукруглой комнатѣ остановился я передъ большимъ окномъ, въ которомъ было вставлено цѣльное зеркальное стекло. Изъ него видѣлъ весь Парижъ, всегда какою-то мглою подернутый, вѣчно дымящійся кратеръ народнаго волкана, котораго взрывы не разъ ужасали владѣльцевъ Сень-Клу. Паркъ и его гигантскій водометъ въ другой разъ видѣлъ я гораздо лучше, когда одинъ пріѣзжалъ на ярмарку, которая бываетъ тутъ въ первое сентябрьское воскресенье.

Изъ Сень-Клу отправились мы на королевскій фарфоровый заводъ въ Севрѣ. Можно было полюбоваться тамъ ко-

лоссалными его произведеніями—вазами, на которыхъ писаны картины такъ же искусно и тщательно какъ бы на холстѣ; можно было найдти и вещи для продажи, но кому было покупать ихъ? Этого рода промышленность болѣе всѣхъ другихъ размножилась во Франціи, и фарфоровая посуда на частныхъ заводахъ дошла до неимовѣрной дешевизны.

Мы кончили наше путешествіе посѣщеніемъ еще двухъ королевскихъ увеселительныхъ замковъ, близко другъ отъ друга находящихся, Мёдона и Беллею. Видъ изъ послѣдняго, какъ показывается названіе его, дѣйствительно прекрасенъ. Въ обоихъ замѣтны были свѣжія поправки, которыми хотѣли стереть слѣды губительной руки революціоннаго варварства.

Всѣ издержки этого странствованія взяла на себя госпожа Литлетонъ, которая имъ хотѣла угостить насъ. Одинъ длинный Англичанинъ, кажется, игралъ тутъ роль ея казначея: при выходѣ изъ каждаго зданія или заведенія, проводникамъ совалъ онъ какую-то мелкую монету. Французы въ этомъ случаѣ очень учтивы, всегда скажутъ „мерси“, а эти только съ удивленіемъ на него посматривали. Замѣтивъ это, я немного отставалъ и вручалъ отъ себя пятифранковый экю; „видно, что мсье не Англичанинъ“, говорили проводники; „я Русскій“, отвѣчалъ я, и они мнѣ почтительно улыбались. Первые Англичане, которые по заключеніи мира пріѣхали въ Парижъ, хотѣли удивить Французовъ щедростью, и сѣяли золото: ихъ всѣхъ величали милордами. Послѣ того люди не столь богатые стали въ близкомъ сосѣдствѣ съ отечествомъ селиться изъ экономіи, и сдѣлались очень разчетливы, даже черезчуръ.

Не мало времени потребно было на такіе разѣзды; выѣхавъ въ одиннадцатомъ часу утра, воротились мы только въ седьмомъ часу вечера. Въ большой залѣ накрытъ былъ длинный столъ; мнѣ пришло въ голову сосчитать гостей и приборы, и вышло, что одному изъ насъ тутъ мѣста не было. Чтобъ удостовѣриться я ли назначенъ къ выключкѣ, сталъ я раскланиваться и прощаться, и меня не удержали. Говорятъ, что въ Албіонѣ обычай сажать за обѣдъ однихъ только короткихъ, но я былъ Русскій и въ Парижѣ; а у насъ на Руси отпустить гостя безъ обѣда почиталось тогда неучтивостью и прегрѣшеніемъ, и даже на Новгородцевъ въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, былъ одинъ только поклонъ. Съ рав-

вяго утра я ничего не ѣлъ: можно посудить о состояніи моего аппетита. Одна бѣда никогда не приходитъ; на всемъ разстояніи шоссе д'Антенъ до Пале-Рояля не встрѣтилъ я ни одного извозчика; въ виду у меня проѣзжали кабриолеты, фіакры, но ни одинъ довольно близко чтобъ услышать мой зовъ, и я, голодный, утомленный, пѣшій, вначалѣ восьмага воротился домой. Огонь на кухнѣ погасъ, все было съѣдено, но хозяева и прислуга любили меня; они были тронуты моимъ горемъ, принялись стряпать, и черезъ часъ сколько-нибудь утомили я свой голодь. Смирновъ на другой день уѣхалъ въ Лондонъ, и я не могъ даже имѣть удовольствія объяснить ему мое неудовольствіе. Черезъ четыре дня получилъ я отъ г-жи Литлетонъ записку, гдѣ отъ имени своего и отъ имени бывшихъ со мною мистрисъ, которыя, по словамъ ея, умѣли оцѣнить мою любезность, приглашаетъ она меня къ себѣ на большой вечеръ, прибавляя, что, какъ Русскій, я освобождаюсь отъ обязанности надѣвать башмаки. Я не только не отвѣчалъ, но даже не послалъ извиниться: досада во мнѣ еще не остыла, и вообще желудокъ у меня злопамятнѣе сердца.

Во все время пребыванія моего въ Парижѣ я былъ свидѣтелемъ одного только большого торжества, именно воздвиженія статуи Генриха IV на самомъ старомъ мосту, который вѣчно называется Новымъ. Этотъ король, храбрый, умный, хвастливый, влюбчивый, довольно развратный, былъ точнымъ изображеніемъ народа, съ коимъ воевалъ, коего побѣдилъ и надъ коимъ царствовалъ, и оттого болѣе другихъ живетъ въ его памяти. Его потомство на этой народной любви болѣе всего основываетъ силу свою, но не ошибается ли оно? Французы любятъ тѣхъ, кои на нихъ похожи, а не уважаютъ: Генрихъ можетъ быть ихъ любимцемъ, но Наполеонъ въ будущихъ вѣкахъ останется ихъ кумиромъ. Конная статуя Генриха отлита была за городомъ и ввезена на каткахъ въ заставу де-л'Этоаль, гдѣ нынѣ большія Триумфальныя ворота. Оттуда по широкой аллеѣ Елисейскихъ полей народъ потащилъ ее на себѣ; къ тысячамъ веревокъ припрягались тысячи праздныхъ шалуновъ. Мнѣ казалось этѣ пламеннымъ усердіемъ народа къ памяти добраго Дьябля-акатра. Зрѣлище было прекрасное; огромная масса всадника, вся покрытая сивымъ коленкоромъ, съ вырѣзанными, я думаю, изъ золотой бумаги и наклеенными на немъ лиліями, медленно, шагъ за

шагомъ, подвигалась, сопровождаемая и предшествуемая толпами неизчетнаго народа. Больше полусутокъ везена была она до угла Тюльерійскаго сада, тутъ оставлена на ночь, и только на другой день, вдоль по Сенъ, привезена къ предназначенному ей мѣсту. Островъ Сите выдается тутъ острымъ клиномъ, который, бывъ пересѣкаемъ мостомъ, образуетъ небольшое пространство, на которомъ поставлена статуя на самомъ выгодномъ мѣстѣ, можно сказать въ виду цѣлаго Парижа. Противъ статуи на мосту устроена была богато украшенная галерея для короля, королевскаго дома, иностранныхъ принцевъ и маршаловъ, другія галереи для иностранныхъ пословъ и двора. На мостъ безъ билета никто пропускаемъ не былъ, но Калліархи, какъ сказалъ я выше, добрался до короля, выдавая себя за родственника русскаго императора.

Это было 25 августа новаго стilia, въ день Св. Лудовика. Я ходилъ по бульварамъ, по обѣимъ сторонамъ коихъ разставлены были войско и національная гвардія, и смотрѣлъ какъ развѣзжалъ передъ ними и командовалъ королевскій братъ д'Артуа, еще бодрый старикъ. Потомъ съ церемоніей проѣхалъ самъ король-подагрикъ, въ открытой коляскѣ, съ двумя племянницами, герцогинями Ангулемскою и Беррійскою. Много любопытства, но никакого энтузіазма не замѣтилъ я между зрителями. Послѣ обѣда ходилъ я въ Елисейскія поля, гдѣ изъ устроенныхъ фонтановъ било красное и бѣлое вино, и забавлялся глядя какъ народъ имъ упивается и пацкается. Бывъ цѣлый день въ движеніи, я не въ силахъ былъ идти ночью, чтобы видѣть самое любопытное зрѣлище: по мосту Pont Neuf, который весь горѣлъ какъ въ огнѣ, не было проѣзда; во всю длину свою превратился онъ въ галерею, гдѣ кучи не маскированнаго, а перереяженнаго народа, пользуясь благопріятною погодой, плясали до разсвѣта. Въ этотъ день между чернью, я думаю, всѣ были роялисты.

Если кто вспомнить какъ въ это время благоговѣлъ я передъ священнымъ именемъ Бурбоновъ, тотъ пойметъ жажду мою видѣть носящихъ его. Малый чинъ мой не давалъ мнѣ права представляться ко двору, да оно и не было въ обычаѣ. Однакоже, въ первые дни послѣ пріѣзда моего, удалось мнѣ взглянуть на стараго короля, который не переезжалъ еще за городъ, и у котораго были еще ноги. Въ какой-то праздничный день, какъ у насъ, былъ большой выходъ; изъ внутрен-

нихъ покоевъ Тюльерійскаго дворца по наружной открытой галлерей, не высоко надъ садомъ, шествовалъ онъ къ обѣднѣ въ церковь, и вмѣстѣ съ другими звѣсками довольно близко могъ я разглядѣть его. Я прислушивался и вглядывался въ окружающихъ меня: на многихъ лицахъ угадывалъ я насмѣшки, но въ слухъ никто не позволялъ ихъ себѣ, и даже кой-гдѣ выпаливало: *vive le Roi*. Графа д'Артуа видѣлъ я одинъ разъ только передъ фронтомъ. Нечаянно попалъ я разъ на герцога и герцогиню Ангулемскихъ въ Ботаническомъ саду, *Jardin des Plantes*. Любопытство дало мнѣ смѣлость вступить въ весьма небольшую толпу за ними слѣдовавшую, состоявшую на половину изъ священниковъ и монаховъ. Не слышно еще тогда было о цареубійствахъ, большихъ предосторожностей не брали, меня можно было принять за принадлежащаго къ ихъ свитѣ, и я слѣдовалъ по пятамъ ихъ высочества. Разсматривая звѣрей и растенія, они вопрошали профессоровъ, и я могъ не проронить ни одного слова, коихъ произнесимо было немного. Стройный станъ герцогини, ея простое платье, простую шляпку, мрачное лицо выражающее спокойствіе и твердость, ея голосъ болѣе грубый чѣмъ нѣжный, однакоже трогательный, я въ вѣкъ не забуду. Еслибы съ цѣлымъ свѣтомъ и не зналъ я повѣсти о ея великихъ страданіяхъ, то и тогда пораженъ бы былъ величіемъ и святостію, которыя отличали ее. Къ сожалѣнію, не могу я того сказать о ея супругѣ; этотъ малорослый, дряблый Бурбонъ, ни въ походкѣ, ни во взглядѣ, ни въ голосѣ не имѣлъ ничего благороднаго и безпрестанно ковырялъ въ длинномъ носу своемъ. Когда чета сія пошла въ кабинетъ натуральной исторіи, то догадались, и меня за нею не пустили.

Еще страннѣе и неожиданнѣе была встрѣча моя съ другимъ братомъ, герцогомъ Беррійскимъ. Въ увеселительномъ заведеніи Божонъ устроены были превысокія деревянныя горы для катанья, съ площадкою на верху и двумя идущими къ ней довольно широкими лѣстницами. Не знаю по какому случаю былъ тутъ большой фейерверкъ, по окончаніи котораго съ высоты горъ мнѣ захотѣлось взглянуть на иллюминацію, и я съ тѣснящеюся толпою пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, ярко освѣщенной. Какой-то толстенькій человекъ, шедшій мнѣ на встрѣчу, не весьма учтиво толкнулъ меня, и я поднялъ было локоть чтобы оттолкнуть его. Въ эту минуту кто-то сзади дернулъ меня за полу, и я увидалъ, что онъ ведетъ хорошо

одѣтую бѣлокурую молодую даму, которая показалась мнѣ косою, можетъ-быть, оттого что она покосилась на меня, и я немного посторонился. „Что было вы это надѣлали! сказалъ мнѣ шедшій за мною и со мною молодой Каріонъ де-Низасъ: вѣдь это герцогъ и герцогиня Берріѣскіе.“ Онъ былъ древняго рода дворянинъ, но отецъ его былъ сенаторомъ при Наполеонѣ, и онъ остался ужаснымъ бонапартистомъ. „Впрочемъ бѣда бы не великая была, продолжалъ онъ помирая со смѣху: вы иностранецъ, вы бы извинились и тѣмъ бы дѣло кончилось.“ Тотъ же самый Каріонъ де-Низасъ, когда мы разъ подходили съ нимъ къ театру Фаваръ, сказалъ мнѣ: „хотите ли вы видѣть герцога Орлеанскаго? вотъ онъ съ женой подъѣзжаетъ въ каретѣ, кажется, къ боковому подъѣзду.“ Мы остановились, пока Лудовикъ Филиппъ выходилъ изъ кареты: ни онъ, ни будущая королева его и тогда красотою хвастаться не могли.

Изъ всѣхъ тѣхъ, кои играли роли во время революціи, республики и при Наполеонѣ, мнѣ удалось видѣть только одного, и за то еще обязанъ я Низасу, который такъ же какъ Оже часто со мной разгуливалъ. Въ Тюльерійскомъ саду указалъ онъ мнѣ на человѣка, который сидѣлъ на одномъ изъ плетеныхъ стульевъ, за которыя платится два су, и сказалъ, что это Баррасъ. Рядомъ былъ пустой стулъ; я кинулъ Низаса и, вынужъ два су, поспѣшилъ занять его. Баррасъ былъ человѣкъ весьма пожилой, худощавый, блѣдный, не съ распущенными, а на уши приглаженными волосами, еще не сѣдыми, во фракѣ стараго покроя, въ шляпѣ съ большими полями, и обѣими руками упирался на трость клюкой. Не легко было войти въ разговоръ съ такимъ сосѣдомъ, онъ смотрѣлъ такъ угрюмо; но я прикинулся простачкомъ, новичкомъ, только-что пріѣхавшимъ изъ Россіи и всему дивящимся, и онъ охотнѣе сталъ отвѣчать. Когда я хвалилъ великолѣпіе Тюльерійскаго дворца и красоту его сада, онъ сказалъ мнѣ, что онъ не всегда былъ въ этомъ видѣ, и что нѣкогда большая аллея его была вся засажена канустой. Мнѣ только и надобно было посмотреть на него изъ любопытства и услышать его голосъ: знакомиться съ нимъ было бы трудно да и не для чего.

Все то что было открыто для любопытства путешественниковъ,—музеи, картинныя галлеи,—все это было мною посѣщено, но описывать не имѣю терпѣнія, зная, сверхъ того,

что всякій сдѣлаетъ это лучше меня. Скорѣе обращусь къ предмету, который, какъ читатель могъ замѣтить, вездѣ для меня былъ занимателенъ и особенно въ Парижѣ, именно къ театру.

Когда въ августѣ ночи сдѣлались темнѣе и длиннѣе, и драматическія знаменитости начали возвращаться въ Парижъ, тогда только сталъ я чаще посѣщать его или ихъ, ибо число и тогда было велико. На другой или на третій день по приѣздѣ, обманутый названіемъ дешеваго театра веселости, дела-Гете, посѣщилъ я въ него: мнѣ хотѣлось посмѣяться, а я нашелъ въ немъ всѣ ужасы мелодраммы. Рядомъ съ нимъ на бульварѣ Тампля стоялъ соперникъ его Амбигю-Комикъ, и оба въ запуски, подъ разными только названіями, представляли на сценѣ преступленіе учиненное въ Родосѣ, которое породило процессъ Фюалдеса, занимавшего тогда всю Францію. Назвать актеровъ было бы мнѣ трудно: играющіе на мелкихъ парижскихъ театрахъ суть народъ кочевой, который за прибавку платы безпрестанно переходитъ съ одного на другой. Всѣ были довольно недурны; Французы рождаются комедіантами, что тутъ удивительнаго? Одного дѣйствительно хорошаго видѣлъ я въ Амбигю: это былъ Нѣмецъ Клейнъ. Черезъ сіи два театра и третій у воротъ Св. Мартина вступалъ во Францію англо-германскій романтизмъ, послѣ десяти лѣтъ овладѣлъ всею сценой и началъ выдавливать съ нея классицизмъ. Какъ нѣкогда Франки, Бургунды и Вестготы, ворвавшись въ отчизну Галловъ, нѣмецкія идеи принялись исподволь истреблять въ ней обычай и вѣрованія древняго Рима. Въ третьемъ, выше названномъ мною театрѣ не было опредѣленнаго рода, а смѣшеніе всѣхъ родовъ. То что играли на немъ можно назвать трагедіями-фарсами, съ музыкой, пѣніемъ и балетами. Онъ славился богатствомъ своихъ костюмовъ и декорацій и украшался игрой неподражаемаго Потье. Я видѣлъ въ немъ верхъ комическаго искусства, и онъ разсмѣшилъ бы, кажется, умирающаго.

Парижанамъ всѣхъ состояній, даже низшаго, зрѣлища потребны столько же какъ хлѣбъ. Ихъ алчности, ихъ ненасытмости въ этомъ случаѣ нельзя довольно надивиться. Малые театры открывались обыкновенно въ шесть часовъ. У входа въ нихъ, съ пяти часовъ, люди, коимъ не позволено было толпиться, становясь по два въ рядъ, составляли длинный хвостъ, уступая приходящимъ старшинство за деньги. Во время

спектакля, который продолжался до десяти и до десяти съ половиною часовъ, надобно было на узкихъ и жесткихъ лавкахъ сидѣть на корточкахъ, и потомъ часу въ двѣнадцатомъ воротиться домой. Около семи часовъ сряду эти люди выносили трудъ и потомъ муку: охота пуще неволи. Я не подвергалъ себя тому; подороже мѣста были и покойнѣе и ихъ всегда можно было найдти. Успѣхами своихъ произведеній авторамъ хвалиться было нечего; малые театры совсѣмъ не просторны, а десятки тысячъ людей хотятъ видѣть всякую новую піесу; дабы всѣ пересмотрѣли ее, надобно по крайней мѣрѣ сорокъ представлений, а потомъ подавай что-нибудь новое.

Совершенно во французскомъ вкусѣ и духѣ было только два театра, Варіете и Водевиль. Въ первомъ не были слишкомъ строги насчетъ выбора піесъ. Онѣ обыкновенно наполнены были непристойными двусмысленностями, каламбурами и куплетами на извѣстныя аріи, которыя болѣе говорились чѣмъ пѣлись. Недавно лишился сей театръ лучшаго украшенія своего: съ него сманили Потье; въ утѣшеніе остались Брюне и Тьерселенъ. Первый, признаюсь, совсѣмъ не показался мнѣ такъ забавенъ какъ о немъ говорили, а Тьерселенъ былъ живымъ изображеніемъ людей самаго низшаго сословія, коихъ представлялъ. Роль сапожника, по его словамъ, была бы слишкомъ для него благородна; онъ могъ играть только саветье,—тѣхъ кои подшиваютъ подметки. Водевиль стоялъ гораздо выше, въ немъ требовалось гораздо болѣе тонкости ума, а для пѣнія куплетовъ пріятные голоса. На немъ одна актриса, Минетта, была чрезвычайно оригинальна: она играла новаго рода субретокъ, простодушно-лукавыхъ и весело-злыхъ служанокъ. Она мнѣ показалась чудесна и соблазнительна.

Комическая опера въ театрѣ Фейдо не соответствовала моимъ ожиданіямъ. Возвратившись изъ Россіи, часторѣчная мною Филисъ опять появилась въ ней, не была освистана, но не была и принята. Изъ этого могъ я заключить, что женщины, которыя въ ней играютъ, превосходятъ ее и должны быть совершенство. Ни одна изъ нихъ въ глазахъ моихъ не могла замѣнить ее. Мадамъ Буланже, прекрасная собою, играла и пѣла хорошо, только не такъ пріятно какъ моя Филисъ, къ тому же чрезвычайно начинала толстѣть. Мадамъ Гаводанъ, маленькая, худенькая и проворная, каза-

лась очень мила, но прислушавшись къ ея голосу и всмотрѣвшись въ ея черты, ея сорокъ пять лѣтъ мнѣ очень явно обнаружилась. Третья, мамзель Паларъ, какъ пѣвица, имѣла самый превосходный талантъ, но играла плохо и собой была весьма нехороша. Изъ пѣвцовъ, Мартеномъ, нѣсколько уже пожилымъ, болѣе баритономъ чѣмъ теноромъ, былъ я чрезвычайно доволенъ. Другой теноръ, Поншаръ, пѣлъ тоже очень хорошо, но уже черезчуръ былъ недовонокъ и некрасивъ. Въ это время раза по два и по три въ недѣлю задала давать новую оперу Боелдиё — Красную Шапочку. Въ другіе дни встрѣчалъ я тутъ на сценѣ старыхъ петербургскихъ знакомыхъ: Евфросину, Калифа Багдатскаго, Водозова и Тетку Аврору.

Французы гордятся большою своею оперой, называя ее магическимъ зрѣлищемъ, которое очаровываетъ душу, слухъ и зрѣніе. Они правы; они могутъ почитать себя изобрѣтателями, основателями его; только подражатели во многомъ превзошли ихъ. Въ однѣхъ только танцахъ сохранили они первенство. Что же касается до великолѣпія костюмовъ и декорацій, то Петербургскій театръ давно можетъ съ ними поспорить. Когда они поднимаютъ, монтируютъ, по ихъ выраженію, новую оперу, то все въ ней богато, блистательно, свѣжо. Пройдутъ годы, все это потускнѣетъ, помянется, изотрется, ничто не подновляется, тогда какъ у насъ платья всегда какъ съ иголочки, декораціи какъ будто вчера написаны. О музыкѣ уже и говорить нечего: нѣтъ въ мирѣ народа, у котораго тимпанъ въ ушахъ былъ бы жестче чѣмъ у Французовъ. Веселое, плясовое имъ нравится; но чтобы звуками расшевелить ихъ, нуженъ шумъ, трескъ и крикъ. Никто обо всемъ такъ рѣшительно не судитъ какъ невѣжды: никто изъ Французовъ не понималъ, не чувствовалъ недостатковъ или красотъ ни Глюкка, ни Пиччини, но принявъ чужія мнѣнія о томъ и о другомъ, готовы были рѣзаться между собою. Послѣ революціи, при Наполеонѣ, въ тѣсномъ соединеніи съ Италіей вкусъ ихъ примѣтно началъ образовываться: дела Марія, Херубини, Спонтини, соображаясь по возможности съ ихъ требованіями, исподволь въ музыку ихъ стали вводить италянскую мелодію. Въ послѣдствіи сами Италіяны, сближаясь съ ихъ вкусомъ, въ своихъ операхъ увеличили оркестръ и наполнили его тромбонами и офиклеидами. Въ 1818 году это перерожденіе еще не совершилось.

До революціи италіянская труппа играла уже комическія оперы, но Французы такъ мало еще смыслили въ музыкѣ, что тѣшились однимъ лишь кривляньемъ буффовъ, каррикатовъ, и оттого и назвали это театромъ Буффоновъ. Знаменитая Каталани, великая легитимстка, первая пѣвица въ Европѣ, попыталась было играть въ Парижѣ серіозныя оперы, но несмотря на покровительство Лудовика XVIII не могла удержаться. Ея уже не было, а изъ труппы осталась одна дѣвица Чинти, которая давала концерты.

Въ большой французской оперѣ почувствовалъ я не только скуку, даже отвращеніе. Называя ее Королевскою Академіей Музыки, а представленія въ ней лирическими трагедіями, съ претензіями на большое знаніе въ искусствѣ, Французы требуютъ, чтобы всѣ онѣ писаны были въ стихахъ и играны на распѣвъ: а речитативы, по моему мнѣнію, не худо бы выкинуть и изъ италіянскихъ оперъ. Каково же было мнѣ три или четыре часа сряду слушать неистовые крики; съ помощію превращеній и балетовъ могъ я только выносить ихъ. При мнѣ давали безпрестанно оперу Данаиды, но болѣе двухъ разъ я не видѣлъ ее. Упервой пѣвицы, мадамъ Браншю, голосъ былъ огромный; онъ былъ бы и пріятный, еслибы въ угожденіе публикѣ она его совсѣмъ не перепортила. Другая молоденькая пѣвица, Женни, мамзель, а немиссъ, не достигла еще до того. Старикъ Лаисъ былъ лучше всѣхъ, а г. Деривисъ просто ревѣлъ. Парижане жаловались на скудость балетной труппы, въ сравненіи съ тѣмъ что была она прежде. Англійское золото переманивало все лучшее. Однакоже дѣвица Анатолю и двое молодыхъ мушьянъ, Поль и Фердинандъ, въ танцовальномъ искусствѣ казались мнѣ такими, какихъ лучше требовать нельзя.

Такъ-называемая французская комедія или французскій театръ болѣе всѣхъ привлекалъ мое вниманіе: тамъ все дышало классицизмомъ. Жалкій оркестръ, изъ плохихъ музыкантовъ составленный, въ междудѣйствіяхъ двадцать лѣтъ сряду игралъ одну симфонію, и при умножавшемся числѣ зрителей онъ исчезалъ, уступая имъ мѣсто. Роскошью декорацій и искусствомъ машинъ равномерно пренебрегали въ такомъ мѣстѣ, гдѣ хотѣли дѣйствовать одною благозвучною силой слова и поражать умъ и сердце; однимъ словомъ, изящество должно было соединяться съ простотой. Кромѣ трагедій и высшихъ комедій тутъ ни-

чего не играли. Труппа почиталась драматическою аристократіей, и въ ней былъ царь, настоящій, законный царь, Тальма. Я почитаю себя счастливымъ что его видѣлъ, ибо подобнаго ему никогда не увижу. Это былъ не лицедей, а оборотень; когда онъ сходилъ со сцены, тогда только вспоминалъ я что видѣлъ Тальму, а пока онъ находился на ней передо мною былъ Орестъ, Эдипъ, Манлій, Неронъ, Гамлетъ или Чингисъ-Ханъ; съ разнообразнымъ величіемъ превращался онъ въ каждаго изъ нихъ. Всѣ прочіе передъ нимъ казались ничто, можетъ-быть, оттого что чудеснымъ превосходствомъ его были затмѣваемы, подавлены. Тотъ, который игралъ съ нимъ одинаковыя но не однѣ роли, картавый Лафонъ, въ Танкредѣ, въ Оросманѣ, все оставался манернымъ Французомъ. Игравшій вторыя роли Мишо былъ не безъ таланта, но видно очень скромнень, ибо соглашался вѣчно находиться въ невыгодномъ для него сообществѣ съ Тальмой. По старой привычкѣ или не знаю отчего, Парижане были безъ памяти отъ первой трагической актрисы своей, мамзель Дюшенуа. Конечно, красота не есть необходимое дѣло для высокаго дарованія; но когда женская наружность дѣлается столь отвратительною какъ въ этой актрисѣ, то кажется что всякій энтузіазмъ долженъ погаснуть. Она сильно чувствовала: лице и голосъ ея удивительнымъ образомъ выражали отчаяніе, но этотъ голосъ былъ противень, и я всегда менѣе былъ имъ растроганъ чѣмъ испуганъ ея ужасною худобой, ея скулами и выдвинутою челюстью, едва прикрытыми изсохшею кожей. А между тѣмъ Жоржъ воротилась изъ Россіи, но такъ же какъ Филисъ не могла вновь поступить на сцену, какъ будто обѣ осквернили себя игрой на чужеземныхъ театрахъ. Тутъ было дѣло другое: публика желала видѣть Жоржъ, но деспотъ Тальма постоянно отвергалъ ее.

Женщинами комедія была очень богата; она имѣла своего Тальму въ женскомъ платьѣ, мамзель Марсъ. Ей было за сорокъ лѣтъ, но они спадали съ нея въ кулисахъ, каждый разъ какъ она являлась передъ зрителями. Что это за пріятность была въ лицѣ! что за прелесть въ игрѣ! что за гармонія и свѣжесть въ голосѣ! что за грація въ походкѣ и во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ! Чтобы перомъ изобразить ее, надобно авторское искусство равное ея драматическому. Долго потомъ, говорятъ, играла она еще, и въ продолженіе тридцати

лѣтъ казалась двадцати. Эмилія Леверъ не смѣла спорить съ нею, но однакожь и при ней не совсѣмъ теряла свой блескъ. Молоденькая, красивая актриса, Роза Дюпюи, тогда дебютировала и много общалась: если прибавить къ нимъ мелькнувшую у насъ въ Петербургѣ Бургоэнь, то вмѣстѣ, право, составляли онѣ прекрасный букетъ. Изъ мушницъ игралъ тотъ же Мишо, котораго называлъ я, говоря о трагедіи. Для каждаго рода ролей было по три актера, а отличныхъ не было почти ни одного. Между ними наблюдалось старшинство, и позже опредѣленный тогда только показывался, когда другіе два не могли или не хотѣли играть. Оттого въ роляхъ слугъ безпрестанно видѣлъ я, по моему, несноснаго Тенара и очень рѣдко славнаго Монроза.

Былъ еще второй французскій театръ, гдѣ играли драмы и новѣйшаго рода комедіи, изображающія новыя нравы. Тамъ уже нельзя было найти ни зубретокъ, лизетокъ, финетокъ, ни напудренныхъ маркизовъ, въ вышитыхъ кафтаняхъ, съ кошельками и красными коблуками. Онѣ составлялъ середину между древнею и нынѣшнею литературой. Это переходное мѣсто за годъ до меня перешло съ одного берега Сены на другой, изъ сгорѣвшаго Одеона въ оставленный Итальянцами театръ Фаваръ. И въ него заглянулъ я, и нашелъ что всѣ актеры порядочные; лучшій между ими въ роляхъ сердитыхъ стариковъ былъ Гранвиль, въ Петербургѣ нѣкогда игравшій слугъ. Вотъ всѣ театры, которые я видѣлъ; посѣщать еще нѣкоторые было бы попусту тратить время, а его у меня оставалось мало, и я долженъ былъ беречь его.

Наступила осень, не совсѣмъ такая какъ у насъ на Сѣверѣ; дни были еще жаркіе, но ночи становились сыры и часто дождливы. Надобно было помышлять объ отъѣздѣ. Съ помощію г. Гардана, самые слѣды ломоты, отъ которой я страдалъ, совершенно исчезли. Но видно средства имъ употребленныя были слишкомъ сильны, ибо ослабили и разстроили весь составъ мой. Я не виню его; можетъ-быть я самъ былъ тому причиной, ведя жизнь не весьма строгую, съ правилами гигіены несогласную. А какъ мнѣ воротиться? Денегъ было у меня еще довольно, но не было экипажа, и меня пугало путешествіе въ дилижансахъ и публичныхъ каретахъ. Сама судьба озаботилась, чтобъ облегчить мнѣ средства къ обратному пути, точно такъ же какъ и къ пріѣзду въ Парижъ.

Извѣстно сдѣлалось, что на Ахенскомъ конгрессѣ рѣшено вывести союзныя войска изъ Франціи, дабы показать довѣренность къ благоразумію Французовъ: черезъ годъ они оправдали ее. Мои родные предлагали мнѣ, въ случаѣ выступленія корпуса графа Воронцова, ѣхать съ ними; это было бы и покойно и дешево, за то продолжительно и скучно. Дабы симъ дѣломъ какъ-нибудь поладить, я рѣшился въ концѣ сентября отправиться въ Мобѣжь.

Послѣдній мѣсяцъ пребыванія моего въ Парижѣ я часто бывалъ и обѣдалъ у воротившагося рано съ дачи, разслабленнаго Николая Никитича Демидова. Соотечественники упрекали его въ скупости: человекъ, который жилъ съ такою роскошью, что Французы непременно хотѣли видѣть въ немъ владѣтельнаго князя, называя его принцомъ Демидоромъ, а цыне Термидоромъ, скорѣе могъ почитаться мотомъ. Но онъ былъ разчетливъ и, при всей пышности своей, находилъ средства умножать состояніе свое. Всѣ жизненныя наслажденія въ Парижѣ сами идутъ навстрѣчу къ тому, кто въ состояніи платить за нихъ; они ожидали Демидова, онъ предавался имъ, и оттого постигла его рановременная старость. За вкуснымъ, изысканнымъ его обѣдомъ онъ почти ни до чего не касался, кряхтѣлъ и жаловался на нездоровье. Не знаю какъ другіе, а я нашелъ въ немъ великую склонность къ одолженіямъ. Я не просилъ у него денегъ, отказывался даже отъ нихъ, а онъ подъ простую росписку навязалъ мнѣ четыре тысячи франковъ, съ тѣмъ чтобъ я отдалъ ихъ въ Петербургѣ управляющему его дѣлами. Когда я объяснилъ ему, что не имѣю никакой въ нихъ нужды, онъ указалъ мнѣ на употребленіе, которое могу изъ нихъ сдѣлать. Совѣтъ его былъ очень полезенъ, я послѣдовалъ ему, а между тѣмъ совѣщусь и понынѣ не только говорить о томъ, даже вспоминать. Съ помощію г-жи Коммаріе купилъ я множество хорошихъ вещей, дешевыхъ во Франціи, съ рулажемъ отослалъ ихъ въ корпусную квартиру, откуда въ казенныхъ ящикахъ отправлены были онѣ въ Россію, гдѣ и проданы съ изряднымъ барышомъ. Конечно, это торговля, но вмѣстѣ съ тѣмъ и контрабанда. Находясь тогда въ числѣ тысячи виновныхъ, старался я извинить себя въ собственныхъ глазахъ.

Пробывъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ съ половиной какъ бы въ шумномъ водоворотѣ, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчалъ я предметы удовольствія или отвращенія, только на лету могъ

я сдѣлать свои замѣчанія и наблюденія. Характеръ Французовъ давно мнѣ былъ извѣстенъ; природа въ каждого изъ нихъ влила много добра и зла, и все это переболтала, такъ что еслибы можно было химически разложить ихъ, трудно было бы одно отдѣлить отъ другаго. Сколько могъ, слѣдилъ я за ихъ политическими мнѣнiями; съ каждымъ годомъ они становятся неувимѣе и измѣнчивѣе; отъ абсолютиста тысячью оттѣнками можно непримѣтно дойти до якобинца. Меня удивило совершенное забвенiе, которому Парижане предали тогда Наполеона: ни порицанiй, ни похвалъ ему не слыхалъ я. Видѣлъ я большое свободомыслие и вмѣстѣ съ нимъ ужасъ, который производили одно слово *революція* и воспоминанiе о ней. Вообще замѣтно было безотчетное, основательное презрѣнiе, впрочемъ безъ ненависти, къ королевской фамилии. Я надѣялся, что время и новыя привычки совершенно возстановятъ порядокъ.

Х.

Еще не совсѣмъ разсвѣло, 28-го сентября, когда съ русскимъ слугой моимъ пришли мы въ заведенiе дилижансовъ, находившееся въ двухъ шагахъ отъ меня, и вблизи отъ новостроящейся огромной биржи. Черезъ полчаса отправились мы по дорогѣ ведущей въ Бельгiю. Карета, въ которой самъ шестой сидѣлъ я, была очень покойна, и мы ѣхали шибко. Мнѣ, признаюсь, жалко было разстаться съ Парижемъ; ни малѣйшей личной неприятности не имѣлъ я въ немъ, а напротивъ вездѣ и во всѣхъ находилъ предупредительность и ласки; жилъ безопасно и болѣе думалъ о забавахъ своихъ чѣмъ о поправленiи здоровья; въ то же время начиналъ тосковать и по Россiи, куда собирался воротиться. Оттого я погрузился въ мысли, и хотя сидѣлъ подлѣ окошка, не обращалъ вниманiя на мѣста черезъ кои мы проѣзжали, и которыя, впрочемъ, долго оставались покрытыми густымъ туманомъ. При перемѣнѣ лошадей выходить и останавливаться долго я не имѣлъ права да и не хотѣлъ. Гдѣ мы были, не знаю; помню только что кто-то называлъ городокъ Санлисъ.

Въ три часа, когда солнце просiяло, совсѣмъ освободясь отъ туманнаго покрывала, остановились мы въ маленькомъ городѣ Руа, и провели въ немъ почти часъ за обѣдомъ въ какомъ-то хорошемъ трактирѣ; послѣ того пустились далѣе.

Спутниковъ своихъ я не имѣлъ времени разглядѣть; они часто мѣнялись, и дилижансъ безпрестанно выпускалъ ихъ, чтобы принимать новыхъ. Одинъ только отвратительный старикъ, кажется торгашъ, который лысину свою прикрывалъ шитою шапочкой, до слѣдующаго утра постоянно пребывалъ со мною. Съ нимъ была довольно еще молодая женщина, какъ узналъ я, не жена его и не дочь, которую видимо тяготило вынужденное обстоятельствомъ сожитіе съ нимъ. Осенью дни становятся коротки, скоро смерклось, и скуки ради я незамедлилъ заснуть. За то проснулся до разсвѣта и съ сожалѣніемъ узналъ, что мы проѣхали два города, Пероннь и Камбре, на которые мнѣ хотѣлось взглянуть. Въ дилижансахъ ѣздить почти то же что съ завязанными глазами. Благодаря французской нетерпѣливости, они вдвое шибче ѣздятъ чѣмъ въ Германіи. Не съ большимъ въ сутки сдѣлавъ нашихъ двѣсти пятьдесятъ верстъ, рано поутру пріѣхали мы въ Валансьенъ. Я остановился въ гостиницѣ Большой Утки, и пока мой Дороей, знавшій немного по-французски, пошелъ мнѣ отыскивать и нанимать кабріолетъ въ Мобѣжъ, я отправился гулять по городу. Онъ былъ занятъ англійскими войсками, и тутъ въ первый разъ увидѣлъ я ихъ красные мундиры. Щеголяя опрятностію и бѣльемъ, офицеры выставляли огромныя батистовыя жабо; подражая ихъ примѣру, нижніе чины дѣлали ихъ изъ тонкой, веленовой бумаги, что мнѣ показалось очень забавно.

Лѣто совершенно воротилось въ этотъ день, мнѣ предстояло не болѣе тридцати верстъ по гладкой дорогѣ, и я, сидя въ кабріолетѣ, поѣхалъ какъ будто на прогулку. Отѣхавъ съ полмили, въ небольшомъ селеніи Брикетъ, увидѣлъ я казакъ; неволью взыграло во мнѣ сердце, я вступалъ въ русскія владѣнія. Далѣе показался деревянный столбъ, выкрашенный бѣлою и черною краской, съ красными полосками. Не вдругъ разглядѣвъ, что это такое? спросилъ я у ямщика. „Да это проклятые черти Русскіе наставили намъ“, отвѣчалъ онъ съ досадою, принимая меня за Француза. Написано было по-русски разстояніе отъ каждаго городка, и я, считая версты, поѣхалъ какъ бы по московской дорогѣ. Какое было смотрѣть на это воинамъ Наполеона, которые осенью въ двѣнадцатомъ году утверждали, что Смоленскъ во Франціи. Никто изъ другихъ военачальниковъ Веллцнгоновой арміи ничего подобнаго не могъ себѣ позволить. За такую

неперемонность спасибо Воронцову, хотя она могла имѣть вредныя послѣдствія. Съ великобританскою гордостію, врагъ Наполеона и Франціи, онъ по-русски умѣлъ подражать ихъ хвастовству. Тщеславіе жителей не дало имъ понять сколь унижительно такое хозяйничанье для ихъ національной чести, а я тотчасъ почувствовалъ какъ оно усладительно для народааго самолюбія.

Предупрежденный моимъ письмомъ, братъ ожидалъ меня еще наканунѣ. Онъ за дешевую цѣну занималъ изрядный, небольшой, но цѣлый домъ въ два этажа. Находящіеся тутъ Русскіе имѣли право жить постоемъ, но у нихъ было много денегъ, и они предпочитали жить шире и показывать себя щедрыми, чего въ сосѣдствѣ не дѣлали ни Англичане, ни Пруссаки. Вообще всѣ сіи наши воины, счастливые другихъ три года сряду наслаждавшіеся плодами побѣды, и слѣдуя примѣру своего начальника, были привѣтливо-горды съ жителями и старались задабривать ихъ ласками и деньгами.

Небольшой и тѣсно застроенный городъ Мобѣжъ со всѣхъ сторонъ окруженъ укрѣпленіями, около коихъ обвивается рѣка Самбра. Я нашелъ въ немъ большую суматоху. Въ первой половинѣ октября назначены были около Валавсьена маневры и большой смотръ всей союзной арміи, куда ожидали изъ Аахена Государя и Короля Прусскаго. По сему случаю всѣ наши войска стянуты были къ Мобѣжу, и сестра съ мужемъ также находились тутъ у брата.

Городокъ, какъ говорится, былъ биткомъ набитъ, а на улицахъ нигдѣ не слышно было ни одного французскаго слова; на нихъ встрѣчались одни лишь солдаты наши, денщики, прислуга генеральская и офицерская. Какъ бы волшебнымъ прутикомъ въ однѣ сутки перенесенъ я былъ въ Россію изъ центра Франціи. Зная мой вкусъ и желая потѣшить меня, за обѣдомъ, къ которому я прибылъ, мои родныя велѣли подать щи, кашу, кулебяку, блины и квасъ, о коихъ почти полгода я даже не слыхалъ. Въ квартирѣ у брата нашелъ я вставленныя двойныя рамы, печи и даже одну съ лежанкой. Дабы продлить мое очарованіе, послѣ обѣда призваны были полковые пѣсельники, и они дружно грянули круговую. Чѣмъ же кончилось? одинъ казачій полковникъ завелъ у себя русскую баню; какъ нарочно въ этотъ день велѣлъ ее вытопить, и я въ ней парился. Нѣтъ, никогда не забыть мнѣ этотъ день — 29 сентября.

Воронцова не было; онъ только-что уѣхалъ въ Аахенъ, и для черезъ четыре ожидали его обратно. Мобѣжъ былъ полонъ его имеемъ, оно произносилось на каждомъ шагу и черезъ каждыя пять минутъ. Онъ составилъ дружину изъ преданныхъ ему душою, окружающихъ его людей. Для нихъ имѣлъ онъ непогрѣшимость папы; онъ не могъ сдѣлать ничего несправедливаго или неискренняго, ничего сказать неумѣстнаго; безпрестанно грѣшили они противъ заповѣди, которая говоритъ: не сотвори себѣ кумира. Я вскользь познакомился съ семи воронцовскими приверженцами; лѣтъ черезъ пять пришлось мнѣ быть съ ними въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ, и можетъ-быть о каждомъ изъ нихъ я долженъ буду много говорить.

Чрезвычайно странно было видѣть обращеніе русскихъ солдатъ съ простыми французами: они обходились съ ними ласково, и тѣмъ только давали имъ чувствовать превосходство свое надъ ними что всегда подшучивали какъ большіе съ дѣтьми. Въ ихъ сужденіяхъ о Франціи было много смысла, напримѣръ: „Гдѣ тутъ между этимъ народомъ быть толку, говорили они, когда и мужикъ у нихъ мусью, и царскій братъ мусью.“ Мнѣ пересказывали вѣчный споръ двухъ унтеръ-офицеровъ, который подслушали. Одинъ стоялъ за Лудовика XVIII, другой за Наполеона. „Ну, что твой Дизвитовъ (такъ называли они Короля), хорошъ гусь! ну на что онъ похожъ? говорилъ одинъ. Вѣдь нашъ государь посадилъ его на престолъ, да и велѣлъ Французамъ его слушаться, а безъ того они бы на него и глядѣть не захотѣли. То ли дѣло Бонапартъ? вотъ ужъ былъ молодецъ, дѣлный свѣтъ заставлялъ плясать по своей дудочкѣ.“ А другой отвѣчалъ: „Али тебѣ жаль, что онъ мало жегъ, рѣзалъ и грабилъ нашу матушку Россію? Развѣ ты забылъ, что по милости батюшки Дизвитова мы славно живемъ? онъ насъ лутъ и кормитъ. Тотъ былъ больно прытокъ, вездѣ рыскалъ; а мой-то, себѣ на умѣ, сидѣлъ у моря да ждалъ погоды; вотъ и дождался, теперь царствуетъ и благоденствуетъ. А гдѣ твой Бонапартъ, скажи-ка? на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, какъ быкъ печеной вѣтъ чеснокъ толченой.“ Городамъ ими занимаемымъ и сосѣднимъ солдаты дали русскія имена: Като-Камбресисъ, или просто Като, назвали Коты, Авенъ—Овиномъ и Валансьенъ—Волосенемъ. Начальники, говоря съ ними, привыкли къ симъ названіямъ и наконецъ стали ихъ употреблять и между собою.

Черезъ нѣсколько дней Мобѣжъ началъ пустѣть; войска потянулись на маневры къ Валансьену и далѣе. Мы съ сестрой, оставшись одни, отъ нечего дѣлать собрались прокатиться къ арміи, тѣмъ болѣе что погода стояла прекрасная. Сперва обѣдали въ маленькомъ городѣ Баве, потомъ ночевали и на другой день обѣдали въ Валансьенѣ. Оттуда, сдѣлавъ четыре льѣ, или 16 верстѣ, пріѣхали въ мѣстечко, или бургаду, Солемь, гдѣ назначена была временная квартира генерала Алексѣева. Домъ ему отведенный былъ порядочный, только тѣсный. Меня же, какъ будто чиновника принадлежащаго къ корпусу, помѣстили постоемъ къ одному, не знаю какъ сказать, мѣщанину или поселянину, только не хлѣбопашцу. Фландрія была искони землею промышленною, отчизною батиста и кружевъ, и оттого почти всѣ жители ея были люди зажиточные, въ томъ числѣ и мой хозяинъ. Комната, въ которой жилъ я у него, была просторна и опрятна, на постели бѣлье было не самое тонкое, но чистое; одного только не доставало—деревяннаго пола: его замѣняла, какъ въ Малороссіи, битая земля. Пробывъ тутъ сутокъ полтора, воротились мы въ притихшій Мобѣжъ.

Скоро онъ опять наполнился и сдѣлался шумнымъ. Маневры кончились, и 13-го октября, чѣмъ свѣтъ, прибылъ государь съ королемъ Прусскимъ, съ тѣмъ чтобы пребыть въ немъ цѣлый день. У Воронцова для ихъ величествъ готоваяся обѣдъ и великолѣпный вечеръ, на который я, какъ всѣ другіе, не могъ быть приглашенъ, ибо по случаю безпрестанныхъ его разъѣздовъ не успѣлъ быть ему представленъ.

Мобѣжъ до революціи принадлежалъ капитулу какихъ-то канониссъ. Онѣ имѣли въ немъ съ не весьма большимъ садомъ довольно большой домъ въ два этажа, который занималъ тогда Воронцовъ. Онъ не былъ довольно просторенъ, чтобы въ немъ можно было сдѣлать балъ для великаго числа наѣхавшихъ гостей, свиты обоихъ государей, принцевъ, штаба главной и всѣхъ корпусныхъ квартиръ и наконецъ цѣлой кучи любопытныхъ леди, присутствовавшихъ на маневрахъ. Для того придумали въ саду придѣлать къ нижнему этажу двѣ большія палатки, внутри богато убранныя, такъ чтобы въ нихъ былъ выходъ прямо изъ комнатъ. У насъ въ октябрѣ танцовать въ палаткахъ было бы нѣсколько опасно, а тутъ стояла такая погода, что самихъ жителей привело въ удивленіе. Видно иногда становилось слѣшкомъ жарко,

ибо по-временамъ опускались полы, и тогда я, въ небольшой толпѣ разгуливая по саду, могъ смотрѣть и какъ бы участвовать въ увеселеніи. Больше всего хотѣлось мнѣ видѣть лорда Веллингтона, съ его длиннымъ носомъ.

Воронцовъ втайнѣ сердился за что-то на мою сестру. Прежде бывало, когда онъ затѣветъ пиръ и долженъ принимать какую-нибудь важную особу, посылаетъ къ ней адъютанта съ убѣдительнымъ письмомъ пріѣхать къ нему въ Мобѣжъ и быть хозяйкой у него, холостого генерала. Тутъ представилъ онъ государю всѣхъ генеральскихъ женъ, а ее, жену старшаго изъ нихъ, какъ будто позабылъ. Но Веллингтонъ, который не разъ бывалъ въ Ретелѣ, и король Прусскій, который во время разъѣздовъ своихъ пробылъ въ немъ двое сутокъ и оба дня обѣдалъ у сестры моей, нашли ее и пошли съ нею польскій. Тогда и государь пожелалъ узнать кто эта неизвѣстная ему дама, подошелъ къ ней съ самыми любезными рѣчами и также повелъ ее ходить польскій. Слѣдственно, маленькое мщеніе Воронцова было со-всѣмъ неудачно.

Слѣдующимъ утромъ, отъѣзжая, государь явилъ нѣсколько милостей, начиная съ корпуснаго начальника. Изъ генераловъ одному только, Алексѣеву хотѣлъ онъ дать Александровскую ленту, но Воронцовъ тому воспротивился, представляя, что, какъ неумищенному человѣку, денежное пособіе будетъ ему пріятнѣе; и государь къ прежней арендѣ прибавилъ ему другую, въ двѣ тысячи рублей серебромъ. Алексѣевъ было подосадовалъ, но благоразумная жена была тому чрезвычайно рада. Послѣ продолжительной масленицы, для нея съ мужемъ наступалъ великій постъ, и надобно было позаботиться о томъ чтобы сдѣлать его менѣе строгимъ. Вскорѣ потомъ и французскій король прислалъ ему награду, одностороннюю съ Воронцовымъ, военный орденъ св. Лудовика первой степени. Изъ всѣхъ генераловъ союзной арміи, жители мѣстъ, ею занимаемыхъ, ему одному только оказали необыкновенную честь, выбили медаль съ изображеніемъ его имени и изъявленіемъ ихъ благодарности, и на прощаньи одну золотую, нѣсколько серебряныхъ и бронзовыхъ поднесли ему. Брату моему тоже пожалованъ былъ Авинскій брилліантовый крестъ на шею, да отъ короля французскаго небольшой перстень, солитеръ тысячи въ три франковъ.

Говоря о чужих наградахъ, не надобно мнѣ забывать и о собственной, почти въ то же время мною полученной. Пока я былъ еще въ Парижѣ, Бетанкуръ увѣдомилъ меня, что по его представленію произведенъ я въ коллежскіе совѣтники, со старшинствомъ съ 31-го декабря 1813 года. Этотъ чинъ слѣдовалъ мнѣ за выслугу лѣтъ; слѣдственно милость была не велика; но старшинство мнѣ данное временное служеніе мое въ Пензѣ и потомъ полуторогодовую отставку обращало въ настоящую службу. Если въ продолженіе этого времени не получалъ я награды, то моя вина; я всегда отказывался отъ крестиковъ, которые предлагалъ мнѣ Бетанкуръ. Дабы чѣмъ-нибудь усладить вѣчность титулярныхъ совѣтниковъ, начали имъ давать Владимірскіе кресты и даже Аннинскіе на шею. Потомъ во время продолжительной войны, при движеніи огромныхъ армій, сыпали ихъ на офицеровъ. Наконецъ, для Аннинскаго ордена учредили новую степень въ петлицу. Для щегольства, для того чтобы наши кресты и медали вмѣстѣ съ иностранными на груди военныхъ людей могли составлять какъ бы пестрые букеты, чрезвычайно уменьшили величину ихъ.

Дня черезъ два послѣ отъѣзда государя, въ Мобѣжѣ все утихло, пришло въ обыкновенное состояніе. Надобно же было наконецъ представиться мнѣ графу Воронцову: я нашелъ его за завтракомъ, за который посадилъ онъ меня и такъ много явилъ ласки, что показался мнѣ отъѣздно милъ. На другой день онъ опять увѣхалъ и при мнѣ уже не возвращался. Во дни добраго согласія его съ Алексѣевымъ, сестра моя шутя твердила, что пора бы ему жениться, и съ большими похвалами говорила ему о меньшей Браницкой, которую знала съ ребячества и года за три передъ тѣмъ видѣла у матери ея въ Бѣлой церкви: на это отвѣчалъ онъ только смѣхомъ. Въ это самое время старая графиня Браницкая пріѣхала въ Парижъ, а онъ подъ предлогомъ окончанія какихъ-то дѣлъ туда отправился. Тамъ увидѣлъ онъ если не молоденькую, то весьма молодую суженую свою. Она не могла ему не понравиться; она нельзя сказать чтобы была хороша собою, но такой пріятной улыбки кромѣ ея ни у кого не было; а глазки ея были еще лучше прекрасныхъ глазъ богатаго ларца ея, какъ говоритъ скупой въ Мольерѣ. Мигомъ поворотилъ онъ этимъ дѣломъ, и скоро узнали что онъ женится. Воротившись въ Мобѣжъ, онъ совершенно перемѣнился къ

сестрѣ моей, повторяя что въ ней видить пророчиду своего счастья. Но этотъ бракъ былъ кажется причиною, что онъ тогда не воротился въ отечество, а начальствованіе надъ корпусомъ сдалъ Алексѣеву, который и привелъ его въ Россію.

Еслибъ я зналъ, что Алексѣевъ будетъ начальникомъ корпуса и поведетъ его чрезъ всю Германію, можетъ-быть пожелалъ бы я идти покойно съ войскомъ: но я не зналъ еще этого и очень торопился. Такъ какъ я часто прихварывалъ, меня свели и поладили съ однимъ докторомъ, Лукой Егоровичемъ Пикулинымъ, къ которому благоволилъ Воронцовъ и которому велѣлъ онъ дать курьерскій паспортъ въ Россію. Онъ былъ человѣкъ добрый, веселый, говорили, искусный врачъ, въ случаѣ нужды дорогой могъ мнѣ быть полезенъ и согласился за тысячу рублей ассигнаціями довести меня до Петербурга.

Въ день Казанскія Богоматери, 22 октября, послѣ завтрака, не совсѣмъ ранняго, сѣли мы съ нимъ въ коляску его съ поднятымъ верхомъ и благословясь пустились въ путь. Скоро проѣхали мы нидерландскую, нынѣ бельгійскую, границу и пріѣхали въ Монсъ или Бергенъ, большой городъ, который послѣ Мобѣжа показался мнѣ еще больше. Мы остановились на какой-то большой площади, наполненной народомъ, но я не выходилъ изъ повозки; сдѣлалось холодно, пошелъ мелкій дождь, и лошадей намъ очень проворно переключивали.

Какъ слѣдуетъ курьерамъ, мы поѣхали всю ночь. Мнѣ хотѣлось было взглянуть на Нивель, на Сомбрефъ, мѣста, гдѣ было сильное движеніе войскъ, и коихъ касалось самое недавнее знаменитое сраженіе при Ватерлоо: но смерклося, и при пасмурномъ небѣ зги было не видать. Довольно поздно проѣхали мы чрезъ неуснувшій еще и весьма оживленный Намюръ; ничего видѣть и замѣтить въ немъ не могъ я, кромѣ весьма хорошаго освѣщенія фонарями, повѣшенными посреди улицъ. Наконецъ началъ я дремать, но скоро пробудился и опять заснуть уже не могъ. Небо выяснилось, заря занялась, и мы поѣхали берегами Мааса, дѣйствительно очаровательными. Особенно поразило меня то мѣсто, гдѣ близъ города Гю находится замокъ, принадлежавшій принцу Нассау-Зигенъ. Берегами вся той же рѣки, при погодѣ совершенно разгулявшейся, въ веселомъ расположеніи духа, пріехалъ я въ Литтихъ, прежде столицу богатаго князе-епископства. Намъ, торопившимся домой, что было дѣлать въ этомъ

большомъ городѣ, если, не пользуясь временемъ, хорошо въ немъ отобѣдать и тотъ же часъ ѣхать далѣе.

Только-что совсѣмъ смерклось, мы прѣехали въ Аахенъ, шумный по случаю конгресса, и остановились въ гостиницѣ, кажется, Золотаго Дракона. У Пикулина были какія-то дѣла, какія-то порученія, и онъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ тутъ немного пробыть. Наша комната выходила окнами на такую узкую улицу, что у насъ въ Ригѣ подобной не найдешь. Насупротивъ былъ большой домъ, который внутри весь какъ жаръ горѣлъ. Союзные монархи еще не уѣхали, и живущая въ немъ княгиня Турнъ-Таксійская, сестра покойной королевы прусской, давала имъ прощальный праздникъ. Вечеръ былъ такъ тепелъ, что въ комнатахъ, видно, стало жарко, ибо всѣ окошки были открыты. Но они были выше нашихъ (которыя мы также отворили), и хотя были въ двухъ шагахъ, мы никого не могли разглядѣть. Зато слышали какъ у себя знаменитую Каталани, которая раза три принималась пѣть. Нельзя было не подивиться силѣ, гибкости и чистотѣ ея голоса, но пріятности я въ немъ не нашелъ, можетъ-быть отъ удаленія, подумалъ я.

Хорошенько выспавшись, пока Пикулинъ ходилъ по своимъ хлопотамъ, на другое утро пошелъ я посмотрѣть по многимъ отношеніямъ достопримѣчательный городъ. Началъ я, разумѣется, съ древняго собора, въ восьмомъ вѣкѣ построеннаго и поклонился огромной плитѣ, всю середину храма занимающей, на которой большими буквами была высѣчена простая надпись: Carlo Magno. Подъ этою плитой сидѣлъ въ вѣнцѣ Карлъ Великій, возстановитель Западной Имперіи; не знаю, лежитъ ли онъ даже подъ нею теперь; но крайней мѣрѣ стулъ его стоитъ на поверхности близъ престола. Потомъ полюбовавшись большимъ фонтаномъ съ древними украшеніями, вошелъ я въ ратушу, передъ которою онъ стоитъ, и меня пустили въ залу посмотрѣть на хорошо писанную картину, на которой изображены всѣ полномочные, подписавшіе Аахенскій миръ въ 1748 году. Попытался было я поглядѣть на цѣлительныя воды, въ эту пору уже закрытыя, и съ просьбой о томъ обращался къ старой мадамъ Дубикъ, содержательницѣ заведенія при нихъ, къ которой былъ я адресованъ, но она мнѣ ничего не показала, хотя кромѣ минеральныхъ источниковъ я ничего видѣть не хотѣлъ. Навѣстилъ я также единственнаго дипломата, мнѣ тутъ знакомаго, Северина: онъ былъ,

казался, или хотѣлъ казаться печальнымъ, лишившись не за долго передъ тѣмъ молодой жены, сестры извѣстнаго Стурдзы. Дѣла Пикулина кончились скорѣе чѣмъ я ожидалъ, и послѣ обѣда тотчасъ опять мы должны были отправиться въ путь.

Въ потьмахъ проѣхали мы Юлихъ, а когда стало свѣтать, то въ Дюссельдорфѣ по мосту переѣхали черезъ Рейнъ, и тутъ совсѣмъ некрасивый. Эти два города я все равно что не видалъ, ибо посматрѣлъ на нихъ сквозь сонъ, не ступая въ нихъ ногою. Къ обѣду, говоря древнимъ нѣмецкимъ языкомъ, то-есть часу въ первомъ, пріѣхали мы въ Эльберфельдъ. Вотъ этотъ городъ жаль было бы проѣхать не взглянувъ на него. Тутъ самая промышленная сторона въ Германіи: окрестности его и онъ самъ застроены фабриками полотняными, шелковыми. Оттого-то во всемъ виденъ чрезвычайный избытокъ; встрѣчаются однѣ только сытыя фигуры. На почтовый дворъ мы пріѣхали въ самую пору, чтобы сѣсть за общій столъ. Проѣзжая городомъ, не видалъ я ни одной церкви, а на площади замѣтилъ отдѣланное большое, продолговатое, четверугольное зданіе, обнесенное колоннами какъ петербургская биржа. Какой большой отстраивается у васъ театръ, сказалъ я сидящему противъ меня за столомъ содержателю почты и трактира. „Это не театръ“, отвѣчалъ онъ мнѣ. „Да что же такое?“ Тогда рукой сдѣлалъ онъ мнѣ знакъ, на который отвѣчалъ я, и мы другъ друга поняли. „Это наша главная масонская ложа, радостно молвилъ онъ мнѣ тогда. Оборотясь къ Пикулину, я сказалъ по-русски: „вѣдь этотъ трактирщикъ мнѣ братъ; вы увидите, что онъ съ васъ ничего не возьметъ.“ А вышло, что злодѣй отъ насъ потребовалъ двойную братскую помощь.

Небо было еще свѣтло, воздухъ былъ еще довольно тепелъ 25 октября, когда отобѣдавъ оставили мы Эльберфельдъ; но это было въ послѣдній разъ. Небольшія пріятности, которыя дотола представляла маѣ дорога, прекратились, и начались одни только ея мученія.

Еще въ Аахенѣ съ Пикулинымъ составили мы себѣ маршрутъ; намъ обоимъ хотѣлось скорѣе доѣхать; я взялъ карандашъ и на карманной почтовой картѣ провелъ кратчайшую линію до Берлина; придерживаясь ея, мы ѣхали сперва по большому тракту, только послѣ начали путаться. Пикулинъ былъ очень добрый малый; воспитанный въ медицинской школѣ, онъ вы-

пущень былъ изъ нея лѣкаремъ въ армейскій полкъ; потомъ, все таскаясь по походамъ, заслугами и искусствомъ возвысился до званія дивизионнаго доктора и сдѣлался, какъ говорится, совсѣмъ военною костью. Съ самаго начала предложилъ онъ мнѣ ночью поочередно дежурить, на станціяхъ выходить изъ коляски, чтобъ осматривать ее; я рѣшительно отказался; никогда не имѣвъ собственныхъ экипажей, я ничего не смыслилъ насчетъ ихъ прочности и устройства; особенно ночью, я легко могъ проглядѣть сломленный винтъ или согнувшуюся рессору, слѣдственно трудъ мой былъ бы напрасенъ; это не совсѣмъ ему было приятно. Первый разъ въ жизни рѣшился я ѣхать совсѣмъ безъ слуги, что уже меня чрезвычайно тяготило, а тутъ долженъ бы былъ еще взять на себя часть его обязанностей. Я согласился превратиться въ чемодавъ, какъ онъ не имѣтъ воли, но съ тѣмъ чтобы, какъ онъ, лежать неподвижно. Пикулинъ не могъ надивиться тому что называлъ онъ моею изнѣженностью; онъ былъ человѣкъ походный, а я только-что дорожный и съ сожалѣніемъ долженъ признаться, что цѣлый вѣкъ оставался русскимъ барченкомъ. Въ одномъ согласился я помогать ему, и то только днемъ: расплачиваться, вести счетъ издержкамъ и записывать его.

Въ ночи съ 25 на 26 число вѣхали мы въ ужасную Вестфалію, отчизну окороковъ, гдѣ скоро и люди показались мнѣ свиньями. Въ эту ночь осенній дождь пошелъ ливнемъ и въ воздухѣ вдругъ произвелъ стужу. То по чемъ мы ѣхали хотя и называлось большою дорогою, но, право, сдѣлалось хуже нашихъ проселочныхъ; развѣ теперь только тамъ шоссе. А что за неопрятность, не говорю въ обывательскихъ домахъ, въ кои не входилъ я, а въ почтовыхъ, на станціяхъ и въ гостиницахъ! Какой грубый и запачканный народъ! Вообще въ Германіи возять тихо, не болѣе положенной мили въ часъ; а тутъ, ссылаясь на дурную погоду, вдвое таше, несмотря на нашъ русскій курьерскій паспортъ. На станціяхъ держали не менѣе получаса, не оттого чтобы не было лошадей, а оттого что почтовыми узаконеніями это дозволено. Напрасно горячился Пикулинъ, грозя принести жалобу; ему отвѣчали грубымъ хладнокровіемъ. Такимъ образомъ въ цѣлыя сутки могли мы сдѣлать только двадцать миль, или 140 верстъ. Нашихъ любезныхъ земляковъ, бредящихъ заграничною жизнью, послалъ бы я сюда пожить и поѣздить. Я могъ мало заснуть

и хорошо помню имена городковъ или мѣстечекъ, гдѣ мы мѣняли лошадей: Швельмъ, Унна, Верль, Сѣсть; эти названія не весьма пріятныя, и въ нихъ нѣтъ ничего страшнаго, а я до сихъ поръ безъ ужаса не могу произнести ихъ. Въ полдень прибыли мы въ большой городъ Падерборнъ, основанную Карломъ Великимъ столицу его въ землѣ покоренныхъ имъ отчаянныхъ сподвижниковъ Витикинда. Въ этомъ городѣ былъ и банкиръ, ибо Пикулинъ пошелъ къ нему за деньгами; были и вывѣшенныя во множествѣ колбасы и сосиски. Изъ этого заключилъ я, что первые Нѣмцы, прибывшіе въ Россію, вѣроятно были Вестфальцы, и что оттого называютъ ихъ у насъ колбасниками и копчеными шмерцами.

Отъѣхавъ не болѣе одной станціи отъ Падерборна, должны мы были остановиться у вѣзда небольшого города Дрибурга. Окрестности его въ глухую осень ужасны: все высокія горы, дебри и пропасти; лѣтомъ, когда съѣзжаются на его цѣлительныя воды, онѣ должны быть живописны. Коляска Пикулина была не изъ лучшихъ, ветхая, поѣзженная, не выдержала такой дороги, что-то въ ней изломалось и надобно было чиниться. Въ первомъ домѣ, куда насъ пустили, спросилъ я особую комнату: мнѣ дали большую, холодную, просто выбѣленную, но неопрятную; постель, простой столъ и два стула составляли ея меблировку; небольшая печь только-что дымилась, а не грѣла. Я лежалъ закутанный въ теплую шинель, словно какъ на дворѣ, и въ этомъ положеніи долженъ былъ оставаться ночь и слѣдующее утро. Внезапная совершенная перемена погоды вездѣ случается въ октябрѣ, даже въ южныхъ странахъ, гдѣ я послѣ бывалъ. Поздняя осень похожа на глубокую старость; ея красные дни то же что крѣпость и здоровье осмидесятилѣтняго: неожиданно подуетъ аквилонъ или безъ всякой видимой причины нагрянетъ смерть, и въ мигъ все истребится.

Выбравшись 27-го изъ Дрибурга, потащились мы на Бракель, Гѣкстеръ, Голцмиденъ. Названія сихъ мѣстъ я очень помню; они были у меня на картѣ, я ихъ твердилъ и слышалъ какъ произносятъ, когда мѣняли лошадей. Къ вечеру мнѣ сдѣлалось дурно; я просилъ моего спутника оставить меня въ покоѣ, не говорить даже со мною. Ночью спалъ ли я не знаю, а, кажется, болѣе былъ въ забытьи и не слышалъ какъ перѣехали черезъ Везеръ, единственную, истинно нѣ-

мецкую рѣку. Когда разсвѣтало, и я очнулся, увидѣлъ я, что мы вѣзжаемъ въ узкую улицу между высокихъ домовъ.

— Гдѣ мы? спросилъ я.

— Въ Волфенбюттелѣ, отвѣчали мнѣ:—во второмъ городѣ Брауншвейгскаго герцогства.

— Да какъ мы въ него попали? сказалъ я:—намъ слѣдовало быть въ Госларѣ,—это крѣкъ.

— А все по милости вашей мы такъ путаемся, отвѣчалъ Пикулинъ:—хотѣли дать прямое направленіе путешествію нашему, а тутъ вдругъ знать ничего не хотите. Лучше бы я сдѣлалъ, еслибы съ самаго начала поворотилъ на Кельнъ и на Кассель, тамъ гдѣ нѣтъ шоссе есть по крайней мѣрѣ мостовая.

Онъ былъ правъ, но не деликатно ему было о томъ говорить мнѣ. Отѣхавъ немного далѣе, днемъ замѣтилъ онъ, что у меня довольно сильный жаръ, и обѣщалъ остановиться въ первомъ хорошемъ городѣ. Это былъ Галберштадтъ, до котораго, однакъ, оставалось еще семь миль.

Мы пріѣхали въ него только-что смерклось. Я объявилъ, что, не жалѣя денегъ, хочу остановиться въ лучшей гостиницѣ; мнѣ указали на *Розу*; по слабости моей въ этомъ названіи увидѣлъ я хорошее предзнаменованіе, и ожиданія мои оправдались. Меня ввели въ комнату, красивыми обоями оклеенную, хорошо вытопленную, вмѣщающую въ себѣ роскошную постель и все что нынѣ называется комфортомъ, и въ серебряныхъ подсвѣчникахъ подали восковыя свѣчи. Докторъ товарищъ далъ мнѣ что-то успокоительное, я укрѣпилъ себя пищею, и съ седьмага часа вечера принялся спать. Вдругъ будить меня немилосердый Пикулинъ, увѣряя будто полсутки провелъ я обнявшись съ Морфеемъ, а мнѣ казалось, что только полчаса прошло какъ я заснулъ. Дѣлать было нечего; я чувствовалъ себя свѣжѣе и тверже, всталъ, одѣлся и поѣхалъ. На ясномъ небѣ звѣзды такъ и горѣли, хотя на окраинахъ его уже вытянулась багровая, малиновая полоса, предвѣстница бурнаго дня. Дѣйствительно скоро вѣтеръ разыгрался и сталъ свистѣть съ такою яростію, что того и гляди что онъ опрокинетъ нашу коляску. Странная была погода: ясно, холодно, безъ мороза, а то что мы называемъ сиверко. Къ полудню опять утихло и потемнѣло. Укрѣпленный Магдебургъ, который проѣзжали мы вечеромъ, не останавливаясь въ немъ, въ темнотѣ показался мнѣ гигантскимъ городомъ.

На слѣдующій день, по выѣздѣ изъ Галберштадта, 30 октября, мы прибыли утромъ въ Берлинъ, въ извѣстный уже мнѣ мѣръ. Названія гостиницы на Липовой аллеѣ, гдѣ мы остановились, не помню; комнатою же своею я былъ такъ доволенъ, что первый день не хотѣлъ съ нею разстаться, тѣмъ болѣе что чувствовалъ себя не совсѣмъ еще хорошо. Прогудиваясь, на другой день, по мѣстамъ мнѣ знакомымъ, почувствовалъ я ту скуку и тоску, которую, какъ увѣряютъ, берлинскій воздухъ производитъ во всѣхъ прѣѣзжихъ, и отъ вліянія котораго я избѣжалъ лѣтомъ. У Пикулина были знакомые медики, ему нужно было съ ними видѣться, и онъ располагалъ пробить еще два дни, по 2-е ноября. Чтобы не ходить со двора и не скучать одному дома, въ книжной лавкѣ купилъ я французскіе романы, и въ чтеніи ихъ провелъ все время.

Мы отправились по той же дорогѣ, по которой въ маѣ ѣхалъ я съ Блудовымъ; только на этотъ разъ дѣло шло немного скорѣе; земля подмерзла, ее накатали, дорога стала глаже, и мы болѣе торопились. Повторять названія мѣстъ, чрезъ кои проѣзжалъ я на семь обратномъ пути, означая только день проѣзда моего, считаю излишнимъ. Ничего примѣчательнаго со мною тутъ не случилось. Одно только заслуживаетъ быть помѣщеннымъ. Въ городѣ Нови, или Нейенбургѣ на Вислѣ, за столомъ подавалъ намъ кушанье молодой, услужливый Полякъ. На станціяхъ слышалъ я вездѣ одинъ нѣмецкій языкъ; тутъ обрадовался польскому, который немного зналъ съ ребячества, почти какъ русскому, и съ слугою пустился въ разговоры. Сродство языковъ всегда располагало меня быть снисходительнымъ къ Полякамъ, несмотря на тысячу причинъ, кои имѣю ненавидѣть ихъ.

Какъ бы ни было, а Кёнигсбергъ все-таки столица, да по милости Наполеона нѣсколько времени былъ еще и королевскою резиденціей: проѣхать его, не отобѣдавъ въ немъ и не переночевавъ, было бы неприлично. Эту дань уваженія заплатили мы ему 6-го ноября. Въ томъ самомъ трактирѣ и въ той же комнатѣ, которую занималъ я въ первый мой проѣздъ, остановился я; въ ней дочиталъ я романъ, купленный и начатый въ Берлинѣ, и болѣе ничего въ Кёнигсбергѣ не дѣлалъ.

Изъ любопытства хотѣлось мнѣ видѣть Штрандъ; до свѣта, 7-го числа, отправились мы на него, а еще не по немъ.

Отъ станціи Мюлзень, единственной, которую на этомъ пути я видѣлъ, идетъ верстъ на сто песчаная коса, называемая Нерунгъ. Когда показался свѣтъ или скорѣе освѣтилась густая мгла, покрывающая небо, открылось намъ шумящее Балтійское море. Слева оно бушевало, а справа песчаная, голая равнина подымалась едва замѣтнѣмъ откосомъ и образовывала цѣпь низкихъ холмовъ, на вершинѣ которыхъ кой-гдѣ торчали сосны. Никогда столь печальнаго зрѣлища я не видывалъ. Плохія, тощія лошади могли везти только по мокрому песку, и для того ямщикъ держался все самага берега. Море, которое отражало мракъ облаковъ, можно было назвать чернымъ; изъ него высоко подымались бѣлѣющіяся волны и всей этой картинѣ давали видъ совершенно траурный и гробовой. Онѣ безпрестанно досягали до коней и до колесницы и разбивались о колеса; иногда обхватывали всю коляску какъ бы готовя увлечь ее съ собою, и брызги ихъ попадали намъ въ лицо: къ счастью, не было мороза, а не то нашъ экипажъ покрылся бы ледяною корою и отяжелѣлъ бы. Въ иныя минуты шумъ бывалъ такъ великъ, что мы другъ друга слышать не могли. Станціонные дома стоятъ не у берега, не на дорогѣ, а въ верствѣ или болѣе отъ нея на возвышеніи; ямщикъ останавливается, отпрягаетъ одну лошадь, садится на нее, оставляетъ вамъ другихъ, ѣдетъ на станцію и приводитъ вамъ новыхъ лошадей. Въ названіяхъ (кои не забылъ) станцій сихъ (кои не видалъ): Саркау, Росситень Шварцортъ, и понынѣ чудятся мнѣ могильные звуки. Цѣлый день не ѣсть, не видѣть жилья, ничего кромѣ мрачнаго неба, бурнаго моря и песчаной степи, совсѣмъ не было забавно. Я не худо сдѣлалъ, что описалъ эту дорогу; теперь она говорить, совершенно брошена, вѣроятно, скоро будетъ забыта и никому неизвѣстна.

На концѣ ея, проѣхавъ по морю аки по суку, мы должны были совсѣмъ вѣрить себя этой невѣрной стихіи. На какомъ-то большомъ суднѣ, при сильномъ вѣтрѣ и дождѣ, надобно было цѣлыя три мили переправляться черезъ Куришь-Гафъ, чтобы пристать къ Мемелю. Пукулинъ готовъ былъ ѣхать далѣе, но и самъ онъ утомился, да и ночью черезъ границу, которая была въ трехъ миляхъ, насъ бы, можетъ-быть, не пропустили. Въ Мемелѣ повторилось со мною то что было въ Кёнигсбергѣ; я опять нашелъ знакомую комнату, чистую, хорошо вытопленную: надобно ѣхать на свѣ-

веръ, чтобы зимой не заблудить въ комнатахъ, и чѣмъ далѣе тѣмъ лучше.

Въ Михайловъ день, 8-го числа, проѣхавъ Ниммерзатъ, увидѣли мы рогатку и казачій пикетъ; одинъ всадникъ отдѣлился отъ него, чтобы проводить насъ до Полангена, и въ то же время какъ бы нарочно пошелъ первый свѣтъ. Мы перѣехали русскую границу; мы вступали въ русскія владѣнія. Давно ли я разстался съ отечествомъ? но это было въ первый разъ, и въ первый разъ я возвращался въ него. Не буду даже пытаться изображать то что происходило со мною въ эту блаженную минуту; за всѣ трудности путешествія ею одною былъ я вознагражденъ; языкъ безмолвствовалъ, а рука, безъ вѣдома моего, сама собою, по русско-православной привычкѣ, клала на меня кресты. Придя немного въ себя, я обратился къ моему товарищу, который пять лѣтъ не видалъ Россіи, и спросилъ его что онъ чувствуетъ? Несчастный, стараясь скрывать сильное ощущеніе, сперва не могъ вымолвить слова, потомъ смѣясь, но задыхаясь, отвѣчалъ: „да ничего.“ Я съ досадою отворотился: еслибъ онъ подолѣе пожилъ за границей, то и дѣйствительно ничего бы не чувствовалъ.

На другой день гнилая пикулинская коляска опять намъ измѣнила, опять надобно было починиваться и останавливаться на курляндской станціи Дрогденъ. Къ вечеру кое-какъ починили испорченное, и мы не безъ опасенія отправились далѣе. Ночью проѣхали мы Митаву, а 10-го числа поутру прибыли и въ Ригу.

Мы остановились въ какомъ-то завѣжемъ домѣ на берегу Двины, гдѣ пришлось намъ пробыть сутокъ двое и болѣе. По осмотрѣ экипажа г. Пикулина, открылось, что безъ большой реставраціи мы привуждены будемъ бросить его на дорогѣ. Погода была дурная, попеременно дождь и свѣтъ, страшная слякоть, такъ что выйдти нельзя было. Мнѣ было скучно, но по крайней мѣрѣ тепло и покойно. На наше счастье опять подморозило, когда мы выѣхали, и мы хорошо проѣхали по пескамъ, которые окружаютъ Ригу: мѣстами на дорогѣ лежалъ уже свѣтъ. Не знаю отчего Пикулину захотѣлось остановиться въ Дерптѣ и переночевать на почтовомъ дворѣ: хотя медикъ, но, кажется, и онъ немного прихворнулъ. Онъ поднималъ меня до свѣту, 14-го ноября, а какъ погода была весьма неблагопріятная, то мнѣ и не очень хотѣлось. Я вспо-

мнилъ, что я именинникъ; и что этотъ день никогда не бывалъ я въ дорогѣ.

Подъѣзжая къ Нарвѣ, 15-го числа, случилось съ нами небольшое приключеніе, хотя неприятное, а впрочемъ забавное. Чухонецъ-ямщикъ, который везъ насъ, молодой еще мальчикъ, однакоже былъ пьянъ: держалъ не въ попадѣ, то направо, то налево, и могъ сломить намъ шею. Пукулинъ прикрикнулъ на него; тотъ взбѣсился, бросилъ возжи, соскочилъ съ козелъ и пошелъ пѣшкомъ. Тутъ имѣлъ я случай подивиться присутствію духа и проворству военнаго медика: отдавъ мнѣ возжи, и схвативъ какія-то запасныя веревки, онъ выскочилъ, поймалъ пьянаго, перевязалъ ему руки, посадилъ насильно со мною въ коляску, а самъ сѣлъ на козлы и поѣхалъ. Чухонцы, когда разсердятся, бываютъ ужасно злы: мальчишка въ безсиліи своемъ все смѣялся съ бѣшенствомъ. Такъ пріѣхали мы въ Нарву и на почтѣ сдали виновнаго, которому обѣщано было наказаніе.

Близъ Ропши, ночью спускаясь съ пригорка, вспомнилъ я какъ весной на немъ бились мы въ глубокомъ снѣгу, и готовъ уже былъ радоваться тому что онъ едва покрываетъ землю, какъ ямщикъ нашъ вскрикнулъ:

— Господа, худо!

— Что такое? спросили мы въ одинъ голосъ.

— Да вонъ видите стоятъ волки.

Они вѣрно были не близко, ибо, по близорукости моей, въ потьмахъ я не могъ разглядѣть ихъ; но лошади были столь же зорки какъ ямщикъ и сопутникъ мой, начали фыркать и безъ памяти понесли было насъ; потерявъ изъ виду враговъ своихъ, скоро утихли: эта была послѣдняя моя дорожная неприятность. Въ Стрѣльнѣ, куда пріѣхали мы до разсвѣта, 16-го числа, узнали мы, что въ Петербургѣ рѣка стала, и что всѣ начали было ѣздить въ саняхъ, но что опять все распустило, и ледъ на Невѣ едвадержится. Пока мы ѣхали дачами по петергофской дорогѣ, совершенно разсвѣло, и въ десять часовъ утра вѣхали мы въ заставу.

XI.

Уже болѣе недѣли находился я въ Русскомъ царствѣ; радость моя уже истощилась на границѣ; при въѣздѣ въ него и послѣ кратковременнаго отсутствія, увидѣвъ я Петербургъ довольно равнодушно, какъ будто воротился въ него изъ Пензы. Онъ показался мнѣ печаленъ и тихъ въ сравненіи съ Парижемъ.

Сопутникъ мой, онъ же и хозяинъ дорожный, Пикулинъ, остановился у пріятеля въ Измайловскихъ казармахъ. Мы разстались безъ сожалѣнія; ничего общаго не было у насъ ни въ мнѣніяхъ, ни во вкусахъ, и мнѣ кажется, мы ужасно другъ другу надоели: послѣ того не помню случилось ли мнѣ раза два въ жизни видѣть его.

Я сѣлъ на извозчика и скорѣе поскакалъ къ Семеновскому мосту въ Шмидтовъ домъ, гдѣ нашли мнѣ комнатку, пока Ноденъ очиститъ въ немъ уступленную мною ему квартиру. Тотчасъ потомъ, о блаженство, явился мой старый слуга Папугей: я не хвалю въ этомъ случаѣ старинное русское воспитаніе, которое приучаетъ шагу не дѣлать безъ прислуги; но я получилъ его и возвратиться къ привычкѣ отдѣланной съ малолѣтства, почти мѣсяцъ прерванной во время трудной дороги, было для меня настоящимъ наслажденіемъ. Вообще болѣе полугода пошатавшись по свѣту пріятно быть у себя. Въ людяхъ хорошо, а дома лучше, говорить пословица, я думаю, западнымъ народамъ неизвѣстная.

Моимъ начальникомъ былъ я принять, могу сказать, съ радостію: онъ простеръ деликатность до того, что самъ предложилъ мнѣ нѣсколько дней отдохнуть и погулять. Во время отсутствія моего по нашей части произошла важная перемена. Престарѣлому графу Сергѣю Кузмичу Вязмитинову было не подъ силу въ одно время управлять министерствомъ полиціи и завѣдывать столицей. Согласно съ его желаніемъ, сохраняя министерство, онъ уволенъ отъ должности петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, и на его мѣсто назначенъ графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. Будучи старѣе чиномъ Бетанкура, онъ почиталъ и имѣлъ пра-

во почитать себя его начальникомъ. Это можно было замѣтить изъ письменныхъ отношеній; но какъ Милорадовичъ въ дѣлахъ ничего не смыслилъ, то повелительный токъ принялъ новый правитель канцеляріи его, Николай Ивановичъ Хмѣльницкій. Добрыи Нодень безъ меня всепокорнѣйше принималъ эти приказанія, и мнѣ послѣ не малаго труда стоило сколько-нибудь уравновѣсить сношенія наши съ этою канцеляріей. Съ своей стороны Бетанкуръ неохотно бы вошелъ въ состязаніе съ такимъ извѣстнымъ смѣльчакомъ, каковъ былъ Милорадовичъ; я однакоже объяснилъ ему, что если такъ пойдетъ, по неопредѣленности правъ нашихъ, то легко можемъ мы попасть въ разрядъ уздныхъ мѣстъ, что гораздо послѣ и случилось. Вслѣдствіе чего Бетанкуръ имѣлъ объясненіе съ Милорадовичемъ, одинъ на своемъ испанско-французскомъ, а другой на чухонско-французскомъ языкѣ, которымъ забавлялъ онъ дворъ и публику: а какъ первый былъ человѣкъ умный и тонкій, то дѣло и поладилось.

Въ половинѣ января генераль Алексѣевъ привелъ въ Словимъ корпусъ, находившійся три года во Франціи, который весь былъ набранъ изъ полковъ, принадлежащихъ къ дивизіямъ, внутри государства расположеннымъ. По полученіи донесенія о прибытіи его, велѣно Алексѣеву распустить корпусъ, распорядиться отправленіемъ полковъ къ мѣстамъ квартированія ихъ дивизій, а дѣла представить въ главный штабъ Его Величества. Самому же ему, впредь до новаго назначенія, съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ, дозволено пріѣхать въ Петербургъ или жительствоваъ гдѣ пожелаетъ. Примѣчательно, что въ продолженіе трехъ лѣтъ, въ этомъ корпусѣ было только три дезертира, а на обратномъ пути ни одного, хотя нижнимъ чинамъ представлялось много средствъ къ побѣгамъ. Несчастные знали, что дома будетъ имъ плохое житье, но тамъ ихъ родина, и она была для нихъ выше всего. Не такъ-то думаютъ наши высшія сословія.

Братъ мой также получилъ отпускъ на годъ съ сохраненіемъ жалованья, и они вмѣстѣ съ зятемъ и сестрой отправились сперва въ Москву, гдѣ Алексѣевъ и остался, а братъ мой поспѣшилъ къ матери нашей въ Пензу.

Въ мартѣ мѣсяцѣ по службѣ Бетанкура послѣдовала для него большая перемена. Инженеръ-генераль Францъ Павловичъ де-Волакъ, главный директоръ путей сообщенія, премникъ принца-Георгія Ольденбургскаго, перваго мужа Ека-

терины Павловны, умеръ, и государь для этой важной должности на его мѣсто выбралъ моего начальника. Я этому очень обрадовался, а между тѣмъ не могъ понять, какъ человекъ, который ни слова не знаетъ по-русски, будетъ въ Россіи управлять министерствомъ. Когда узнавъ о томъ, на другой день поутру пришелъ я поздравить его, онъ съ приторно-печальнымъ видомъ отвѣчалъ мнѣ: „Что дѣлать! Государь непремѣнно того требовалъ.“ Тщетно говорилъ я ему о великихъ затрудненіяхъ, которыя представляются при исполненіи возлагаемой на меня обязанности; онъ отвѣчалъ, что „еслибы дѣла и пошли не такъ успѣшно какъ онъ желаетъ, хотя онъ ожидаетъ противнаго, то его будетъ вина, ибо онъ насильно заставилъ его принять должность.“ Потомъ прибавилъ онъ: „скорѣе должны вы себя поздравить чѣмъ меня: новое назначеніе мое открываетъ вамъ дорогу къ возвышенію.“ Черезъ нѣсколько дней объявилъ онъ мнѣ, что имѣетъ на меня виды и хочетъ меня представить къ занятію должности директора департамента путей сообщенія, на мѣсто хвораго старика, съ которымъ онъ не можетъ объясняться, потому что тотъ не знаетъ по-французски, но что напередъ хочетъ онъ оглядѣться и не вдругъ приступить къ перемѣнамъ. Я замѣтилъ ему, что при необъятномъ числѣ бумагъ по ввѣренной ему части, вступающихъ и исходящихъ, даже съ удвоеннымъ штатомъ, не будетъ возможности сохранить порядокъ, которому дотолѣ мы слѣдовали, и что въ Петербургѣ не сыщется и половины людей въ состояніи переводить для него и переписывать по-французски. „Ужь это я знаю, отвѣчалъ онъ мнѣ, и для того-то и нуженъ мнѣ человекъ, отъ котораго представляемыя бумаги могъ бы я само подписывать.“

Должность директора департамента занималъ бывшій мой начальникъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Дмитрій Семеновичъ Серебряковъ, съ 1810 года, при принцѣ Ольденбургскомъ, преемникъ Лубяновскаго, тогда уже въ Аннинской лентѣ, человекъ кроткій, честный и дѣловой. Его-то Бетанкуръ хотѣлъ сбыть съ рукъ. Удрученный лѣтами, при перемѣнѣ обстоятельствъ, онъ самъ желалъ успокоенія.

По письменной части еще два человека были тутъ замѣчательны. Одинъ, Александръ Павловичъ Хрущовъ, былъ правителемъ канцеляріи совѣта путей сообщенія. Не помню, въ другихъ министерствахъ существовали ли уже тогда об-

шіе совѣты, составленные изъ директоровъ и нѣсколькихъ членовъ? При самомъ же преобразованіи бывшей экспедиціи водяныхъ коммуникацій найдено было необходимымъ сохранить ей хотя призракъ коллегіяльнаго управленія. Принцъ, или скорѣе всѣмъ завѣдывавшій тогда Лубяновскій, посылали въ этотъ совѣтъ на разсмотрѣніе только смѣты проектовъ. Въ немъ заседали три инженерныхъ генерала, подъ названіемъ инспекторовъ, и директоръ департамента Серебряковъ.

Главные директоры, принцъ и послѣ него де-Волянъ имѣли сверхъ того особую малую канцелярію и секретаря. При де-Волянѣ секретаремъ постоянно находился нѣкто Тома Яковлевичъ Рандъ. Нѣмецъ или Голландецъ, Богъ его знаетъ, онъ родился въ Москвѣ и воспитывался тамъ отъ щедротъ роднаго дяди, нѣмецкаго учителя моего въ Форсевилевомъ пансіонѣ, Гильфердинга. Имъ отправленъ былъ онъ учиться въ Геттингенскій университетъ, но не получилъ тамъ аттестата, который въ то время давалъ равныя права съ тѣми, кои доставляли выдаваемые отъ русскихъ университетовъ. Онъ не высоко еще поднялся; лѣтъ тридцати, только что титулярный совѣтникъ и секретарь при такомъ начальникѣ, который очень хорошо зналъ русскій языкъ и чрезвычайно былъ опытенъ въ дѣлахъ по своей части онъ не могъ имѣть на нихъ большаго вліянія. Рандъ каждый день являлся съ бумагами къ Бетанкуру, который, можно сказать, былъ даже суровъ съ нимъ, а тотъ, по моему, велъ себя очень благоразумно, выслушивая его въ почтительномъ молчаніи и не показывая ни досады, ни трусости.

Въ главномъ управленіи путей сообщенія всѣ видѣли во мнѣ будущую главную пружину его. Не было любезностей, не было учтивостей, коихъ бы мнѣ не оказывали инженеры: генералы Саблуковъ, Карбоніеръ, Вельяшевъ сами первые посѣтили меня. А между тѣмъ я не почиталъ себя въ правѣ входить явно въ какія-либо дѣла этого управленія; главные должностныя гражданскія лица всемирно уклонялись отъ сообщенія мнѣ свѣдѣній, и я могъ только стороной собирать ихъ. Наконецъ, я рѣшился на этотъ счетъ объясниться съ Бетанкуромъ. Я представилъ ему, что не ознакомившись напередъ съ дѣлами департамента, который онъ намѣренъ былъ ввѣрить мнѣ, я буду плохимъ его директоромъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что спѣшить еще не къ чему до возвращенія изъ

одного путешествія, которое вмѣстѣ съ нимъ я долженъ совершить. „Къ тому же, прибавилъ онъ, съ быстротою, съ какою понимаете вы всякое дѣло, вамъ не трудно будетъ скоро сладить и съ этимъ.“ Онъ не имѣлъ никакой нужды льстить мнѣ, и я никакимъ скромнымъ опроверженіемъ не отвѣчалъ ему. Вообще же я привыкъ видѣть, что какъ въ Италіи импровизируютъ стихи, такъ у насъ въ Россіи импровизируютъ способныхъ ко всему людей. Еще замѣтилъ я Бетанкуру, что чинъ мой малъ для мѣста, которое занимали дотолѣ одни превосходительные. На это отвѣчалъ онъ мнѣ, что вмѣстѣ съ должностію испросить онъ мнѣ у государя и чинъ статскаго совѣтника, безъ всякаго университетскаго аттестата. Все шло для меня какъ нельзя лучше.

Еще въ 1816 году отставной канцлеръ, графъ Румянцевъ, путешествуя по Россіи, посѣтилъ и Макарьевскую ярмарку. Она привлекла на себя особое вниманіе челоѣка, бывшаго столько лѣтъ министромъ коммерціи. Онъ нашель, что весьма было бы выгодно по близости перенести ее изъ Макарьева въ Нижній-Новгородъ и тѣмъ поддержать, украсить и поднять послѣдній, который во мнѣніи многихъ людей почитается настоящимъ средоточіемъ Россіи, долженствующимъ быть и столицей ея. Со всѣмъ уваженіемъ къ памяти государственнаго мужа нахожу я, что онъ ошибался. Положеніе Нижняго-Новгорода совсѣмъ не центральное. Если въ измѣреніи пространства Россіи не отдѣлять отъ нея сибирскаго края, тогда середина ея будетъ, по крайней мѣрѣ, за Ураломъ. Если же принять въ соображеніе одну населеннѣйшую часть ея отъ Уральскаго хребта до Калиша, тогда, прилегая болѣе къ сѣверо-восточнымъ ея странамъ, Нижній-Новгородъ слишкомъ удаленъ отъ западныхъ границъ Имперіи. Находясь на берегу двухъ величайшихъ, судоходнѣйшихъ рѣкъ, онъ съ умноженіемъ народонаселенія и промышленности, самъ собою могъ бы сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ государствѣ. Перенесеніе въ него ярмарки одинъ только мѣсяцъ въ году могло оживить его. Безъ всякой помощи отъ правительства, безъ всякаго участія его, самымъ естественнымъ образомъ ярмарку сію породили взаимныя потребности народовъ, населяющихъ Россію и отдаленнѣйшія азіатскія страны. Она возросла какъ бы подѣ благословеніемъ Св. Макарія, вокругъ обители имъ основанной. Многочисленное стеченіе богомольцевъ въ обычный срокъ встрѣ-

чалось тутъ ежегодно съ прѣвѣжающими караванами. Набожность, вездѣ сочувствующая русскому народу, указала ему тутъ и на торговыя его выгоды. Начало прекрасное, коего послѣдствіемъ было самое блистательное, широкое развитіе нашей торговли. Замѣчанія свои графъ Румянцевъ представилъ государю, который принялъ ихъ въ уваженіе.

Дабы удостовѣриться въ пользѣ предлагаемаго канцлеромъ, въ іюлѣ 1817 года Бетанкуръ отправленъ былъ въ Нижегородскую губернію. Ему поручено было, обозрѣвъ мѣстности, избрать удобнѣйшую и выгоднѣйшую для учрежденія новаго прочнаго ярмарочнаго гостинаго двора, и довести, въ случаѣ построенія новыхъ каменныхъ лавокъ, доходы съ нихъ будутъ ли достаточны чтобы замѣнить казнѣ проценты съ капитала, употребленнаго на ихъ сооруженіе. Новое доказательство пристрастія и неограниченной довѣренности, которыми пользовались тогда иностранцы. Бетанкуръ менѣе чѣмъ кто могъ тогда судить о выгодахъ и невыгодахъ нашихъ торговыхъ и финансовыхъ дѣлъ: это было первое путешествіе, которое онъ дѣлалъ внутрь Россіи, которую до толѣ онъ вовсе не зналъ, не видавъ даже Москвы. Никакой важности не видѣлъ онъ въ томъ, чтобы вырвавъ съ корнемъ самую природою произведенное растеніе, посадить его на другой почвѣ, не заботясь о томъ, будетъ ли оно процвѣтать на ней или нѣтъ. Эти господа знать не хотятъ, что у такъ-называемыхъ варваровъ и рабовъ есть повѣрія, навыки, коихъ измѣненія никогда не совершаются безъ сердечной для нихъ боли. Бетанкуру представился прекрасный случай выказать все искусство свое, какъ инженеру, архитектору, механику, и въ самомъ широкомъ объемѣ: какъ было ему не воспользоваться онымъ? Въ виду Нижняго-Новгорода, за Окой, близъ втока ея въ Волгу, на луговой ея сторонѣ, каждую весну потопляемой разлитіемъ двухъ великихъ рѣкъ, избралъ онъ мѣсто для сооруженія себѣ памятника. Тутъ надлежало съ большими издержками для казны побѣдить препятствія, поставляемыя природою. Надлежало, въ видѣ полукруглаго острова, сдѣлать высокую насыпь, которую вѣсная воды не могли бы затоплять, прорыть вокругъ нея судоходный каналъ, соединяющій рѣчку Пыру съ Окой, и возводимыя каменныя строенія, всѣ безъ изъятія, утвердить на безчисленныхъ сваяхъ. Мнѣ случилось въ послѣдствіи слышать льстецовъ, которые въ разговорахъ съ Бетанкуромъ

это гигантское произведеніе его генія называли египетскою работою и сравнивали его съ ископаннымъ озеромъ Мѣрса и пирамидой Хеопса. Онъ съ своей стороны почиталъ эту дѣль слишкомъ грубою и отвергалъ ее съ досадою.

По возвращеніи лично и словесно докладывалъ онъ государю о своихъ предположеніяхъ. Не знаю, какую уловку употребилъ онъ, чтобы не испугать его огромностью суммъ на то потребныхъ. Государь не жалѣлъ денегъ на все, по мнѣнію его, полезное, но даромъ бросать ихъ не любилъ. Я полагаю, что сперва не открылъ онъ ему всей истины, не объяснилъ сколько милліоновъ потребуется, ибо представленная имъ вслѣдъ затѣмъ смѣта была довольно скромная. Разъ втянувши казну въ это предпріятіе, ему легко было послѣ доказывать необходимость безпрестанныхъ прибавокъ.

Въ ту же осень дѣло вскипѣло вдругъ; отправлены инженеры для снятія плановъ, приисканія подрядчиковъ, объявленія торговъ, заключенія контрактовъ; у насъ же въ Петербургѣ завелась обширная переписка, что чрезвычайно умножило мои занятія и труды. Весной въ слѣдующемъ 1818 году, ярмарочныя деревянныя строенія перенесены уже были изъ Макарьева на плоское мѣсто, находящееся рядомъ съ тѣмъ, на которомъ предполагалось соорудить прочныя зданія; лѣтомъ въ сихъ временныхъ помѣщеніяхъ открытъ былъ уже и торгъ. Ропотъ былъ великъ: монастырь Св. Макарія лишился богатыхъ приношеній, жители окрестныхъ мѣстъ почитали себя раззоренными, азіятскіе торговцы жаловались на то, что должны понапрасну дѣлать лишнихъ восемьдесятъ верстъ сухимъ путемъ, хозяева судовъ на то, что принуждены болѣе ста верстъ подниматься вверхъ по Волгѣ; вообще, ярмарка съ этого времени потеряла свою оригинальную, азіятскую фізіономію. Бетанкуръ, который провелъ тамъ все лѣто, пока я былъ въ Парижѣ, остался довольно равнодушень къ симъ жалобамъ; однакоже, дабы сколько-нибудь утѣшить вопіющихъ, обѣщалъ на новомъ мѣстѣ построить славную каменную церковь во имя Св. Макарія: лишняя сотня тысячъ рублей ему ничего не стоила. Несмотря на новое, важное назначеніе свое, онъ намѣревался провести въ Нижнемъ-Новгородѣ и лѣто 1819 года, и пригласилъ меня съ собою. Итакъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ началъ я приготовляться къ новому пути, не столь длинному какъ въ предыдущемъ году.

ХІІ.

Когда въ 1815 году жилъ я на Крестовскомъ островѣ, въ первый разъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ услыхалъ я о пароходахъ. Сосѣдъ мой, графъ Вельгорскій, предлагалъ мнѣ ѣхать съ нимъ и съ большою компаніей на чугунаый заводъ Англичанина Берда, чтобы подивиться сей новорожденной у насъ невидальщинѣ: не помню что помѣшало мнѣ воспользоваться его приглашеніемъ. Дотолѣ слушолъ я о отмѣ довольно разсѣянно, какъ объ одномъ изъ многочисленныхъ американскихъ или англійскихъ затѣйливыхъ изобрѣтсній. Берду отъ правительства дана была привилегія, и его пароскафъ исправно съ тѣхъ поръ ходилъ съ Матисова острова въ Кронштадтъ; иногда на показъ народу являлся онъ и на Невѣ: мнѣ ни разу не пришлось посмотрѣть на него.

Въ первый разъ случилось мнѣ видѣть не его, а на немъ самого себя. Бетанкуръ собирался отправиться водою, такъ чтобы наши экипажи, не отдаляясь отъ берега, слѣдовали за нами сухимъ путемъ. Бердъ, который почиталъ себя много обязаннымъ Бетанкуру, за то что тотъ всѣ казенныя работы заказывалъ на его заводѣ, предложилъ прокатить насъ даромъ по Невѣ, до самаго истока ея изъ Ладожскаго озера. Отѣздъ назначенъ былъ 14-го мая, въ семь часовъ утра, и пароходъ, ночью прошедъ по рѣкѣ во время снятія мостовъ, причалилъ къ набережной близъ Гагаринской пристани. Я проспалъ, опоздалъ нѣсколькими минутами, меня одного нетерпѣливо дожидались, и едва успѣлъ я перебѣжать по доскѣ, какъ труба задымилась, и колеса зашумѣли.

Я очутился на палубѣ среди многочисленнаго общества. Семейство Бетанкура состояло изъ жены его и трехъ дочерей; также два Испанца, принадлежавшихъ къ посольству, провожали его до Шлиссельбурга. Семейство Берда находилось на пароходѣ, чтобы хозяйничать и угощать путешествующихъ. Съ нами отправлялись до Нижняго: единственный сынъ Бетанкура, Альфонсъ, пятнадцатилѣтній бѣленькій мальчикъ, недавно прибывшій изъ Англїи, гдѣ по волѣ отца онъ воспитывался; при немъ наставникъ, Нѣмецъ Рейфъ; старый адъютантъ Бетанкура, Маничаровъ, недавно оста-

вившій должность эконома института; молодой адъютантъ Варенцовъ и, наконецъ, секретарь Равдъ. Сверхъ того, сопутствовали намъ до вѣреннаго ему округа инженеръ, генераль-майоръ Александръ Александровичъ Саблуковъ. О нѣкоторыхъ изъ сихъ лицъ я буду имѣть случай говорить во время нашего путешествія.

Этотъ первый день странствованія нашего походилъ на веселый праздникъ. Погода была прекрасная, виды по Невѣ были пріятные и занимательные, берега ея усѣяны дачами, фабриками и деревнями, изъ коихъ жители высыпали толпами, чтобы полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ, большимъ, дымящимся судномъ, быстро поднимающимся по рѣкѣ безъ парусовъ и весель. Цѣлый день пили и ѣли, всѣ были разговорчивы, всѣ смѣялись, даже скромныя дѣвицы-дочери Бетанкура. Вѣроятно, вслѣдствіе многократныхъ тостовъ во время поздняго обѣда возносимыхъ, почувствовалъ я сильную дремоту; она одолѣла меня, я спустился въ каюту, заснулъ, и проснулся когда уже солнце готово было садиться. Меня всѣ одобрили и поздравляли, ибо во время сна моего, по неопытности рулевого, въ первый разъ тутъ прѣвзжающаго, судно сѣло на мель, и болѣе двухъ часовъ билось, чтобы тронуть его съ мѣста. Хорошо еслибъ и всегда можно было просыпаться такъ горе и узнавать о немъ только тогда, когда оно уже миновалось. Отъ этой остановки мы опоздали, и пріѣхали въ Шлиссельбургъ когда уже совсѣмъ смерклось.

У начальствовавашаго тутъ по инженерной части полковника, Ивана Дмитриевича Попова, въ казенномъ обширномъ деревянномъ домѣ, приготовленъ былъ обильный обѣдъ или ужинъ, трудно сказать и нельзя назвать того до чего никто не коснулся. Всѣ были чрезъ мѣру сыты, всѣ устали, и всѣмъ хотѣлось спать. И по этой части добрый хозяинъ позаботился; во всѣхъ комнатахъ стояло по двѣ и по три кровати, но и это кромѣ меня никого не прельстило. Не болѣе получаса пробыло тутъ общество наше: Бетанкуръ съ семействомъ и гостями отправился на богатую, частную, ситцевую фабрику (имя владѣльца ея у меня ускользнуло изъ памяти), гдѣ ожидало ихъ гораздо удобнѣйшее помѣщеніе; вся свита пошла обратно къ Берду на пароходъ, и я остался одинъ. Въ уединеніи сонъ мнѣ всегда казался слаще; къ тому же мнѣ хотѣлось чтобы не совсѣмъ пропали труды почтеннаго старика Попова, котораго видъ казался смущеннымъ и недо-

вольнымъ. Онъ отвелъ мнѣ постель, приготовленную для самой Бетанкурши.

Едва успѣлъ я, на слѣдующее утро, разстаться съ мягкимъ ложемъ своимъ, какъ домъ, въ которомъ ночевалъ, сдѣлался опять сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ нашихъ спутниковъ. Подъ предводительствомъ нашего начальника всѣ мы отправились на берегъ Ладожскаго озера, куда перебрался Бердовъ пароходъ. Чтобъ утѣшить бѣднаго Попова, ему дано обѣщаніе воротиться къ нему завтракать. Цѣлою компаніей подъѣхали мы къ крѣпости, гдѣ ожидалъ съ рапортомъ комендантъ, котораго пригласили прокатиться съ нами по Ладожскому озеру. Это былъ генераль-майоръ Григорій Васильевичъ Плуталовъ, почти осьмидесятилѣтній старецъ, маленькій, сухощавый, но еще дюжій и бодрый. Выходяецъ изъ старой Екатерининской арміи, сохранившійся образчикъ ея, онъ пользовался привилегіей, прищучивая съ вышними, говорить имъ истину. Однажды, при императорѣ Павлѣ, онъ рѣшительно отказался быть суровымъ съ насылаемыми къ нему во множествѣ всякаго званія арестантами. „Государь, сказалъ онъ, дѣлайте изъ меня что вамъ угодно, только я стражъ ихъ, а не палачъ.“ Тронутый такою человѣколюбивою смѣлостью, императоръ бросился обнимать его.

Веселый этотъ старикъ, ступивъ на пароходъ, не подалъ Бетанкуру рапорта, а объявилъ, что онъ почитаетъ себя похищеннымъ и насъ подозрѣваетъ въ зломъ умыслѣ овладѣть крѣпостью, когда мы похитили ея начальника. Потомъ попросилъ о дозволеніи поздороваться съ находящимися тутъ дамами, Гишпанками, Англичанками и другими, и еще не получивъ его, и не давъ имъ опомниться, пошелъ ихъ всѣхъ обнимать и цѣловать въ уста. Я спѣшилъ увѣрить ихъ будто, по нашему прежнему обычаю, это неотъемлемое право глубокой старости, и отъ удивленія и досады онѣ перешли къ смѣху. Этотъ человѣкъ мало заботился о томъ что скажутъ о немъ Европа и Европейцы. Потомъ около часу покатались мы по бурнымъ волнамъ Ладожскаго озера, въ первый разъ разсѣкаемымъ судномъ новаго изобрѣтенія. Приставъ къ крѣпости, которая, какъ извѣстно, находится на острову, мы вышли на берегъ, и тутъ только Плуталовъ, вынувъ рапортъ, почтительно подалъ его старшему генералу. Не знаю былъ ли онъ холостъ или вдовъ, только женскаго пола въ его квартирѣ мы не видали, а на накрытомъ столѣ нашли зав-

тракъ или скорѣе закуску, отъ которой мало вкусили, ибо берегли себя для Попова. Ускользнувъ отъ закуски, въ сопровожденіи какого-то офицера, бау или плацъ-адъютанта, я обошелъ крѣпостной валъ.

Усерднымъ аппетитомъ оказавъ должное уваженіе сытному обѣду добраго Ивана Дмитриевича, и потѣшивъ тѣмъ русское хлѣбосольство его, мы начали собираться въ дальнѣйшій путь. Прощанье Бетанкура съ женой и дочерьми было нѣжно, даже трогательно. Онъ съ гостями поспѣшили обратно на пароходъ, а мы на щеголевато и довольно богато отдѣланное судно для покойной великой княгини Екатерины Павловны, подъ названіемъ трешкоута. На Ладожскомъ каналѣ, по которому мы плыли, всѣ суда на лѣвой сторонѣ выстроены были въ одинъ рядъ, дабы дать свободный проѣздъ царю каналовъ. На суднѣ нашемъ подъ палубой была одна только длинная и широкая каюта, вокругъ которой находились диваны не весьма покойные. Я разчелъ, что не раздѣваясь, въ повалку, спать на нихъ будетъ мнѣ весьма неудобно и даже невозможно. И дая того, когда сдѣлавъ версть тридцать, въ сумерки остановились мы у станціи Шалдихи, гдѣ нашли свои экипажи, я доложилъ Бетанкуру, что буду дожидаться его прибытія и приказаній въ Новой Ладогѣ, и распростился съ честною компаніей. Я хорошо сдѣлалъ: около двухъ нѣдѣль стояла сухая погода, и дороги были въ хорошемъ состояніи. Майская ночь коротка на сѣверѣ, и въ пріятныхъ размышленіяхъ на свѣжемъ воздухѣ я не видѣлъ какъ она и я—мы пролетѣли. Когда я остановился болѣе для дневки чѣмъ для ночлега, чуть-чуть сталъ показываться свѣтъ. Его было не нужно: второстепенный уѣздный городъ, въ который я пріѣхалъ, ничѣмъ не отличался отъ другихъ равныхъ ему, и смотрѣть было не на что. Въ квартирѣ приготовленной для Бетанкура я объявилъ, чтобъ его не ожидали, а самъ легъ въ его постель.

Я преспокойно проспалъ до полудня: обѣдъ былъ готовъ, и я совсѣмъ одѣтъ, когда Бетанкуръ со свитой прибылъ въ Новую Ладугу, гдѣ я встрѣтилъ его. Послѣ обѣда, онъ занялся немного дѣломъ, а потомъ очень весело опять пустился водой вверхъ по рѣчкамъ Сяси и Тихвинки. Я же опять предпочелъ ѣхать сухимъ путемъ, и въ слѣдующія ночь и утро для меня повторилось то что было наканунѣ. Проснувшись поздно, я пошелъ смотрѣть на городъ Тихвинъ, не весьма

замѣчательный, и зашелъ въ монастырь Тихвинскія Богоматери помолиться ея чудотворной иконѣ. Мнѣ показали и ризницу, довольно богатую, коей главнымъ украшеніемъ служить золотая лампада съ брилліантовою подѣвской, оцѣненная въ шестьдесятъ тысячъ рублей и принесенная въ даръ графомъ Шереметевымъ. Я спѣшилъ домой, чтобъ успѣть встрѣтить своего старика-генерала, но тщетно прождалъ его второй и третій часъ пополудни, во тогдашнему,—все еще законные обѣденные часы. Безпокойство, нетерпѣліе и аппетитъ доходили во мнѣ до крайности, когда въ концѣ четвертаго часа увидѣлъ я труппу моихъ спутниковъ, изнеможенныхъ, изнуренныхъ, измученныхъ; Бетанкуръ былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Такъ же какъ и другіе, онъ принужденъ былъ спать на соломѣ въ простой, хотя крытой но безпокойной баркѣ. Неизвѣстно было что онъ поѣдетъ водой, и ничего не было приготовлено. Подымаясь по рѣчкамъ, онъ тащился бичевникомъ, и лошади съ крутыхъ береговъ безпрестанно обрывались: нетерпѣливый старикъ былъ въ бѣшенствѣ. Послѣ обѣда, его поваромъ, по моему заказу, приготовленнаго, онъ сталъ спокойнѣе, веселѣе, но объявилъ, однакоже, что остается ночевать въ Тихвинѣ.

Слѣдующій день, 19-е число, былъ уже и для меня мучительнымъ днемъ. Надлежало сдѣлать 90 верстъ до Соминской пристани. На этомъ разстояніи находится каналъ съ 38 плузами, часто отворяемыми и запираемыми, чрезъ кои баркамъ приходится иногда недѣли двѣ проходить. Мы поѣхали по дорогѣ, которая лежитъ близъ канала и которая, конечно, самая скверная въ Россіи. Она никогда не поправляется, а болота и пески, кочки и древесные корни безпрестанно встрѣчаются въ частомъ лѣсу, черезъ который надобно проѣзжать. Говорятъ, что исправить эту дорогу очень трудно и будетъ стоить очень дорого. Какъ бы ни было, съ равнаго утра до поздней ночи тащились мы по ней до Сомины. Мы нерѣдко останавливались, для того чтобы Бетанкуру осматривать плузы, и обѣдали у смотрителя ихъ, насъ сопровождавшаго, инженеръ-подполковника Ивана Ивановича Цвиллинга, сухаго, прямаго и молчаливаго Нѣмца.

Три судна неодинаковой величины были куплены на казенный счетъ, чтобы по теченію рѣкъ везти насъ до самаго Нижняго-Новгорода, и они дожидались насъ въ Соминской пристани. Самое большое, разумѣется, назначено было для

главнаго директора путей сообщенія, и онъ помѣстился въ немъ съ двумя адъютантами, съ сыномъ своимъ и его учителемъ Рейфомъ. Другое, поменѣе, досталось намъ съ г. Рандомъ, и мы не имѣли причины быть имъ недовольными; въ чистенькой каютѣ, довольно просторной, были широкія лавки, на которыхъ очень хорошо умѣстились наши постели. Въ третьемъ суднѣ находились экипажи, прислуга, кухня и нѣкоторые необходимые на этомъ пути съѣстные припасы. Вешнія воды не совсѣмъ еще спали, и мы 20 числа могли безпрепятственно плыть внизъ по рѣчкѣ Семинѣ, которая лѣтомъ не бываетъ столь глубока. Въ тотъ же вечеръ достигли мы ея устья и въѣхали въ рѣчку или скорѣе рѣку Чагодоць или Чагоду, какъ ее просто называютъ.

Хотя мы были въ весьма недалъномъ разстояніи отъ обѣихъ столицъ, но могли почитать себя среди необитаемой части Сѣверной Америки. Надобно полагать, что въ этихъ мѣстахъ земля неудобна для хлѣбопашества, ибо намъ почти не попадались деревни въ пустомъ лѣсу, который непрерывно тянется по обѣимъ берегамъ Чагоды. По низости ихъ она могла бы почитаться большимъ каналомъ, еслибы ширина ея, глубина и частые изгибы не давали ей видъ рѣки. Во всякой европейской странѣ она была бы препрославленная; у насъ считается она третьеклассною, и въ обществѣ рѣдко сыщется человѣкъ, довольно свѣдущій въ статистикѣ русскаго государства, чтобы знать ея имя: а она связываетъ низовыя губерніи и Астрахань съ Петербургомъ, то-есть Каспійское море съ Балтійскимъ. Вокругъ насъ царствовала мертвая тишина, и изрѣдка показывалось человѣческое лицо; за то слѣды человѣчества встрѣчались на разстояніи каждыхъ пяти или шести верстъ. Большіе постоянные дворы, ни кѣмъ не заняты, съ забытыми окнами, появленіемъ своимъ пуще наводили тоску: казалось, что вымерли всѣ жители этой страны, а она должна была недѣли черезъ три на все лѣто чудесно оживиться. Когда приплываютъ низовыя караваны, то хозяева сихъ лѣтнихъ гостиницъ наѣзжаютъ въ нихъ изъ ближайшихъ деревень и получаютъ большіе барыши отъ судовщиковъ, которые, останавливаясь тутъ, запасаются съѣстнымъ, а иногда и пируютъ, бражничаютъ. Несмотря на торжественность нашего плаванія, мы по части продовольствія уже въ первый день испытали недостатокъ: намъ угрожалъ голодъ, и мы начали чувствовать его ужасы.

Хозяйственная часть поручена была доброму Маничарову, который съ тѣхъ поръ какъ началъ жить на своей волѣ не зналъ что такое дома обѣдать: вѣчно въ гостяхъ, въ клубахъ или въ трактирѣ. Въ безопасности своей онъ не подумалъ о томъ чѣмъ мы будемъ кормиться дорогой. Бетанкуръ вознегодовалъ, возропталъ. Не я, а тощій желудокъ мой во всеуслышаніе заговорилъ голосомъ сильнымъ и трогательнымъ; тогда Бетанкуръ попросилъ меня вступиться въ это дѣло. Маничаровъ хотѣлъ было разсердиться, но никакъ не могъ, обрадовавшись случаю избавиться отъ заботъ по провіантской части. Я потребовалъ, чтобы, по близости первой зажиточной деревни, гдѣ-нибудь часа на два пристали мы къ берегу, и отправилъ для закупокъ комитетскаго сторожа, еще не стараго и проворнаго, котораго по просьбѣ его взялъ съ собою для свиданія съ родными. Не болѣе какъ черезъ часъ третье судно наше обратилось въ птичій дворъ: явились живыя куры, гуси, утки, даже индѣйки, и все что нужно для ихъ прокормленія. Всѣ дивились моей расторопности, а я, со скромностію отклоняя похвалы, относилъ ихъ къ проворству рядоваго Латухина. Коль скоро изобиліе воротилось къ намъ, наше плаваніе сдѣлалось отменно пріятнымъ. Каждое утро часу въ девятомъ садились мы съ Рандомъ на сопровождавшія насъ лодки и отправлялись пить чай къ своему начальнику. Потомъ возвращались мы домой, на свое судно, раздѣвались и принимались за чтеніе, пока обѣденный часъ не заставитъ насъ предпринять новую поѣздку. Послѣ обѣда бесѣда дѣлалась продолжительнѣе и веселѣе. Мы шли на веслахъ скорымъ ходомъ внизъ по рѣкѣ, чувствовали движеніе судна, быстрое и вмѣстѣ покойное, но видно и пріятное утомляетъ. Къ вечеру насъ тянуло на твердую землю; гдѣ попадется нѣсколько открытое мѣсто среди лѣса, мы выходили на него и на воздухѣ чайничали, пока сынъ Бетанкура, бойкій и смѣлый мальчикъ, съ учителемъ своимъ Рейфомъ, углублялся въ чащу и стрѣлялъ дичь. Когда смеркнется мы спѣшимъ спать на воду и ну спать.

Впрочемъ, все это продолжалось не болѣе двухъ или трехъ дней. Когда мы приблизились къ мѣсту, гдѣ Чагода впадаетъ въ Мологу, сопутствующій намъ отъ самаго Петербурга инженеръ, генераль-майоръ Саблуковъ, пригласилъ своего и нашего начальника посѣтить его имѣніе, верстахъ въ шести отъ берега находящееся. Названія этого помѣстья я не забылъ,

потому что забылъ о немъ спросить и никогда не зналъ. О самомъ же владѣльцѣ я уже два раза упоминалъ да и въ третій не вижу возможности не войти насчетъ его въ нѣкоторыя подробности.

Отецъ его, также какъ и онъ, Александръ Александровичъ, трудами и умомъ, употребляя дозволенные средства, съ помощію царскихъ щедротъ, нажилъ себѣ хорошее состояніе и достигъ довольно высокаго сана. Въ сенатѣ былъ онъ правосуднымъ и свѣдущимъ членомъ его и управлялъ петербургскимъ воспитательнымъ домомъ. Двухъ сыновей своихъ, по образцу знатныхъ людей, онъ воспитывалъ на иностранный манеръ, и желая сдѣлать изъ нихъ людей полезныхъ,—болѣе на англійскій. Меньшой, казалось, удался; онъ былъ довольно уменъ, свѣдущъ; но какъ со временъ Петра Великаго слѣное, безотчетное подражаніе всему заграничному и особенно заморскому почти всегда влечетъ насъ къ разоренію, къ мотовству или къ неудачнымъ предпріятіямъ, то и нашъ Саблуковъ бредилъ все проектами, приспособленіемъ иностраннаго земледѣлія и промышленности къ нашему русскому быту. Изъ камеръ-юнкеровъ и дипломатовъ поступилъ онъ въ инженеры и очень хорошо управлялъ ввѣренной ему частью, вторымъ кругомъ путей сообщенія. Только собственная, хозяйственная часть шла у него плохо. Тамъ, гдѣ принималъ и угощалъ онъ насъ, былъ у него выстроенъ огромный, каменный, винокуренный заводъ, коимъ заправлялъ Англичанинъ, и который былъ наполненъ дорогими машинами, изъ Англіи выписанными. Лѣсу было вдоволь; не доставало бездѣлицы — ржи и воды. Первую за дорогую цѣну покупалъ онъ съ судовъ, а послѣднюю съ большими издержками проводилъ къ себѣ, такъ что каждое ведро обходилось ему втрое дороже того за что могъ онъ его продать. Не знаю послѣ того до какой степени онъ разорился. Онъ нѣсколько лѣтъ былъ уже знакомъ съ Бетанкуромъ, а подчиненность еще болѣе его сближала съ нимъ. Это былъ пріятѣйшій изъ нашихъ спутниковъ, и когда тутъ, на границѣ его округа, онъ разстался съ нами, мы съ бесѣдой его много потеряли.

Въ ту же ночь, съ 23-го на 24-е число, изъ Чагоды въѣхали мы въ рѣку Мологу, еще шире и глубже ея. Около половины дня начали показываться суда, которыя спѣшили насытить всепожирающій въ Россіи Петербургъ: число ихъ потомъ все болѣе и болѣе стало увеличиваться. Недолго продолжалось

плаваніе наше по Молгѣ: мимоходомъ взглянувъ на городокъ при ея устьѣ, носящій имя ея, мы увидѣли Волгу, которая, не совсѣмъ еще вступивъ въ берега, показалась намъ еще болѣе величественною.

На сто Русскихъ, которые, плавая по Рейну, дѣйствительно или притворно восхищались красотою береговъ его, едва ли сыщется одинъ, который въ этомъ мѣстѣ плавалъ бы по Волгѣ. И если эта прекрасная картина и произвела на него какое-нибудь пріятное впечатлѣніе, онъ не сообщалъ о томъ, почитая пошlostію любоваться такъ-сказать домашними прелестями. Мнѣ хотѣлось бы передать свои ощущенія, но я не буду умѣть и назову только тѣ предметы, коихъ встрѣча тутъ понравилась бы каждому. Ничего общаго съ поэзіей Рейнскихъ видовъ,—ни навислыхъ скалъ, ни гигантскихъ развалинъ древнихъ замковъ, ни виноградниками усѣянныхъ скатовъ горъ,—не имѣетъ наша матушка-Волга; она красуется совсѣмъ инымъ: лѣвый берегъ ея представляетъ необозримыя зеленыя равнины, тучныя пажити, засѣяныя поля; на правомъ—подымаются горообразные холмы. На нихъ и подъ ними тѣснятся селы и деревни, среди коихъ часто бѣлѣются Божіи храмы. Эти селенія такъ близки другъ отъ друга, что однимъ взглядомъ можно ихъ окинуть отъ шести до семи. Мы нерѣдко приближались къ берегу, такъ что я хорошо могъ разсмотрѣть ихъ. Избы всѣ на одинъ, но на весьма хорошій ладъ, бревенчатая, почти всѣ въ два жилья, съ разнѣвыми, расписными украшеніями на окнахъ и на кровлѣ: соломенной ни одной не видѣть. Изъ нихъ, особливо къ вечеру то-и-дѣло высыпаютъ молодыя молодушки, красныя дѣвушки, въ малиновыхъ, алыхъ, лазоревыхъ сарафанахъ, отороченныхъ золотыми галунами, иныя въ серебряныхъ фатахъ. Лица свѣжія, полныя, уможаая красоту однихъ, замѣняютъ нарядъ другимъ. * Потомъ пристануть къ нимъ

* Разумѣется, въ большей части Россіи между крестьянами нельзя найти такого дозволенія. Отцы, мужья и братья этихъ женщинъ живутъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, сидѣльцами въ лавкахъ, половыми въ трактирахъ, другіе извозчиками. Тутъ на самой прѣзжей дорогѣ харчевничаютъ она, а въ свободное время, безъ большихъ затрудненій, дозаятъ и продаютъ осетровъ и стерлядей. Все народъ промышленный. Жены ихъ не спалаютъ лѣтнимъ зяемъ, рано не отцѣвтаютъ; онѣ не знаютъ утомительной полевой работы, а одну только домашнюю: шьютъ, ткуютъ, прядутъ, стряпаютъ, да развѣ

нѣсколько удалыхъ парней, съ русыми кудрями, въ синихъ суконныхъ армякахъ, подпоясанныхъ цвѣтными кушаками, ловко подбоченясь, и въ шляпѣ на-бекрень. Тотчасъ узнаешь престолюдина-фата по его добродушному ухарству. На встрѣчу намъ тянулась непрерывная цѣпь низоваго каравана, составленная изъ судовъ разной величины и подъ разными названіями,—разшивовъ, тихвинокъ, баркасовъ и другихъ. Всѣ они противъ теченія рѣки шли на всѣхъ парусахъ, что и давало имъ видъ безконечной стаи: особенно же тѣ, кои можно было завидѣть въ самомъ отдаленіи, казались окрыленными и летучими. Весьма замѣчательными нашель я работниковъ-бурлаковъ на нихъ употребляемыхъ, какъ будто изъ однихъ мускуловъ составленныхъ, усмиранныхъ потомковъ нѣкогда сграшныхъ волжскихъ разбойниковъ. Шокорная дерзость и понынѣ на лицѣ ихъ написана. Я того и глядѣлъ что они вскочатъ къ намъ на судно и загремятъ *сарынь на кичку*. * Живая картина, которая была у меня передъ глазами, являла вмѣстѣ и силу, и красоту, и богатство земли Русской. Всѣ съ удовольствіемъ смотрѣли на это зрѣлище, а я одинъ былъ въ восторгѣ. Русская жизнь выражалась тутъ такъ краснорѣчиво, отсюду ею несло, ею обхватывало меня. Когда же по закатѣ солнца горы, рѣки и долины оглашались пѣснями хороводовъ, я, право, былъ не свой. Кто спорить о томъ что голосъ русскихъ крестьянокъ дикъ, крикливъ и вблизи даже отвратителенъ, но издали, въ соединеніи съ мужскими голосами, въ тихую лѣтнюю ночь, на открытомъ воздухѣ, на большомъ пространствѣ, растилаясь по этой Волгѣ, надъ которою и для которой сложены были эти простые напѣвы, они производили чудную гармонію. Ея звуки затихали тогда только, когда на востокѣ загорался свѣтъ зари. Тогда только и для меня оканчивалось очарованіе, и я отходилъ ко сну.

Отойдемъ и къ прозаической сторонѣ моего путешествія. Не останавливаясь нигдѣ, 25 числа мы рано прибыли въ богатый Рыбинскъ. Десять дней не видавъ большихъ каменныхъ домовъ, онъ мнѣ показался великолѣпнень. Я не буду занимаются коровникомъ. Вотъ почему онъ скорѣе принадлежитъ къ разряду мѣщанокъ.

* Ужасное слово, при которомъ для спасенія жизни всѣ должны были падать ницъ, дабы захватившимъ судно дать время сграбить его.

говорить о великомъ значеніи этой извѣстной пристани въ торговсѣмъ отношеніи, о томъ пусть справятся въ статистическомъ описаніи Россіи; но оно было очень важно, ибо на нѣсколько часовъ заставило тутъ остановиться главнаго директора путей сообщенія. Мы пристали на квартирѣ смотрителя судоходства, надворнаго совѣтника Николая Федоровича Виноградова. Мѣсто имъ занимаемое, видно, было очень доходно, ибо мы въ жилищѣ его нашли не только изобиліе, но даже роскошь. Не въ первый разъ и тутъ пришлось мнѣ одному воспользоваться угощеніемъ, приготовленнымъ для моего начальника. Тутъ находилась пѣхотная дивизія, которою начальствовалъ генераль-адъютантъ Николай Мартемьяновичъ Сипягинъ, бывшій любимецъ Александра, тогда въ немилости у него. Онъ Бетанкура со свитой пригласилъ къ себѣ обѣдать, а до того усерднѣе просилъ мимоходомъ взглянуть на ученье каксго-то полка. Къ Гиспанцу въ Петербургѣ пришла страсть казаться или даже почитать себя военнымъ, и хотя въ этомъ дѣлѣ смыслилъ столько же какъ и я, пошелъ смотрѣть полкъ; я же остался съ пріятною перспективой—послѣ славнаго обѣда развалиться на широкомъ диванѣ. Къ вечеру мы опять отплыли. Я еще не спалъ, когда проѣхали мы мимо города, или лучше сказать, между двухъ городковъ Романова-Борисоглѣбска.

Мнѣ и утромъ что-то не спалось; я всталъ рано, одѣлся, взомель на палубу и завидѣлъ въ дали большой городъ: мнѣ сказали что это Ярославль. Когда мы довольно приблизились къ нему чтобы разглядѣть на пристани множество народа и чиновниковъ въ мундирахъ, я поспѣшилъ къ Бетанкуру. Онъ былъ еще въ постели; я велѣлъ доложить ему что его ожидаетъ встрѣча. Я хорошо сдѣлалъ, потому что едва успѣлъ онъ принарядиться, какъ мы пристали къ берегу, на которомъ ожидалъ его самъ губернаторъ. * Пока онъ водилъ его сперва къ себѣ, а потомъ осматривать богоугодныя заведенія, я пошелъ отыскивать знакомаго мнѣ въ Петербургѣ Петра Яковлевича Писемскаго, женатаго на родной сестрѣ Блудова, а между тѣмъ спросилъ у своего начальника гдѣ могу найти его, пристать къ его свитѣ и вмѣстѣ отправиться далѣе. На-

* Гаврила Герасимовичъ Подлѣтковскій, нѣкогда прзидентъ канцеляріи министра финансовъ, графа Васильева, потомъ директоръ медицинскаго департамента, губернаторъ и наконецъ сенаторъ.

ходясь среди семейства почтенно-приятнаго, я заговорился, забылся, опоздалъ и долженъ былъ ѡбъять, чтобы достигнуть своихъ. Извозчиковъ не было или я ихъ не встрѣтилъ. Намѣстѣ мнѣ назначенномъ въ городской больницѣ, подлѣ публичнаго сада, нѣкогда насажденнаго генераль-губернаторомъ Мельгуновымъ, я никого не нашелъ. Въ тщетныхъ поискахъ своихъ я избѣгалъ весь городъ, могу сказать, не видавъ его. Еще нѣсколько минутъ, и нетерпѣливый Бетанкуръ уѣхалъ бы безъ меня: онъ спѣшилъ на обѣдъ къ любимому адъютанту своему Варенцову, который намъ сопутствовалъ, и у котораго въ двадцати верстахъ отъ Ярославля, близъ Волги, на рѣчкѣ Туношнѣ, былъ собственный ножевый заводъ.

О семь новомъ сослуживцѣ мнѣ не приходилось говорить. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ купеческимъ родамъ, которые, чрезвычайно разбогатѣвъ, такъ охотно и легко переходятъ у насъ въ дворянское состояніе. Нѣкоторые изъ нихъ, поднявшись въ чинахъ, посредствомъ блестящихъ супружествъ безпрепятственно приписываются къ знатымъ, какъ, напримеръ, нѣкогда Демидовы, а въ настоящее время Мальцовы, Гончаровы, Устиновы. Отецъ Варенцова, простой разбогатѣвшій фабрикантъ, нашелъ средство двухъ старшихъ сыновей опредѣлить въ иностранную коллегію, а меньшаго Петра Алексѣевича въ институтъ путей сообщенія. Сей послѣдній имѣлъ уже офицерскій чинъ, когда въ 1812 году, слѣдуя общему влеченію, поступилъ онъ въ армію, находился въ сраженіяхъ и получилъ нѣсколько военныхъ знаковъ отличія. Потомъ вышелъ въ отставку, сыскалъ невѣсту, равную себѣ по состоянію, и женился на богатой дѣвицѣ Кусовниковой. Чинолюбіе опять заманило его въ службу, и онъ предложилъ себя адъютантомъ бывшему своему инженерному начальнику, а тотъ, по вышеизъясненной мною слабости казаться военнымъ, во вниманіи къ его армейскому мундиру, крестикамъ и медалямъ, охотно принялъ его предложеніе. Варенцовъ былъ угодителемъ, проворенъ, и тѣмъ еще болѣе полюбился Бетанкуру. Онъ не мѣшался ни въ чьи дѣла по управленію, а въ послѣдствіи умѣлъ себѣ создать особую часть въ видѣ инспекторской. Заводъ его находился въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, не такъ какъ у Саблукова; не было никакихъ лишнихъ затѣй, ни иностранцевъ, а между тѣмъ онъ сбирался уже вырабатывать бритвы. Можно себѣ вообразить какое угощеніе было тутъ приготовлено имъ для своего начальника и сопровождавшихъ его.

Пропирававъ въ Туношнѣ почти вплоть до ночи, мы перѣехали на противоположный берегъ Волги. Тутъ нетерпѣливый Бетанкуръ объявилъ намъ о своемъ намѣреніи оставить насъ, сѣлъ въ коляску, взявъ съ собою сына, Рейфа и Варенцова, и поскакалъ по большой дорогѣ.

Мы остались втроемъ съ Маничаровымъ и Рандомъ. Вотъ до чего уменьшилось сначала столь многочисленное наше общество. Повалившись спать, мы преспокойно поплыли далѣе. Кому начальствовать надъ флоталіей не было сказано; а такъ какъ порядокъ вездѣ нуженъ, то я и увидѣлъ себя въ необходимости при этомъ случаѣ похитить верховную власть, тѣмъ болѣе что отъ кроткаго, безпечнаго Маничарова не могъ я ожидать никакого сопротивленія, и что Рандъ въ это время былъ ко мнѣ откровенно снисходителенъ. Въ слѣдующее же утро, 27-го мая, мнѣ пришлось на опытѣ явить мое владычество. Подплывши къ Костромѣ, мои спутники хотѣли не останавливаясь ѣхать далѣе. Тогда я замѣтилъ имъ, что, не бывъ природными Русскими, они, конечно, могутъ быть равнодушны къ великой знаменитости этого города въ русской исторіи, но что я никакъ не соглашусь упустить сей единственный случай посѣтить Ипатьевскій монастырь. Въ то же время самовольно распустилъ я гребцовъ на полтора часа отдохнуть или погулять по городу. На меня съ минуту посмотрѣли съ изумленіемъ, а я, взявъ какого-то провожатаго, отправился пѣшкомъ. Не знаю по какому случаю въ монастырѣ было архірейское служеніе, что задержало меня долѣе чѣмъ я ожидалъ и лишило возможности увидѣть комнаты, которыя занималъ съ матерью малолѣтній Михаилъ Феодоровичъ, когда пришли призывать его на царство. На городъ, почти вѣвъ котораго находился монастырь, едва успѣлъ я взглянуть: нетерпѣливые спутники мои съ нѣкоторою уже досадою ожидали моего возвращенія, и мы тотчасъ отправились далѣе.

Очень рано поутру на другой день, 28-го числа, причалили мы къ городу Кинешмѣ. Я лежалъ еще въ постели и довольствовался сквозь оконце моей каюты (бывшей Бетанкуровской) не вставая поглядѣть на шумный базаръ, находившійся на низкомъ берегу надъ самою пристанью. Сиі послѣдніе два дня нашего странствованія были откровенно пріятны; Волга продолжала быть оживляема и многочисленными судами, по ней плывущими, и картиной непрерывныхъ

веселыхъ селеній, по берегамъ ея расположенныхъ. Ночью проплыли мы мимо Балахны, и опять на этотъ городокъ не удалось мнѣ взглянуть. Наконецъ 29-го мая, когда раждающійся свѣтъ едва позволялъ различать предметы, мы были пробуждены гремячею пѣснію всѣхъ гребцовъ нашихъ. Между ими есть обычай, при входѣ въ Оку или въ которую-либо изъ большихъ рѣкъ въ Волгу впадающихъ, привѣтствовать ихъ громогласнымъ, веселымъ пѣніемъ. Не было возможности унять ихъ; мы принуждены были встать, одѣться и выйти на палубу. Тогда скоро на горѣ, въ тускломъ свѣтѣ, предсталъ намъ Новгородъ Низовскія земли. Мы пристали къ деревянному, двухэтажному, казенному дому, недавно на самомъ берегу построенному, въ которомъ жилъ Бетанкуръ, и тутъ только, дабы не разбудить [его, успѣлъ я заставить замолчать пѣвцовъ нашихъ.

ХІІІ.

Не буду описывать въ этой главѣ ни города, въ который мы пріѣхали, ни пребыванія моего въ немъ. Не прошло трехъ недѣль какъ мнѣ пришлось сдѣлать новую поѣздку. Четыреста верстъ, отдѣляющихъ Нижній-Новгородъ отъ Пензы, могутъ почитаться въ Россіи разстояніемъ неважнымъ, даже ничтожнымъ, когда оно отдѣляетъ нѣжнаго сына отъ страстной матери, не выдавшей его пять лѣтъ. По возвращеніи изъ сей поѣздки въ Нижній, я примусь за него.

Не предвидя какой вредъ по службѣ причинять мнѣ въ послѣдствіи кратковременная разлука съ Бетанкуромъ и свиданіе съ ней, моя бѣдная мать убѣдительно требовала меня къ себѣ. Начальникъ мой неохотно согласился на сію отлучку, однакоже далъ мнѣ своего курьера для сопровожденія меня во время пути и собственную почтовую коляску для совершенія его.

Я выѣхалъ 21-го іюня послѣ завтрака. Только сто верстъ до Арзамаса были незнакомою мнѣ дорогой; далѣе были все мѣста не разъ въ сихъ запискахъ упомянутыя. Рано поутру 23-го прибылъ я въ Пензу, но не нашелъ въ ней матери моей; мнѣ дали почтовыхъ лошадей, я отправился въ Лебедевку и тамъ встрѣтилъ ее, когда она выходила послѣ обѣдни изъ церкви Владимірскія Божія Матери, которой явленіе въ этотъ день празднуется также какъ и 26 августа. Кажет-

ся, первый разъ еще во вдовствѣ ощутила она полную радость. За недѣлю до меня пріѣхалъ братъ мой Павелъ, котораго не видѣла она семь лѣтъ; послѣ него сестра Алексѣева съ мужемъ, столько времени прожившіе за границей; потомъ два внука, сыновья ея, молоденькіе офицеры, только-что изъ Пажескаго корпуса выпущенные; наконецъ, мой пріѣздъ довершилъ ея благополучіе. Для выраженія его уже не было даже словъ; съ одного на другаго изъ насъ въ молчаніи переводила она глаза, исполненные слезъ благодарности къ небу. На семь фамильномъ сѣздѣ не доставало только одного члена семейства нашего, малолѣтняго сына покойнаго брата Николая Филипповича, который воспитывался въ Воронежѣ, у родныхъ своихъ Тулиновыхъ. Послѣ обѣда я поѣхалъ въ Симбухино поклониться могилѣ отца моего, воротился ночевать, а на другой день, 24-го іюня, мы всѣ вмѣстѣ переехали въ Пензу, гдѣ по сему случаю нанята была для насъ весьма большая, помѣстительная квартира.

Пенза изъ числа тѣхъ городовъ, которые въ спокойно дѣятельное царствованіе Екатерины, какъ бы изъ нѣдръ земли, подобно лапѣ или нефти, воспрянули, а потомъ остыли, окаменѣли и остались въ томъ видѣ, въ которомъ застала ихъ кончина ея. Черезъ двадцать, черезъ тридцать лѣтъ, кто бы ни пріѣхалъ въ Пензу, увидитъ ее точно въ томъ же видѣ, въ которомъ я нашелъ ее въ началѣ 1802 года. Въ продолженіе почти полувѣка только пять, много шесть каменныхъ зданій построены на мѣстахъ сломанныхъ, обветшалыхъ, но величиною имъ равныхъ домовъ. А между тѣмъ городъ довольно красивъ, но не имѣя ни обширной торговли, ни промышленности, и поддержанный единственно барскимъ житьемъ помѣщиковъ, онъ подняться не можетъ. Отчего же съ небольшимъ въ десять лѣтъ, послѣ открытія въ немъ губерніи, очъ такъ внезапно выросъ? Этотъ вопросъ можно сдѣлать также и въ отношеніи къ самой Москвѣ. Все, все, принадлежитъ въ ней къ вѣку Екатерины, который безъ преувеличенія былъ для Россіи вѣкомъ Перикла и Августа. Какимъ творческимъ могуществомъ была одарена эта женщина! Какъ бы отъ одного дыханія ея возникало у насъ все громадное, и все это безъ раззоренія народа, безъ отягощенія казны!

Главное вліяніе на общество въ губернскихъ городахъ имѣла нѣкогда губернаторы. Мы видѣли какъ легкомыслен-

ный князь Г. заставляя Пензу наряжаться и паясать, даже во время ужасовъ отечественной войны; болѣе для ея пользы онъ сдѣлать не умѣлъ. На его мѣсто пріѣхалъ Сперанскій. Этотъ цвѣтъ бюрократіи былъ въ Александровской лентѣ, сдѣдственно вельможа по прежнимъ понятіямъ, недавно управляя онъ государствомъ; къ такому человѣку невольное чувствуется уваженіе; оно ограждало его отъ скучныхъ, безпрестанныхъ посвщеній людей, ему вовсе неравныхъ по уму и знанію, хотя двери его были всегда на отперти, хотя всѣмъ былъ онъ доступенъ: такъ иные государи не имѣютъ нужды въ стражѣ, хранимы будучи народною любовью. Дѣйствительно, онъ казался Наполеономъ на островѣ Эльбѣ. Можетъ-быть, къ счастью, немногимъ дано понимать превосходство надъ собою необыкновенныхъ людей, постигать ихъ высоту; число ихъ завистниковъ и враговъ безъ того было бы слишкомъ велико. Одни звѣздочеты могутъ измѣрять небеса и съ точностію опредѣлять разстояніе солнца отъ земли, или по крайней мѣрѣ люди имѣющіе нѣкоторое понятіе объ астрономіи. Кому въ Пензѣ было оцѣнить великія свойства Сперанскаго и всѣ его недостатки? Закатившееся туда солнце, сверхъ того, всегда подернуто было облакомъ задумчивости и тѣмъ еще болѣе скрывало свой блескъ. Его тихій, привѣтливый голосъ и печальный взглядъ до того обезоружили жителей, что они прощали ему явное невниманіе его къ ихъ дѣламъ. Онъ брезгалъ своею должностію, когда бы ему слѣдовало поднять ее до себя: мнѣ кажется, такъ было бы лучше. Подобно Наполеону, онъ не могъ съ своей Эльбы мигомъ шагнуть въ Петербургъ. Ему нужно было пять лѣтъ и то черезъ Сибирь, куда въ началѣ этого 1819 года назначень былъ онъ генералъ-губернаторомъ, чтобы воротиться въ него, только уже не на прежнее могущество.

На его мѣсто назначень былъ находившійся также въ немилости другъ его, Федоръ Петровичъ Лубяновскій, который и прибылъ въ Пензу мѣсяца за полтора до пріѣзда моего въ нее. Онъ никогда такъ высоко не поднимался какъ Сперанскій, былъ неодинаковаго съ нимъ характера, только участь ихъ во многомъ имѣла сходство. Также какъ тотъ, онъ происходилъ изъ духовнаго званія. Отецъ его, протоіерей Петръ, говорили, принадлежалъ къ малороссійскому дворянству; но я повторю вопросъ: до Екатерины существовало ли малороссійское дворян-

ство? Были богатые и небогатые владѣльцы, чиновные и нечиновные, и наконецъ, простые казаки. Родственникъ его, да полно не родной ли дядя, Захаръ Яковлевичъ Коряевъ, весьма умный человекъ, въ послѣдствіи сенаторъ, открылъ ему дорогу по службѣ. Будучи въ тѣсной связи съ мартинистами, онъ поручилъ его милостямъ фельдмаршала Репнина, великаго ихъ покровителя. Послѣдній записалъ его сперва въ Измайловскій полкъ, а потомъ взялъ къ себѣ адъютантомъ. Сначала при Павлѣ князь Репнинъ былъ честимъ, но вскорѣ потомъ попалъ въ немилость и принужденъ былъ оставить службу со всеми своими адъютантами. Онъ сохранилъ однакоже довольно кредита, чтобы внуку своему (что тогда было весьма трудно) выпросить дозволеніе ѣхать за границу: съ нимъ и Лубяновскій путешествовалъ по Германіи и Италиі. Дабы сколько-нибудь умножить благосостояніе свое, онъ съ пользою для себя употребилъ свободное время, сталъ переводить довольно изряднымъ русскимъ языкомъ тогдашнихъ нѣмецкихъ мечтателей, Юнга Штиллинга, Сведенборга и, между прочимъ, *Тоску по отчизнѣ*. По возвращеніи, молодой Репнинъ женился на Разумовской, двоюродной сестрѣ графини Кочубей, жены министра. По всемъ симъ украинскимъ связямъ, Лубяновскій, въ чинѣ коллежскаго ассессора, попалъ къ послѣднему въ секретари. Должность эта была важная, ибо министры тогда не имѣли не только директоровъ, но даже и правителей канцеляріи. Тогда Лубяновскій позналъ истинное призваніе свое: онъ не рожденъ былъ ни богословомъ, ни сектаторомъ, ни литераторомъ, а весьма искуснымъ администраторомъ и судьей.

Онъ такъ быстро поднялся, и такъ много прославился, что уже въ 1809 году самъ государь избралъ его руководителемъ молодого принца Ольденбургскаго по правительственной части. Онъ былъ пожалованъ статсъ-секретаремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ директоромъ департамента путей сообщенія. Въ Твери съ Болотниковымъ раздѣлили они между собою власть. Одинъ забралъ къ себѣ въ руки часть придворную, а другой началъ почитать себя главнымъ директоромъ путей сообщенія и генераль-губернаторомъ трехъ губерній. Неудовольствіе великой княгини Екатерины Павловны было причиною удаленія Лубяновскаго отъ службы, и только черезъ четыре мѣсяца послѣ ея кончины онъ былъ назначенъ въ Пензу губернаторомъ.

Я нашелъ его посреди первоначальнаго любезничанья съ

помѣщиками. Почитая себя тутъ болѣе оспѣдымъ чѣмъ Сперанскій, онъ замышлялъ слѣдовать совсѣмъ иной системѣ и стараться исправлять всѣ упущенія, слѣданныя въ управленіе его и князя Г. Онъ началъ жить довольно роскошно и открыто, чему много способствовало большое состояніе Александры Яковлевны, дочери генераль-майора Якова Даниловича Мерлина, на которой успѣлъ онъ жениться еще до отставки своей. Новый губернаторъ казался совершенно доволенъ, ибо могъ говорить высокопарно, обильно и протяжно, вездѣ встрѣчая молчаливыхъ и покорныхъ слушателей. Это происходило не отъ уваженія, не отъ страха, а оттого что предметы, коихъ онъ касался, хотя довольно обыкновенные, выходили однакоже изъ круга понятій большей части тогдашнихъ дворянъ, кои преимущественно занимались сельскимъ хозяйствомъ, псовой охотой и внутренними политическими пензенскими извѣстіями. Только дурачества, ребячества, какъ было при князѣ Г., слѣдовъ не осталось. Вообще Пенза находилась между пріятнымъ воспоминаніемъ о Сперанскомъ и еще пріятнѣйшими ожиданіями отъ Лубяновскаго: все сулило ей блаженные дни, и если они не пришли, не знаю кого въ томъ винить.

На все чтò живо напоминаетъ намъ бывшее мы смотримъ съ удовольствіемъ; я нашелъ ту же ярмарку, которую зналъ лѣтъ около двадцати, тотъ же воксаль въ Горихвостовомъ саду, тѣ же изъ лубковъ сколоченныя грязныя лавки на нижнемъ базарѣ, встрѣтилъ нѣсколько добрыхъ, давно знакомыхъ мнѣ людей, посѣтилъ ихъ, а не могъ имъ ихъ, какъ лѣтъ двадцать спустя пришлось мнѣ сіе сдѣлать. Наружный видъ добраго согласія и спокойствія, который царствовалъ въ это время, и атмосфера упитанная радостію, которою дышалъ я посреди многочисленнаго тогда семейства моего, дѣлали пребываніе мое въ Пензѣ столь необычайно пріятнымъ, что мнѣ желательно было продлить его по крайней мѣрѣ еще на мѣсяць. Но я опасался огорчить и разсердить начальника моего, и долженъ былъ 5 іюля оставить сей городъ, получивъ отъ родительницы моей обѣщаніе пріѣхать дней черезъ десять со всѣмъ семействомъ навѣстить меня и посмотреть на Нижегородскую ярмарку.

XIV.

По возвращеніи въ Нижній-Новгородъ, я нашелъ Бетанкура не слишкомъ опечаленнымъ моимъ отсутствіемъ. При отъѣздѣ я сдалъ дѣла свои Ранду. Они не имѣли великой важности, ибо касались единственно ярмарочнаго строенія, а также раздачи лавокъ во временномъ деревянномъ гостинномъ дворѣ, которая, не знаю почему, отдана была въ наше распоряженіе. Будучи мастеромъ докладывать, Рандъ замѣтилъ, сверхъ того, что если главное управленіе путей сообщенія почиталъ тогда Бетанкуръ великою для себя тягостью, за то ярмарка была любимою его забавою, его игрушкой, посредствомъ которой онъ можетъ болѣе войти въ его довѣренность. Онъ даже всепокорнѣе предлагалъ мнѣ не столь усердно заниматься такою пустою частью, а болѣе употреблять его на то. Я однакожь отказался отъ его сотрудничества, ибо безъ того что бы оставалось мнѣ дѣлать?

Прямо противъ казеннаго дома, подъ горою, въ которомъ мы жили все вмѣстѣ, наведенъ былъ длинный мостъ черезъ Оку, по которому ѣздили на ярмарку. Правая сторона плоскаго мѣста, къ которому велъ онъ, занята была временными деревянными лавками и балаганами; на лѣвой сторонѣ кипѣли тысячи работающаго народа, и быстро поднималась огромная насыпь, недоступная волнамъ двухъ великихъ рѣкъ во время ихъ разлива. Важность этой операціи доказывается великимъ числомъ инженерныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, въ Нижній по сему дѣлу нагнанныхъ.

Подполковникъ, баронъ Андрей Карловичъ Боде, не занимался производствомъ работъ: ему поручена была постройка, починка деревянныхъ лавокъ и размѣщеніе въ нихъ торговцевъ. Сестра его, нѣкогда красавица, была въ замужствѣ за испанскимъ консуломъ Коломби, и великая пріятельница съ семействомъ Бетанкура, отчего и онъ сблизился съ главою этого семейства и изъ артиллеріи перешелъ недавно въ вѣдомство путей сообщенія. Боде былъ женатъ на дочери уже умершаго лейбъ-медика барона Моренгейма и сестрѣ извѣстнаго дипломата сего имени. Теща и свояченица-

дѣва жили съ нимъ тутъ вмѣстѣ, и домъ его, съ утра до вечера открытый всей нашей Бетанкурщинѣ, среди доярмачнаго безлюдья, подобно нѣкимъ заграничнымъ клубамъ, назвался я ресурсомъ.

Другой подполковникъ, Испанецъ Бауса, слегка либералъ недовольный Фердинандомъ VII, и въ которомъ кастильская гордость болѣе походила на нѣмецкую чопорность, другомъ своимъ Бетанкуромъ, года за два передъ тѣмъ, былъ выписанъ изъ Парижа. Онъ начальствовалъ надъ другими интересами, завѣдывалъ всѣми работами, и сколько я могъ понимать, дѣло свое смыслилъ.

Того нельзя было сказать о двухъ другихъ Испанцахъ, В. и Э., также недовольныхъ какъ Бауса, и во время заграничной поѣздки моей, подъ его покровительство изъ Парижа прибывшихъ въ Петербургъ. Я удивился, наряду ихъ, когда увидѣлъ его. Онъ состоялъ изъ весьма поношенныхъ фрака, гороховаго или кирпичнаго цвѣта, стараго покроя, и голубыхъ панталонъ съ ботфортами. Почти вслѣдъ за ними прѣѣхавъ изъ города, въ которомъ за дешевую цѣну можно было довольно щеголевато нарядиться, я долженъ былъ заключить, что они въ немъ претерпѣвали крайнюю нищету. Вѣроятно, многіе изъ нихъ находились въ одинаковомъ съ ними положеніи оставивъ отечество. Оно же въ это время уже лишилось и Мексики и Перу, и для сыновъ его Россія, Бетанкуромъ вновь открытая страна, могла нѣкоторымъ образомъ замѣнить ихъ. Мнѣ казалось, что инженерную науку едва ли они болѣе меня знаютъ; все равно какъ великихъ искусниковъ безъ экзамена ихъ приняли въ службу, перваго капитаномъ, послѣдняго поручикомъ, и отправили въ Нижній-Новгородъ.

Они были ребята добрые, смиренные, безъ претензій; В.—маленькій, толстенькій, съ небольшимъ ястребинымъ, а Э.—маленькій, худенькій, съ большимъ орлинымъ носомъ. Оба они напоминали собой героевъ Сервантеса, одинъ Санхо-Пансу, другой Донъ-Кихота. Черезъ три мѣсяца тутъ нашелъ я ихъ не только переряженными, даже перерожденными. Оливковый цвѣтъ лица ихъ какъ будто выяснился, они смотрѣли весело, въ мундирахъ, были одѣты всегда съ иголочки, ѣли лихихъ лошадей и славныя дрожки, часто давали у себя завтраки и находили, что Нижній—Эльдорадо.

Тутъ находился еще молодой поручикъ Петръ Давидовичъ

Г—нъ, меньшей братъ члена строительнаго комитета и служащаго въ немъ подъ моимъ начальствомъ чиновника. Про него точно можно было сказать, что водой не замутишь: тише человека я не знавалъ. Въ разнообразіи своемъ природа создаетъ людей, наружностью и характеромъ болѣе или менѣе похожихъ на всякаго рода животныхъ; между ними встрѣчаются и горлицы и тигры. Въ Г—нѣ еще болѣе видна была прихоть природы; она образецъ нашла ему между растеніями, она сотворила его плющомъ. Всякій прямой напальникъ дѣлался для него необходимымъ деревомъ. Онъ совершенно прилѣпился, привился къ Баусѣ: когда смерть повалила сей небольшой испанскій кедръ, не знаю около какого русскаго дуба обвился онъ?

Между семи иностранцами можно было, наконецъ, найти и одного Русскаго. И какого же еще? Я люблю употреблять старинныя наши поговорки, по мнѣнію моему, чрезвычайно выразительныя; и потому двадцатилѣтняго капитана Алексѣя Ивановича Рокасовскаго назову въ семь случаевъ отлетнымъ сободемъ. Одна необычайная его скромность и ославленное самолюбіе его товарищей могли не дать имъ почувствовать великаго превосходства его передъ ними. Отецъ его, отставной Екатерининскій полковникъ, старался дать ему съ братомъ Платономъ самое лучшее образованіе и совершенно успѣлъ въ томъ. Станъ былъ у него самый стройный, лицо, безъ настоящей красоты, самое миловидное, всѣ движенія благородныя, а внутреннія достоинства его превосходили еще сіи наружныя преимущества. Познанія свои выказывалъ онъ въ дѣлахъ, а не на словахъ, былъ дѣятельнъ, безъ суетливости, и остороженъ, благоразуменъ, безъ малѣйшей хитрости. Оттого-то былъ онъ терпимъ всеми иностранцами и любимъ всеми Русскими. Судьба будетъ весьма несправедлива, думалъ я, если когда-нибудь этого юношу не поставитъ на высокую степень: спасибо ей, она исполнила мои желанія.

Мнѣ нужно было напередъ представить общество людей, съ которыми почти каждый день я вмѣствѣ долженъ былъ обѣдать, и которыхъ по нѣскольку разъ въ день я видѣлъ.

Съ городскими жителями мы имѣли мало сношеній, исключая одного, именно гражданскаго губернатора, Александра Семеновича Крюкова, женатаго на бѣдной Англичанкѣ. Госпожа Бетанкуръ, также Англичанка, въ 1818 году постыгивъ Нижній, познакомилась и сблизилась съ сею единосемкою, же-

ной вице-губернатора. А какъ въ этомъ же году вышли большія неприятели у губернатора съ ея мужемъ, то вслѣдствіе ихъ первый былъ отставленъ, и по ходатайству послѣдняго Крюковъ назначенъ былъ губернаторомъ. Устрашенный примѣромъ своего предшественника и обязанный новою должностію своею Бетанкуру, г. Крюковъ, и безъ того слишкомъ мягкокранный, совсѣмъ отдалъ себя ему въ кабалу. Онъ казался чиновникомъ, принадлежащимъ къ его свитѣ, и со всѣми нами, особенно со мною, былъ не только ласковъ, даже угодливъ. А меня это возмущало: я видѣлъ въ этомъ совершенный упадокъ губернаторскаго званія, которое, вспоминая отца моего, я такъ высоко цѣнилъ.

Мы часто его посѣщали: домъ его вмѣстѣ съ нашимъ и съ домомъ барона Боде составлялъ какъ бы одинъ. За неимѣніемъ казеннаго губернаторскаго дома жилъ онъ въ собственномъ весьма изрядномъ и довольно пестро украшенномъ. Лучшимъ украшеніемъ онаго служила единственная дочь его, очень молодая, но уже замужняя, княгиня Надежда Александровна Черкасская. Она еще болѣе походила на Англичанку чѣмъ мать. Пусть заглянуть въ лучшій англійскій кипсекъ и выберутъ прелестнѣйшее изъ женскихъ лицъ, съ нимъ только можно сравнить красоту ея въ восемнадцать лѣтъ. Начиная отъ шестидесяти-пяти-лѣтняго Бетанкура до четырнадцати-лѣтняго сына его, Альфонса, мы всѣ были влюблены въ его княгиню. Она же смотрѣла такъ невинно и благосклонно вмѣстѣ, что не любить ее было столь же невозможно какъ ревновать или подозрѣвать въ чемъ-нибудь.

Еще былъ одинъ человекъ, который прилепился къ нашему обществу: это былъ полицеймейстеръ. Будучи офицеромъ гвардіи въ Преображенскомъ полку, онъ находился въ Аустерлицкомъ сраженіи. Въ этотъ ужасный день онъ такъ много набрался страху, что по возвращеніи изъ похода, поспѣшилъ оставить военную службу. Не знаю, замѣчено ли это было, заставили ли его выйти, только послѣ того долго и по гражданской части опредѣлить его не хотѣли. Ему удалось по выборамъ попасть въ исправники,—должность, которою отставные офицеры гвардіи тогда брезгали. Зная дѣятельность его, Крюковъ черезъ Бетанкура выпросилъ ему должность, на которой я его нашелъ. Человекъ онъ былъ замѣчательный: нужнымъ людямъ дѣлаться нужнымъ, вотъ было

его правило. Какъ искусно умѣлъ онъ навязывать всякаго рода услуги тѣмъ, въ коихъ искалъ! Какъ былъ онъ согбенъ передъ высшими! Какъ лицо его безъ словъ всегда говорило имъ: что прикажете! Какъ дерзокъ и нестерпимъ съ тѣми, кои въ немъ имѣли нужду! Увѣряютъ, что послѣ того, по прїѣздѣ въ Нижній всякаго сильнаго при дворѣ челоуѣка, что-нибудь загоралось въ этомъ городѣ и напередъ приготовленными къ тому средствами тотчасъ потухало, а онъ, вымаранный сажей, какъ бы изъ огня, спѣшилъ явиться къ вельможѣ, чтобъ успокоить его.

Среди сего малаго круга жилъ я до половины іюля. Городъ былъ весьма немногочуденъ; въ немъ оставались одни только должностныя лица; помѣщики же разѣхались по деревнямъ и вмѣстѣ съ толпами иногородныхъ только къ началу ярмарки должны были прїѣхать: слѣдственно, мнѣ никакого почти не было случая съ ними познакомиться. Ярмарка была открыта съ барабаннымъ боемъ, 15-го іюля, но никого почти еще не было, и купцы только-что начинали раскладывать свои товары. Прежде, бывало, она оканчивалась 25-го числа, въ день Св. Макарія, а съ перенесеніемъ ея въ Нижній Новгородъ, каждый годъ опаздываютъ съ ея открытіемъ, такъ что 25-го іюля она едва начинается, а торгъ продолжается весь августъ.

Родные мои сдержали слово. Покойная мать съ братомъ моимъ, съ двумя сестрами и съ зятемъ, Ильей Ивановичемъ Алексѣевымъ, прїѣхали въ Нижній-Новгородъ 17-го числа, наканунѣ дня рожденія его и за три дня до его именинъ, отпраздновать ихъ со мною и нѣсколько дней потомъ погостить у меня. Я нанялъ имъ квартиру въ верхней части города, въ домѣ Поляка Зарембы, не знаю какъ тутъ поселившагося, и первые дни безотлучно проводилъ съ ними, такъ что не замѣтилъ какъ ярмарочная площадь вдругъ наводнилась тысячами простаго народа на нее нахлынувшего.

Сдѣлать подробное описаніе этой знаменитой ярмарки считаю здѣсь ненужнымъ, да и невозможнымъ, ибо изъ бумагъ о семъ предметѣ, бывшихъ у меня въ рукахъ, не сохранилъ я ни одной. Въ изданной о томъ книгѣ г. Зубовымъ видно, что работы, производившіяся пять лѣтъ, стоили казнѣ одиннадцать милліоновъ ассигнаціями, тогда какъ, сколько, я припомню, въ смѣтѣ и трехъ не было показано. Изъ этой же книги видно, что каменный гостиный дворъ

заклучаетъ въ себѣ 2.520 лавокъ, но сколько получаетъ сбора, того, къ сожалѣнію, не сказано, а желательно бы знать, выручаетъ ли казна хотя шесть процентовъ съ издержаннаго ею капитала? Въ мое время, если не ошибаюсь, съ деревянныхъ лавокъ получалось было не съ большимъ сто тысячъ рублей ассигнаціями.

Маленькій городъ, съ маленькимъ дворцомъ, съ храмами православнымъ и иновѣрными, въ которомъ полтора мѣсяца кишеть до двухъ сотъ тысячъ прїѣзжихъ и прїшедшихъ, не удалось мнѣ видѣть, а только возвышеніе грунта для его построенія. Что же касается до временной ярмарки, я находилъ, что, въ самомъ большомъ размѣрѣ, она походитъ на Пензенскую. Также изъ досокъ сколоченные ряды, только въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи прочныя строенія, театръ, трактиры, бани. Тамъ только во всякое время дозволено было разводить огонь. Не знаю почему одинъ купецъ Колесовъ середь ярмарки пользовался тою же привилегіей. У него, говорили, была молодая жена, которую онъ ко всемъ ревновалъ, съ которою не хотѣлъ разлучаться и для того, за большія деньги, выпросилъ себѣ право построить хотя временное, но прочное помѣщеніе. Онъ былъ царемъ китайской у насъ торговли, черезъ его руки проходилъ весь чай, который распивается въ Россіи, и однѣхъ пошлинь, говорили, платилъ онъ болѣе ста тысячъ рублей ассигнаціями. Такому человѣку снисходительность оказать можно было. Невидимая часть ярмарки была самая важнѣйшая: оптовая продажа и вообще всѣ большія торговыя сдѣлки, которыя, за немѣніемъ биржи, совершались на домахъ.

Я упомянулъ о временномъ ярмарочномъ театрѣ: былъ еще въ городѣ другой, деревянный, постоянный. Надобно знать, что въ царствованіе Екатерины, когда Русскіе бѣгомъ бѣжали на встрѣчу къ просвѣщенію, они воспринимали преимущественно какъ народъ молодой всѣ новыя забавы, которыя представлялъ имъ Западъ: оттого-то такъ много расплодилось домашнихъ оркестровъ и труппъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ обыкновенно одинъ помѣщикъ-забавникъ, или, лучше сказать, забавитель публики. Въ одной Пензѣ, какъ видѣли, было ихъ нѣкогда трое. Сего мало: почти въ каждой губерніи былъ еще одинъ помѣщикъ-тиранъ, обыкновенно человѣкъ богатый, а иногда знатный и чиновный. Безотвѣтные крестьяне и дворяне не имѣли никакихъ

причинъ на нихъ жаловаться: за то горе сосѣдямъ, не только мелкопомѣстнымъ, но даже зажиточнымъ дворянамъ, когда они отказывались исполнять ихъ прихоти. Первыхъ они дарили, посажденныхъ часто угощали у себя грубо-роскошною трапезой. Но коль скоро произойдутъ какія-нибудь несогласія, возбудится въ нихъ досада, они не удовольствуются одними обыкновенными неприяностями: погравой полей, порубкой лѣса, они посягали на ихъ личность, съ ватагой врывались въ ихъ селенія, съ тѣмъ чтобъ иногда предавать ихъ тѣлесному наказанію. Непонятно, какъ такое жестокое самоуправіе могло быть терпимо. Для такой нравственной силы одного богатства было бы недостаточно, нужны были смѣлость и великая твердость воли. За то эти люди всѣмъ располагали на выборахъ, исправники трепетали предъ ними, и сами губернаторы старались обходиться съ ними осторожно.

Учредителемъ Нижегородскаго театра былъ меньшой братъ богатаго въ Москвѣ князя, Бориса Григорьевича Шаховскаго, бѣдный князь Николай Григорьевичъ. Оба одержимы были сильною сценоманіей, но старшій имѣлъ актеровъ для своей забавы, а меньшой для прибыли. Странно видѣть человека, когда онъ берется совсѣмъ не за свое дѣло: этотъ Шаховской не имѣлъ никакого понятія ни о музыкѣ, ни о драматическомъ искусствѣ, а между тѣмъ ужаснымъ образомъ законодательствовалъ въ своемъ закулисномъ царствѣ. Все что ему казалось нѣсколько неприличнымъ или двусмысленнымъ онъ безпощадно выкидывалъ изъ піесъ; въ труппѣ своей вводилъ монастырскую дисциплину, требовалъ величайшей благопристойности на сценѣ, такъ чтобъ актеръ во время игры никогда не могъ коснуться актрисы, находился бы всегда отъ нея не менѣе какъ на аршинѣ, и когда она должна была падать въ обморокъ, только примѣрно поддерживалъ ее. Послѣ того можно себя представить какъ движенія ихъ были свободны и ловки. Я не имѣлъ довольно пристрастія къ Пензѣ, чтобъ актеровъ ея предпочесть нижегородскимъ, однакожь, и этимъ передъ тѣми преимуществами дать не могу: вообще, трудно мнѣ рѣшить, которые изъ нихъ были хуже. Вотъ еще одна странность Шаховскаго: онъ находилъ (вѣроятно, изъ экономическихъ видовъ), что сцена производитъ гораздо болѣе эффекта, когда она одна только освѣщена, а всѣ другія части театра погружены во

тѣмъ. Оттого-то въ партерѣ можно было играть въ жмурки, а въ ложахъ, чтобы разсмотрѣть другъ друга въ лицо, каждый привозилъ съ собою кто восковую, кто сальную свѣчку, а иные даже лампы. Онъ къ намъ былъ чрезвычайно милостивъ, далъ Бетанкуру даромъ ложу и поднесъ билетъ на всѣ лѣтнія представленія; только къ этой щедротѣ хотя бы огарокъ прибавилъ. И этотъ другъ Талии и Момуса былъ молчаливый, мрачный и невзрачный старичокъ. У него была жена гораздо моложе его, отменно добрая, да три подрастающихъ дочери.

Сверхъ того, въ самомъ городѣ была еще зала, не весьма огромная и не весьма красивая, въ которой собирались дворяне выбирать другъ друга въ должности, а зимою играть въ карты и танцовать. Я видѣлъ ее еще до ярмарки, когда дворянство давало Бетанкуру балъ. Постояннымъ старшиной этого собранія былъ тотъ же самый печальный Шаховской, слѣдственно, — источникомъ всѣхъ городскихъ увеселеній.

Я представилъ веселую, забавную (хотя не слишкомъ) сторону тогдашняго нижегородскаго житья, а затѣмъ вотъ и ужасная. Всеповелительнымъ деспотомъ съ давнихъ поръ проживалъ въ сей губерніи сынъ одного Грузинскаго царевича, князь Егоръ Александровичъ. Царскаго происхожденія, съ полуденною кровью, съ пылкими страстями, съ крутымъ нравомъ, князь Грузинскій точно княжилъ въ богатомъ и обширномъ селеніи своемъ, Лысковѣ, на берегу Волги, насупротивъ маленькаго города Макарьева. Всѣ пріѣзжіе, покупатели и торгующіе, находя въ Лысковѣ гораздо болѣе удобствъ и простора, нанимали тутъ квартиры во время ярмарки, и это время для Грузинскаго было самое блистательное и прибыльное въ году, такъ что съ каждымъ годомъ, казалось, сила его умножается. Переведеніе этого огромнаго торжца въ Нижній-Новгородъ нанесло первый, но рѣшительный ударъ его могуществу. Я не нашелъ его столь страшнымъ, хотя показалось мнѣ, что глаза его выражаютъ еще утихающую бурю. Видно къ пріѣзжимъ былъ онъ милостивѣе, ибо я не могу нахвалиться его пріемомъ, когда у него обѣдалъ. Онъ былъ въ это время вдовъ: жена его скончалась во цвѣтѣ лѣтъ, замученная столько же частыми изъявленіями его бѣшеной любви какъ и порывами его неукротимаго гнѣва, и оставила ему сына и дочь. Сынъ, офицеръ гвардіи, умеръ еще въ молодости, а единственная,

прелестная тогда дочь его, убѣгала общества, и вопреки обычаемъ другихъ красавицъ, столь же тщательно скрывала красоту свою какъ тѣ ее любятъ показывать. Въ послѣдствіи она была замужемъ за однимъ весьма мнѣ знакомымъ графомъ.

Сначала только, по пріѣздѣ моихъ родныхъ, могъ я нѣсколько дней провести съ ними вмѣстѣ. Вскорѣ цѣлыми гурьбами привалили Пензенцы, Саратовцы и помѣщики другихъ сосѣднихъ губерній. Между ними было много знакомыхъ, частыхъ посѣтителей; я тоже долженъ былъ воротиться къ умножившимся занятіямъ моимъ: итакъ, будучи развлечены, мы были почти разлучены. Все зашумѣло, все задвигалось въ городѣ: я говорю, въ самомъ городѣ, ибо только въ верхней части его можно было найти помѣщеніе. Кунавинская слобода, примыкающая къ ярмарочной площади, состояла тогда вся изъ хижинъ; кой-гдѣ начинали однакоже подниматься въ ней хорошія строенія. Долго послѣ того порядочные люди не рѣшались въ ней жить; она почиталась мѣстомъ развратныхъ увеселеній.

Кстати, о пріисканіи помѣщеній, въ разказѣ моемъ я не долженъ пропустить одинъ случай, который показываетъ излишнюю снисходительность Русскихъ къ иностранцамъ и оттого ихъ наглость съ ними; въ числѣ пріѣзжихъ находился одинъ туристъ, самый простой джентльменъ, даже съ весьма ледащею наружностію. Въ дорожномъ платьѣ явился онъ прямо къ Бетанкуру съ письмомъ отъ кого-то и съ требованіемъ, чтобъ ему отыскана была квартира. Начальникъ мой былъ великій энтузіастъ всего британскаго, былъ колѣнопреклоненъ передъ отчизной механики и жены своей. Онъ немного затруднился; тогда Англичанинъ, указывая на меня, сказалъ: да велите вотъ ему. „И подлинно, сказалъ Бетанкуръ, не возьмете ли на себя?“ Молча взглянулъ я на него, онъ понявъ нѣмой, исполненный негодованія отвѣтъ мой и прибавилъ: „Или лучше прикажите кому-нибудь этимъ заняться.“ „Я поручу этого господина попеченіямъ курьера вашего превосходительства,“ сказалъ я, а курьеру наказалъ спроводить его въ Кунавинскую слободу.

Видно онъ былъ не слишкомъ важная фигура, потому что ни Бетанкуръ, ни губернаторъ ни разу не пригласили его къ себѣ, и никто не взялъ труда узнать какъ онъ прозывается. Наконецъ, онъ явился въ собраніи на балѣ, въ

странномъ фракѣ съ длинными фалдами, съ огромною лысиной и съ маленькимъ лорнетомъ на шнуркѣ, въ правый глазъ вставленнымъ, что показалось великою новостію. Онъ остановился посреди залы, вынулъ изъ кармана записную книжку и карандашъ, а потомъ, окидывая взорами общество; сталъ что-то записывать или рисовать. Иные смотрѣли съ уваженіемъ и любопытствомъ на оригинальность, которую всякій подданный великой морской державы, лишь бы не совѣмъ принадлежалъ къ простонародію, обязанъ на себя накладывать; другіе находили это не совѣмъ приличнымъ; я одинъ чувствовалъ сильное негодованіе. Но тутъ случился одинъ молодой человѣкъ, который воскипѣлъ гнѣвомъ. Онъ принадлежалъ къ одной небогатой вѣтви Нарышкиныхъ, въ Нижегородской губерніи поселившейся; звали его Петръ Александровичъ. Кромѣ фамильнаго имени въ немъ не было ничего блестящаго, онъ былъ простой русскій человѣкъ, дорожилъ народною честію и тѣмъ самымъ казался отпадшимъ членомъ отъ знатныхъ родовъ. Онъ съ видомъ ярости подошелъ къ Британцу, и опустивъ голосъ, молвилъ ему нѣчто, вѣроятно, весьма энергическое. Тотъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, весьма хладнокровно положилъ книжку въ карманъ и скрылся въ толпѣ. И послѣ того этотъ же неучъ будетъ обвинять сѣверныхъ варваровъ въ негостепріимствѣ: попытался бы какой-нибудь Русскій сдѣлать то же самое въ Англіи!

Уставъ отъ шума, мать моя начинала собираться въ обратный путь. Изъ знакомыхъ въ Нижнемъ, ею найденныхъ, чаще всѣхъ она видѣла двухъ духовныхъ особъ. Первый былъ епархіальный архіерей Моисей, прежде бывшій епископомъ въ Пензѣ. Онъ былъ добръ, весель, еще не старъ и въ церкви весьма краснорѣчиво и назидательно проповѣдывалъ. Другая особа была двоюродная сестра ея, нѣкогда вдова, Дарья Михайловна Новикова; урожденная Мартынова, сестра чудака Федора Михайловича и Натальи Михайловны Загоскиныхъ, коихъ прошу не забывать. Тогда она была настоятельницей женскаго монастыря, во икоцѣхъ Дороея. Она одарена была умомъ необыкновеннымъ, характеромъ гибкимъ и твердымъ, предприимчивымъ и терпѣливымъ, и умѣла сдѣлать честолобіе со смиреніемъ. Послѣ малочиннаго и не весьма любимаго мужа оставшись съ тремя дѣтьми въ недостаточномъ положеніи, ей было душно въ провинціальномъ свѣтѣ, гдѣ никто не понималъ ее, и гдѣ презирали ея бѣдностію. Но про-

стою монахиней она долго оставаться не могла; она въ пензенскомъ же монастырѣ составила особливую общину; самыя несогласія ея съ другими инокинями обратили на нее вниманіе начальства, и вскорѣ потому она была назначена игуменьей нижегородскаго монастыря. Въ немъ она была совершенною царицей, когда половина Москвы бѣжала отъ непріятеля въ Нижній. Всѣ барыни, и между ими весьма знатныя, искали ея знакомства, и она всѣхъ надѣляла христіанскими утѣшеніями. Съ этого времени она вошла въ связи съ обѣими столицами и сдѣлалась великимъ авторитетомъ, на который сами архіереи смотрѣли съ уваженіемъ и не безъ страха.

Съ 1-го августа по 6-е, то-есть отъ перваго Спаса по второй, была ярмарка, какъ говорили, въ самомъ разгарѣ; куда ни поѣдешь, въ ряды ли, по городу ли, вездѣ скачка, вездѣ шумагоха. Роскошнымъ обѣдамъ также конца не было у губернатора, у князя Грузинскаго, а изъ пріѣзжихъ—у богача-генерала Дмитрія Дмитріевича Шепелева, да у пензенскихъ Хруцовыхъ, и еще у нѣкоторыхъ другихъ. О скучныхъ театрѣ и балахъ въ благородномъ собраніи уже не говорю. Для меня величайшимъ удовольствіемъ было ходить между простыми торговцами, прислушиваться къ ихъ толкамъ, дивиться торговой оборотливости русскихъ людей. Это дѣлалъ я почти всякій разъ когда не былъ съ своими. Для нихъ скоро пришелъ день отъѣзда. Отслушавъ въ день Преображенія обѣдню въ старинномъ соборѣ, въ которомъ находились могилы князей и Минина, и который послѣ, по ветхости, должны были разобрать, мать моя съ семействомъ отправилась домой. Отъѣздъ ея былъ какъ будто сигналомъ и для другихъ. Однакоже не всѣ тронулись вдругъ; отливъ совершился постепенно. Только черезъ нѣсколько дней и Бегакуръ, къ удовольствію моему, началъ поговаривать о Петербургѣ, и даже 1-е сентября назначилъ послѣднимъ срокомъ для отбытія нашего. Мнѣ же судьба не велѣла такъ скоро расстаться съ Нижнимъ, какъ увидимъ далѣе.

XV.

Лѣченіе мое парижское, не сопровождаемое должнымъ воздержаніемъ, оставило во мнѣ жестокіе слѣды. Весь физическій составъ мой былъ потрясенъ, и хотя боли, ломота совершенно прекратились, я чувствовалъ изнеможеніе силъ тѣ-

лесныхъ и умственныхъ. Другіе можетъ-быть не замѣчали се-го, да я и самъ старался обманывать себя на этотъ счетъ и боролся съ возрастающими недугами. Примѣтно исчезала во мнѣ дѣятельность и овладѣвала мною тягостная лѣнь.

Лѣто стояло самое мудреное: несносные жары безпрестанно смѣняли сырую, холодную погоду и были ею смѣняемы; поле, на которомъ выстроены ряды, на которомъ толпились десятки тысячъ народа, было то чрезмѣрно увлажяемо проливными дождями, то отъ сильныхъ солнечныхъ лучей издавало зловредныя испаренія, и уже начинали показываться заразительныя болѣзни. Можетъ-быть и это имѣло вліяніе на мое здоровье. Вдругъ безъ всякой причины одолѣла меня тоска неизъяснимая, ко всѣму получилъ я отвращеніе, и все возвѣщало мнѣ, что со мною случится что-нибудь необыкновенное.

Такъ прошло нѣсколько дней, когда, наконецъ, въ воскресенье, 17 августа, вставъ отъ обѣденнаго стола, за которымъ я ни до чего не касался, мнѣ пришла охота куда-нибудь бѣжать. Я пошелъ на ярмарку; тамъ большая часть лавокъ была заперта, въ другихъ поспѣшно укладывались, воздухъ былъ теплый, но небо мрачное, и все, казалось, уныло. Во мнѣ родилось такое отчаянье, что, проходя по мосту, я готовъ былъ броситься въ Оку. Меня внезапно охватило холодомъ, я бѣгомъ побѣжалъ домой, и хотя скоро легъ въ постель, однако нѣсколько часовъ не могъ избавиться отъ озноба.

На другое утро, послѣ безпокойнаго сна, при необычайной слабости, чувствуя несносный жаръ и холодъ вмѣстѣ, началъ я вставать съ постели и надѣвалъ сапоги, когда нечаянно вошелъ ко мнѣ Маничаровъ. Онъ попытался отъ ужаса: такъ въ одну ночь лицо мое измѣнилось. Тщетно уговаривалъ онъ меня успокоиться, я его не послушался и медленно продолжалъ одѣваться. Тогда онъ побѣжалъ доложить о моемъ упрямствѣ, и вскорѣ пришелъ Рандъ именованнаго генерала просить меня, а если нужно требовать, чтобъ я легъ въ постель и послалъ за врачомъ. На первое я согласился, на второе нѣтъ: какъ Базиля въ *Фигаровой эженитѣ* бѣ укладывали человека, въ которомъ все показывало отсутствіе разсудка. Къ вечеру болѣзнь такъ усилилась, что самъ Бетанкуръ привелъ съ собою доктора Либошица. Обнаружилась горячка самая злокачественная; гнилая, нервная; не дали ей настоящаго имени тифуса, потому что, кажется, его еще не знали.

Самое жестокое въ этого рода болѣзняхъ есть сохраненіе памяти при мученіи и тоскѣ востерпимыхъ. Я помню какъ все тѣло мое изъязвлено было синаписмами и шпанскими мухами, что, конечно, оттягивая жаръ, умножало однакоже нервныя страданія. Еще болѣе помню я совершенно родственныя, нѣжныя попеченія обо мнѣ людей мнѣ чуждыхъ. Какъ забыть мнѣ и преданность вѣрнаго и пьянаго слуги моего Василья, который въ это время до водки не касался и ни дня, ни ночи вокругъ меня не зналъ покоя! Хотѣлось бы забыть мнѣ безчеловѣчную, грубую алчность моего врача. Дѣло естественное, онъ былъ Еврей, и едва ли крещеный: хотя тяжко больному изъяслять опасеніе насчетъ уплаты за труды, когда его не станетъ, но, чтобъ успокоить его, я сказалъ ему, что за то поручится мой начальникъ.

Наступилъ двѣнадцатый, рѣшительный день, 28-ое августа. Либошицъ пришелъ довольно рано, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ языкъ и ни слова не сказалъ. Я спросилъ его, отчего по всей кожѣ моей показавшіяся сперва красныя пятна превратились въ фіолетовыя, а тутъ сдѣлались черными? „Да у васъ и языкъ уже весь почернѣлъ,“ отвѣчалъ онъ. Кажется довольно бы сего приговора, а между тѣмъ, выходя, онъ остановился у дверей и вслухъ сказалъ слугѣ моему и случившемуся тутъ одному изъ инженерныхъ офицеровъ: „Не мучьте его понапрасну, не давайте ему болѣе лѣкарствъ, я думаю, онъ и сутокъ не проживетъ.“ Я принялъ это довольно хладнокровно: не смѣю назвать это стоицизмомъ, а скорѣе остолбенѣніемъ, какимъ-то душевнымъ онемѣніемъ. Пришелъ Бетанкуръ, и забывшись, сталъ при мнѣ умывать руки уксусомъ, которымъ вся комната была накурена какъ у чумныхъ. Молча, одною рукою взялъ онъ меня за пульсъ, и держа въ другой часы, считалъ пульсаціи; вдругъ онъ съ гнѣвомъ отбросилъ мою руку и убѣждалъ: добрый старикъ разсердился на болѣзнь. За нимъ, всѣ начали приходять по-одиночкѣ, какъ будто прощаться со мною. Не касаясь меня, становились они противъ меня, у ногъ моихъ. Со всѣми я говорилъ свободно, ласково, о близкой кончинѣ моей, каждому изъяслялъ искреннее желаніе, послѣ себя, всякаго благополучія. Въ полдень открылись двери, и торжественно вступила тетка моя, игуменья Дороея. Она съ важностію сѣла противъ меня и между нами начался слѣдующій разговоръ:

— Знаешь ли ты, мой другъ, въ какомъ ты находишься положеніи?

— Знаю.

— Знаешь ли ты, что съ часу на часъ ты долженъ ожидать смерти?

— Знаю.

— Чего же ты медлишь послать за священникомъ, въ ту минуту, когда должна рѣшиться участь твоя въ вѣчности?

— Уже поздно, отвѣчала я: — теперь покаяніе было бы дѣйствіемъ страха. Я всегда вѣровалъ въ Господа Бога и въ Его милосердіе; оно одно проститъ мнѣ прегрѣшенія мои во мзду немногихъ добрыхъ дѣлъ и чувствъ.

Она продолжала краснорѣчивыя убѣжденія свои, а я вышелъ изъ терпѣнія.

— Вы мнѣ надоѣли, оставьте меня, вскрикнулъ я, выпрямаясь передъ нею пугаломъ, привидѣніемъ; огонь, который пожиралъ существо мое, ярко заблесталъ во впадшихъ глазахъ моихъ. Она отворотилась съ ужасомъ, какъ бы видя передъ собою добычу демона; потомъ встала, и уходя промолвила:

— По крайней мѣрѣ позволь придти священнику со святою водою и отслужить молебень.

— Хорошо, отвѣчала я, — только часу въ девятомъ вечера.

Про себя подумалъ я, что тогда уже онъ меня не застанетъ. Это было совершенное безуміе, и неужели Всевышній строго осудилъ бы издыхающаго сумасброда, когда и законы человѣческіе, по большей части столь несправедливые и жестокіе, такъ снисходительны къ умалишеннымъ?

По выходѣ игуменьи, нѣсколько часовъ я оставался совершенно одинъ, какъ будто всѣми брошенный; и утомленный безпрестаннымъ бдѣніемъ, самъ слуга мой предался невольному сну въ боковой комнатѣ. Жаръ большаго воображенія сталъ сильнѣе дѣйствовать въ головѣ моей: одна нелѣпица смѣняла другую. И вдругъ на память пришла мнѣ мать моя, о которой во время болѣзни я ни разу не подумалъ: до того все перемѣнилось во мнѣ. Я представилъ себѣ горестъ ея, когда обо мнѣ получить она извѣстіе. За нею все что мнѣ было любезно, мило, и люди, и мѣста, потянулось передо мною прелестною цѣпью, которая такъ и притягивала меня къ жизни, коею уже почиталъ я себя чуждымъ. Равнодушіе, покорность моя къ судьбѣ вдругъ превратились въ неистов-

ство, въ бѣшенство, я дерзнулъ самого Бога звать на судъ, упрекалъ Его въ жестокости, когда безъ всякой причины, вдали еще отъ старости, внезапно лишаетъ Онъ меня всѣхъ даровъ своихъ. Я вертѣлся, терзалъ грудь свою, кусалъ подушки; въ душѣ своей я чувствовалъ адское мученіе. Изнеможенный перешелъ я къ умиленію. Сквозь опущенныя стѣны сіяло заходящее солнце. „Его уже болѣе не увижу, подумалъ я; дай хоть въ послѣдній разъ взгляну на закатъ его, столь величественный за Окой.“ Откуда взялись у меня силы, я всталъ босой, и держась за стулья, вдоль стѣны, добрелъ до окна. Чуткій слуга мой, къ счастью, услышавъ шорохъ, вскочилъ и вошелъ въ двери въ то самое мгновеніе, когда силы меня оставляли: я зашатался и упалъ къ нему на руки. Онъ дотащилъ меня до кровати, на которую и уложилъ. Скоро сказали, что пришелъ священникъ: „хорошо,“ вотъ все что могъ я отвѣчать. Усадили меня въ кресла, посреди подушекъ, и начался молебенъ. *Холодно, темно*, все повторялъ я слабѣющимъ голосомъ. А небольшая комната моя наполнилась всѣми любопытными, мнѣ сожителствующими, и по желанію моему, скорѣе угаданному, горѣло дюжины двѣ свѣчъ. Громогласное чтеніе іерея мнѣ казалось шопотомъ, густой туманъ носился вокругъ меня, оконечности тѣла моего, руки по локоть и ноги по колѣно, нѣмѣли, остывали; слухъ, зрѣніе покидали меня; я отходилъ. Молебенъ кончился, и священникъ, окропивъ меня святою водою, поднесъ къ устамъ моимъ животворящій крестъ; безсознательнымъ движеніемъ, нѣмѣющими руками ухватился я за него, какъ за спасеніе свое, и прижалъ къ груди. Послѣ того уже безъ памяти положили меня на ложе. Я не умеръ, а погрузился въ мертвый сонъ, тогда какъ передъ тѣмъ рѣдко на полчаса случалось мнѣ забываться.

Надо мной совершилось чудо, точно чудо! Пусть увѣряютъ, что сильное волненіе, чувствуемое мною, къ вечеру произвело переломъ, для меня спасительный. Мнѣ пріятно думать, и я въ томъ твердо увѣренъ, что Провидѣнію угодно было, чтобъ я еще пожилъ, погрѣшилъ, подурачился, пострадалъ и пописалъ. А для чего это? Неразгаданными Его тайнами мы окружены, и бездѣльныя причины какъ часто поражаютъ важныя послѣдствія. Видѣть въ себѣ нѣчто Имъ избранное было бы слишкомъ безразсудно, и я просто думаю, что когда висѣлъ я надъ могилой и не упалъ въ нее,

на то была та же самая воля, без которой волосъ не спадеть съ головы человѣческой. Подробное описаніе этой болѣзни инымъ покажется скучнымъ. Но многимъ ли удавалось быть одною узкою чертой отдѣленными отъ вѣчности и круто поворотить отъ нея вспять? И тѣ, съ коими случалось сіе, не забывали ли того? А если и не забывали, то вѣрно уже не изображали. Вотъ почему, я думаю, что для иныхъ будетъ сіе любопытно. Я могу сказать, что я отвѣдалъ смерти, и до того что въ Петербургѣ, въ Москвѣ, успѣлъ прослыть покойникомъ: появленіе мое въ сихъ столицахъ могло одно поправить сію печальную репутацію.

Утромъ на другой день, когда Бетанкуръ прислалъ узнать въ которомъ часу я скончался, ему отвѣчали, что я живъ и сплю. Чтобъ удостовѣриться въ истинѣ сего донесенія, онъ пришелъ самъ: такъ случилось, что въ эту минуту я проснулся. Онъ повторилъ то что дѣлалъ наканунѣ, и когда увидѣлъ что быстрота и число пульсацій на половину уменьшились, забывъ опасность, бросился обнимать меня; это одно должно уже примирить меня съ его памятью. Послѣ того я впалъ въ летаргію, и когда очнулся, то не понималъ уже ничего что мнѣ говорили, никого почти не узнавалъ и молоть всякій вздоръ. Чрезмѣрное напряженіе жизненныхъ пружинъ до того ослабило мою голову, что когда мнѣ стало легче, нѣсколько дней я двухъ идей не могъ связать. Къ вечеру въ этотъ день, 29-го числа, пріѣхалъ братъ мой Павелъ Филипповичъ, за которымъ Бетанкуръ посылалъ въ Пензу нарочнаго. Я съ трудомъ и его могъ распознать.

Между тѣмъ начальникъ мой со свитой совсѣмъ собрался въ Петербургъ. Одною въ пустомъ домѣ нельзя было меня оставить. На общемъ совѣтѣ съ братомъ положено на другой же день, 30-го числа, перевезти брѣнное тѣло мое въ наемную квартиру, къ священнику Покровской церкви, на Большой Покровской улицѣ. Ужасныя мученія вынесъ я въ этотъ Александровъ день: инженеры давали Бетанкуру прощальный обѣдъ, у него же самого на верху; полицеймейстеръ хотѣлъ тоже подслужиться и привелъ музыкантовъ, которые загремѣли у меня подъ самыми окнами. Бетанкуръ въ ту же секунду велѣлъ прогнать ихъ. И дѣйствительно, сильные звуки для ослабленныхъ нервовъ—пытка: пришедъ почти въ себя, я, говорятъ, завопилъ не человѣческимъ голосомъ. Пока солнце не сѣло, меня уложили въ чет-

вероятную карету и вмѣстѣ съ братомъ потащали вверхъ на гору. Тряская ѣзда была для меня новою казнію; я не понималъ чего отъ меня хотятъ, что творять со мною, и жалобно вылъ. Бетанкуръ навѣстилъ меня 31-го числа; его узналъ я, понялъ что онъ пріѣхалъ проститься, и слезы показались у меня на глазахъ. Чтобъ успокоить меня, онъ сказалъ, что поручилъ меня попеченіямъ рядомъ живущей со мною челоѣколюбивой баронессы Моренгеймъ, тещи барона Боде. Еслибъ я и понялъ его, то мало былъ бы утѣшенъ, ибо къ этой дамѣ не чувствовалъ я ни малѣйшей симпатіи. Онъ уѣхалъ чѣмъ свѣтъ 1-го сентября.

Выздоровленіе не вдругъ превращается въ пріятное чувство: надобно сперва пройти черезъ тоску, дѣйствию безмѣрной слабости. Я бывало не могъ глазъ закрыть; страшныя чудовища, которыя иногда являютъ фантазмагорическія представленія, ни что передъ тѣми, которыя мнѣ мерещились. На другія страданія я жаловаться не смѣю: они были мнѣ полезны; сильный переворотъ въ составѣ моемъ взволновалъ, расшевелилъ въ немъ все дурное и выбросилъ наружу: все тѣло мое покрылось нарывами, которые совершенно очистили во мнѣ кровь.

Мнѣ, впрочемъ, было хорошо: со мною былъ братъ мой, котораго хотя всякій день куда-нибудь звали обѣдать, по который остальное время не отлучался отъ меня. Челоѣколюбивой Моренгеймъ я въ глаза не видалъ; попеченія ея обо мнѣ ограничивались присылкою жиденъкаго супа съ кухни своей. За то другая женщина, Русская, игуменья, часто навѣщала меня; я не гналъ ее уже прочь, а съ наслажденіемъ внималъ рѣчамъ ея, проникнутымъ христіанскою нѣжностію. Я не дожидался совѣта ея, чтобы 14-го сентября, въ день Воздвиженія Креста, черезъ силу отправиться въ церковь и причаститься св. таинъ. Не покидая жизнь, а возвращаясь къ ней, и въ здоровомъ смыслѣ, хотѣлъ я очиститься святыми дарами. По совершеніи сего, вдругъ такъ быстро стали приходить ко мнѣ силы, безъ помощи лѣкарствъ, даже подкрѣпительныхъ, о коихъ давно я уже слышать не хотѣлъ, что братъ мой, не находя болѣе присутствіе свое для меня необходимымъ, черезъ два дня, 16-го числа, отправился въ обратный путь.

Черезъ нѣсколько дней я въ состояніи былъ то же сдѣлать. Меня удерживали: мало знакомые, а иные вовсе незна-

комые желали меня у себя видѣть и въ честь мою давали обѣды, не изъ особаго уваженія какого, а изъ любопытства посмотрѣть на воскресшаго, изъ гроба подъятаго Лазаря. Сверхъ того, меня пугали позднимъ осеннимъ временемъ: но я во всемъ полагался на испытанное мною милосердіе Божіе; никогда еще вѣра моя въ него не бывала такъ тверда. Какіе обѣты давалъ я тогда, и увы, какъ исполнилъ я ихъ!

Итакъ, въ упованіи на помощь Господню, я выѣхалъ 28-го сентября, ровно черезъ годъ послѣ выѣзда моего изъ Парижа. Новое чудо! въ воздухѣ сдѣлалось не тепло, а жарко какъ лѣтомъ; только послѣ вечерней прохлады скоро наступила осенняя стужа, но я уже былъ въ Озябликовскомъ погостѣ, гдѣ нашелъ теплый и покойный ночлеги. Нѣсколько дней сряду стояла такая погода: но дорога скоро меня утомила, я не могъ ѣхать болѣе семидесяти верстъ въ день и всякую ночь останавливался. Вторую провезъ я въ Муромѣ, третью во Владимірѣ, четвертую, въ день Покрова, въ городѣ Покровѣ, пятую въ Новой деревнѣ. Коротенькую станцію до Москвы сдѣлалъ я 3-го октября.

Ямщикъ привезъ меня въ трактиръ Лейпцигъ, на Кузнецкомъ мосту, отъ котораго осталось лишь одно только имя: при общей поправкѣ, перестройкѣ, сочли его лишнимъ и уничтожили. По близости я поспѣшилъ къ пріятелю моему Александру Григорьевичу Товарову: но онъ домъ свой продалъ и поселился въ Старой Конюшенной,—въ кварталѣ, въ счастливое время Москвы мало кому извѣстномъ, но послѣ пожара вошедшемъ въ моду. Послѣ обѣда Товаровъ пріѣхалъ самъ за мной и перетащилъ къ себѣ. Мнѣ еще очень нужны были дружеская бесѣда и попеченія.

Мнѣ бы слѣдовало не останавливаться, но какъ быть! Тутъ только въ Москвѣ почувствовалъ я вполнѣ то благосостояніе, коимъ пользуются больные вскорѣ по выздоровленіи. Пять лѣтъ передъ тѣмъ оставилъ я ее въ развалинахъ; тутъ не могъ я налюбоваться бѣлокаменной, краснымъ солнышкомъ постоянно освѣщаемой; много было въ ней древняго, живописнаго, ничего стараго, все свѣжо, все ново, все выпрямлено, все изукрашено. Впрочемъ, городъ былъ довольно пустъ; невиданная вѣшняя теплота въ глухую осень вѣроятно удерживала еще помѣщиковъ по деревнямъ. Хозяинъ мой самъ подговаривалъ меня ѣхать, пользуясь благоприятною погодой, которая со дня на день, съ часу на часъ, можетъ

измѣниться. Я ни о чемъ не заботился; про то знаетъ высшій мой Хранитель, думалъ я. На Бога надѣйся, а самъ не плошай, говорилъ мнѣ Товаровъ.

Однакожь я послушался его и 11-го октября оставилъ Москву. Видно и тутъ силы не совѣтъ ко мнѣ пришли, ибо я ѣхалъ такъ же медленно какъ изъ Нижняго. Въ самый день моего отъѣзда, небо изъ свѣтло-голубаго превратилось въ сѣренькое, но дождя еще не было, и дорога была сухая. Только 13 числа, когда ночью въѣзжалъ я въ Торжокъ, пошелъ первый дождикъ, сильный, лѣтній, еще не осенній. На другой день воздухъ вдругъ похолодѣлъ и отсырѣлъ, и я долженъ былъ бороться съ дурною дорогой и съ дурною погодой: но я какъ-то не увывалъ, тепло одѣвался, преимущественно ночевалъ въ теплыхъ ямскихъ избахъ. За Новгородомъ сдѣлалось мнѣ гораздо хуже, когда 16-го числа я долженъ былъ рано остановиться на станціи Чудово. Я думалъ, что не доѣду до Петербурга, и немного струхнулъ. Хотя плоть была немощна, но духъ еще довольно бодръ: съ нимъ собрался я, чтобы до свѣту 17-го оставить грязную избу, въ которую печально попалъ я на ночь. Тутъ нужна была твердость: строилось шоссе, его назначено было слѣдующимъ лѣтомъ проводить по той дорогѣ, по которой надлежало мнѣ ѣхать, и ее не чинили. Сдѣлался первый изрядный морозъ, что у насъ называютъ утренникъ; грязь не совѣтъ застыла, по бревенчатой дорогѣ кое-гдѣ торчали вверхъ оледенѣлыя бревешки, кое-гдѣ образовавшіяся довольно глубокія лужи подернуло льдомъ: и тяжело, и скользко, и опасно. Четыре часа съ половиною нужно мнѣ было чтобы сдѣлать двадцать пять верстъ до Померанья. И совершенно здоровому трудно бы было вынести: еслибы Богъ помогъ, въ этотъ день хотя бы еще одну станцію отъѣхать, сказалъ я.

Лишь только издали завидѣлъ я вновь устроенную, славную станціонную гостиницу померанскую, какъ все перемѣнилось. Куда вдругъ дѣвались облака? Безъ ихъ дурнаго общества, солнце одно засверкало на небѣ почти съ лѣтнею теплотою, на всю зимнюю разлуку какъ будто нѣжно прощаясь съ землею. Мнѣ стало отрадно; къ тому же, въ эту осень только отъ Помераніи открыто было шоссе, еще твердое, не извѣстное; съ радостнымъ нетерпѣніемъ помчался я по немъ, и 32 версты до Тосны сдѣлалъ не съ большимъ въ два часа. Я думалъ, не остановиться ли мнѣ въ Ижорѣ; но когда въ сумерки началъ я подъѣзжать къ этой станціи, небо опять

заволокло, и въ воздухѣ кой-гдѣ стало показываться что-то похожее на бѣлый пухъ; тогда я рѣшился не дожидаться зимняго пути. Въ Царскомъ Селѣ, чрезъ которое тогда ѣздили, настоящимъ образомъ пошелъ первый для меня снѣгъ. Метеорологическія странности суть дѣло обыкновенное въ Петербургѣ; въ одинъ день видѣлъ я три времени года, и на одной недѣлѣ, послѣ долгой засухи, былъ первый дождь, первый морозъ и первый снѣгъ. На спускѣ Пулковой горы замѣтилъ уже былъ черный слѣдъ колесъ по убѣжденной дорогѣ. Лишь только поравнялся я съ Среднею Рогаткой (нынѣ Четыре Руки), поднялся такой вихрь, такая буря, такая метелица, что еслибъ это было въ степи, то можно было бы запутаться. По петербургскимъ улицамъ тяжело было ѣхать; когда же я остановился у подъезда моей казенной квартиры, прежде чѣмъ я вышелъ изъ коляски, надобно было отгребать снѣгъ, навалившій на кожаный фаргукъ ея.

Меня дожидались, и все готово было къ моему пріѣзду. Какое наслажденіе, наконецъ, быть у себя дома, въ теплыхъ, хорошо прибранныхъ и хорошо освѣщенныхъ комнатахъ! По великой усталости я скоро отправился спать. Когда на другое утро, 18-го октября, я проснулся, всталъ и посмотрѣлъ въ окно, солнце опять еще сіяло, только не грѣло, и весь Петербургъ разѣвжалъ въ саяхъ, съ которыми и не разставался до слѣдующей весны.

XVI.

Сначала я исполнилъ первый долгъ: пошелъ помолиться къ Спасу на Сѣнной; потомъ второй: явился къ начальнику своему; онъ что-то черезчуръ принялъ меня ласково. Тутъ не было ни малѣйшаго притворства, а можетъ-быть нѣкоторая совѣстливость. „Послѣ такой тяжкой болѣзни и трудной осенней дороги, вамъ необходимо успокоеніе, сказалъ онъ; я увольняю васъ, по крайней мѣрѣ, недѣли на три отъ всякихъ заботъ; отдохните, погуляйте на свободѣ, а потомъ опять примемся за дѣло.“ Я всегда былъ отмѣнно довѣрчивъ; мнѣ и въ голову не вошло подозрѣвать тутъ перемѣну намѣреній его насчетъ будущаго служенія моего.

Во время моего отсутствія, лѣтомъ и осенью, произошла одна важная перемѣна въ министерствахъ. Чтобы не забыть, я долженъ упомянуть здѣсь о ней. Козодавлевъ, послѣ

кратковременныхъ, но жестокихъ страданій, умеръ въ іюль мѣсяцѣ. Государь получилъ извѣстіе о кончинѣ его, если не ошибаюсь, въ городѣ Архангельскѣ. Онъ обозрѣвалъ тогда весь сѣверъ государства своего и спѣшилъ увидѣть Финляндію. Министерство внутреннихъ дѣлъ было поручено министру просвѣщенія, князю Александру Николаевичу Голицыну. Въ началѣ октября, въ самый день возвращенія императора, престарѣлый графъ Вязмитиновъ совсѣмъ одѣлся чтобъ ѣхать во дворецъ, а пока присѣлъ и сталъ подписывать нѣкоторыя бумаги. Вдругъ рука его остановилась, въ одну минуту прекратились все жизненныя его движенія: съ нимъ вмѣстѣ скончалось и управляемое имъ министерство полиціи.

Оно по прежнему вошло въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ и по прежнему поручено управленію графа Кочубея. Онъ занималъ мѣсто выше министерскаго, онъ былъ предсѣдателемъ одного изъ департаментовъ государственнаго совѣта, и принималъ только званіе управляющаго, съ сохраненіемъ прежней должности. Одно чадолюбивое чувство могло заставить его вновь посвятить попеченія свои искаженному дѣтищу. Въ кратковременное его управленіе, любимцу царскому Голицыну полюбилась въ немъ почтовая часть, и онъ выпросилъ ее себѣ. Изъ нея составилось особое министерство подъ названіемъ главнаго начальства надъ почтовымъ департаментомъ, и въ семь видѣ она и понынѣ существуетъ. Самъ Кочубей счелъ нужнымъ передать Гурьеву департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли. Нѣтъ, навсегда уже прошло блестящее время этого министерства.

Случаются обстоятельства въ жизни, которыя хотѣлось бы забыть; тѣ, въ коихъ находился я въ концѣ 1819 года, изъ числа ихъ; но изобразить ихъ здѣсь для меня необходимость. Тримя недѣлями свободы и даже болѣе, дарованными мнѣ Бетанкуромъ, я охотно воспользовался. Какъ будто новорожденный, я вновь приступалъ къ жизни, все плѣняло меня въ ней, все сіяло мнѣ въ будущемъ. Бетанкуръ и семейство его были со мною любезнѣе чѣмъ когда-либо, звали обѣдать, на вечеръ, а о дѣлахъ съ нимъ ни слова.

Наконецъ, мнѣ стало совѣстно, и я пришелъ объявить Бетанкуру, что чувствую себя совершенно въ силахъ вновь трудиться при немъ. „По прямой вашей должности въ петербургскомъ строительномъ комитетѣ, вы всегда властны

вступить въ управленіе дѣлами его; что же касается до другихъ особыхъ дѣлъ, государемъ мнѣ порученныхъ, производствомъ коихъ вы, по снисходительности вашей ко мнѣ, занимались, то какъ уже разъ они поступили въ канцелярію мою и нѣсколько мѣсяцевъ тамъ находятся, взять ихъ оттуда было бы напрасно, пусть остаются они у секретаря моего.“

Что бы это значило? подумалъ я. Это значило, что Рандъ меня оттираетъ. Я пропустилъ нѣсколько дней, приготовляясь къ новому объясненію: званіе директора департамента все еще оставалось у меня въ виду. Мнѣ однакоже давно пора было замѣтить, что все перемѣнилось для меня. Обхожденіе со мною инженерныхъ генераловъ осталось вѣжливымъ, какъ слѣдовало, но не было уже той искательной привѣтливости, которую я находилъ въ нихъ до поѣздки въ Нижній-Новгородъ. Что еще болѣе должно было убѣдить меня въ незамѣченномъ мною паденіи моемъ, была удвоенная со мною любезность любезнѣйшаго изъ Французовъ, генерала Карбоньера, который одинъ противъ Бетанкура составлялъ тогда тайную оппозицію, превратившуюся послѣ въ явную.

Вдругъ сказали мнѣ тайкомъ, что готовится докладная записка къ императору, въ которой титулярному совѣтнику Ранду, въ награду за его великіе труды, и въ поощреніе его великихъ способностей, безъ университетскаго аттестата, не въ примѣръ другимъ, испрашивается чинъ коллежскаго ассессора и съ сохраненіемъ прежней должности — званіе правителя канцеляріи. Правитель же канцеляріи совѣта путей сообщенія, надворный совѣтникъ Хрущовъ, представленъ къ чину коллежскаго совѣтника и къ должности директора департамента, на мѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника Серебрякова, котораго уволить съ пенсіей.

Меня поразило это извѣстіе, такъ что я едва повѣрилъ ему. Съ сердцемъ трепещущимъ отъ сожалѣнія и досады, явился я къ Бетанкуру и рѣшился спросить объ истинѣ мнѣ сказаннаго.

— Васъ не обманули, сказалъ онъ,—вчера государь подписалъ указы о томъ.

— Генераль, сказалъ я,—вамъ извѣстно, что я не искалъ этого мѣста, но со словъ вашихъ желалъ его получить и въ полученіи былъ увѣренъ. Вы можете себѣ представить сколь прискорбно мнѣ должно быть это предпочтеніе.

— Какъ быть, отвѣчалъ онъ, — я замѣтилъ, что вы бы никогда не поладили съ г. Рандомъ, у васъ совсѣмъ разныя понятія о вещахъ; г. Кручкова я почти не знаю, но онъ очень хорошо знаетъ свою часть, съ которой ознакомиться вамъ нужно было бы время; вы довольно упорны, съ Рандомъ была бы у васъ вѣчная распря; каково же бы мнѣ было безпрестанно мирить васъ! Съ Кручковымъ этого не будетъ.

Улыбаясь, сказалъ я:—Вѣроятно, вы удостовѣрились въ томъ, что о сихъ господахъ первоначально даны вамъ были ложныя понятія; что же касается до меня, то позвольте мнѣ сохранить насчетъ ихъ то мнѣніе, которое вы мнѣ дали.

— Какъ хотите, сказалъ онъ съ прижатымъ бѣшенствомъ.

— Итакъ, карьера мой конченъ при васъ.

— Ни мало, оставайтесь сколько вамъ угодно; я даже намѣренъ представить васъ государю къ чину статскаго совѣтника.

Когда я замѣтилъ ему, что маловажная должность моя не будетъ соответствовать, онъ отвѣчалъ:—Ничего, я буду умѣть это сдѣлать.

Я не заботился объ обѣщанномъ мнѣ чинѣ, полагая, что начальникъ мой испроситъ мнѣ его при первомъ личномъ докладѣ государю; я не имѣлъ аттестата, какъ же было иначе это сдѣлать? Новое удивленіе! самъ Бетанкуръ успѣшилъ возвѣстить мнѣ, что представленіе о томъ сдѣлалъ чрезъ военнаго генераль-губернатора.

— Да это все равно что ничего, сказалъ я: — первое представленіе обо мнѣ государю сдѣлали вы сами и лично.

— Дѣло другое, отвѣчалъ онъ,—тогда былъ Вязмитиновъ, на него мы мало смотрѣли, а Милорадовичъ шутить не любить.

— Да какое ему дѣло до того? Онъ даже бы и не узналъ о томъ.

— Не беспокойтесь, я уже съ нимъ о томъ самъ переговорилъ, и онъ обѣщался все сдѣлать. Да, постойте, я еще лучше самъ къ нему напишу, а вы отдадите ему письмо. Вотъ вамъ случай съ нимъ познакомиться.

И дѣйствительно, во французскомъ письмѣ, которое далъ онъ мнѣ прочесть, не было похвалъ, которыми бы онъ меня

не осыпалъ. Мнѣ показалось, что онъ рехнулся, и я поспѣшилъ удовлетворить его желаніе.

Къ тому побуждало меня еще и любопытство. Мнѣ хотѣлось хотя разъ вблизи посмотрѣть на человѣка, который въ армиі былъ столь извѣстенъ какъ храбрецъ и чудакъ. Вмѣстѣ со многими смѣшными сторонами онъ имѣлъ и рыцарскія замашки. Болѣе всего прославился онъ необычайнымъ, постояннымъ счастіемъ.....

Коль скоро доложили ему обо мнѣ, онъ тотчасъ велѣлъ позвать меня къ себѣ въ кабинетъ: такъ назывались нѣсколько комнатъ верхняго этажа въ нанимаемомъ для него домѣ на Невскомъ Проспектѣ, наполненныхъ разными предметами роскоши безъ большого порядка и вкуса. Онъ закидалъ меня словами, отъ другаго весьма бы лестными для моего самолюбія. Когда я сказалъ ему, что за неимѣніемъ аттестата, производство должно встрѣтить неодолимое препятствіе, онъ отвѣчалъ мнѣ, что никакихъ препятствій быть не можетъ, когда дѣло идетъ о столь извѣстномъ человѣкѣ какъ я (я-то тогда извѣстенъ!), представленномъ столь необыкновеннымъ человѣкомъ каковъ мой генераль. Я тотчасъ увидѣлъ, что изъ этого ничего не выйдетъ кромѣ вздора.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ этомъ случаѣ покорный Бетанкуръ послушался совѣта немилостиваго ко мнѣ Ранда. И что же вышло? Милорадовичъ представилъ обо мнѣ министру внутреннихъ дѣлъ, тотъ—въ комитетъ министровъ, а комитетъ отложилъ это, какъ говорится, въ длинный ящикъ.

Почти всегда такъ случалось, что когда приготовлялись въ Европѣ важныя происшествія, а въ государствѣ нашемъ большія перемѣны, то же самое послѣдовало и въ скромной участи моей. Четыре года, описанные мною въ сей части, были вездѣ довольно покойны и казались счастливыми послѣ послѣднихъ бурныхъ годовъ Наполеонова владычества. Для меня сіе четырехлѣтіе было дѣятельнѣйшею дотолѣ эпохой въ моей жизни: ихъ заключила жестокая неудача. Но роптать ли мнѣ на то? Сіе увидать въ слѣдующей части, если я буду продолжать сіи записки. Въ этой же, главѣ сію, кратчайшую изъ всѣхъ, написалъ я вмѣсто эпилога.